

№ 4 (1386) ФЕВРАЛЬ 1985

СМЕТЬ

174
письма
на острую
тему.

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ
КАЖДОГО ДНЯ.

НА ПУТИ
К ПРИЗВАНИЮ.

Школьные перемены

Надежда МАЙДАНСКАЯ

КАК НЕ РАСТЕРЯТЬСЯ НА "ЯРМАРКЕ ПРОФЕССИЙ"

Готовясь к XXVII съезду КПСС, необходимо с особым вниманием изучать всякий опыт, который отвечает современным запросам жизни. Профориентация сегодня — одно из важнейших направлений школьной реформы, которая стала делом поистине всеобщим.

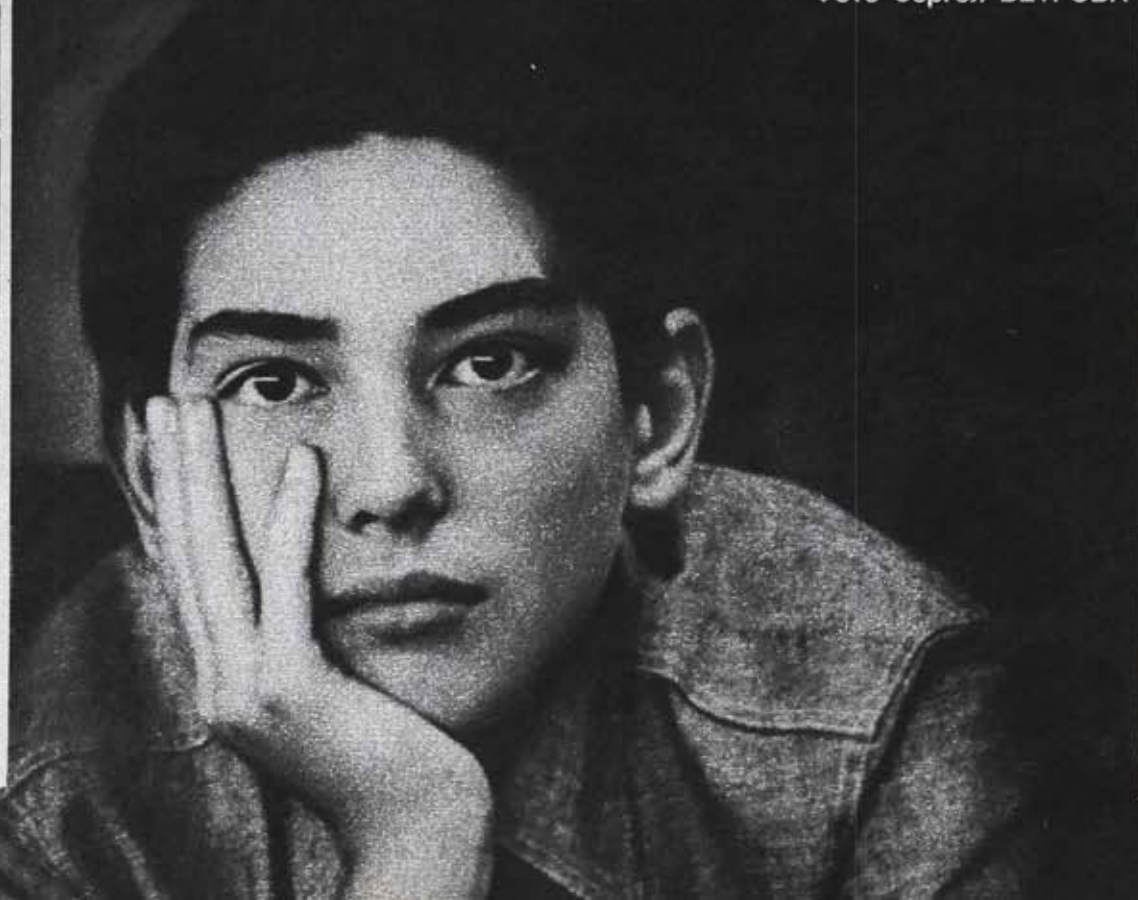
Когда-то Владимир Маяковский, обращаясь к детям в стихотворении «Кем быть?», предлагал на выбор восемь профессий. Сегодняшним школьникам приходится выбирать из пятидесяти тысяч! Хорошо, если детская увлеченность строить корабли или играть на скрипке переросла в глубокий интерес. А если пристрастия нет ни к чему? Или наоборот: влекут несколько специальностей, какой отдать предпочтение?

Ответить на эти вопросы и призвана служба профориентации, консультационный пункт которой открыт в Москве, в Политехническом музее.

ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ, РАЗНООБРАЗНЫЕ ТЕСТЫ, ВОЗМОЖНОСТЬ УВИДЕТЬ И ОЦЕНИТЬ ВСЕ САМОМУ, РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ СПЕЦИАЛИСТОВ — ВОТ ЧТО ТАКОЕ СОВРЕМЕННАЯ ПРОФОРИЕНТАЦИЯ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

Два раза в месяц, в первую и третью субботу, тянется в музей цепочка посетителей одного приблизительно возраста, уже не детей, еще не взрослых — старшеклассников. Причем не только москвичей. Из области приезжают. В надежде, что уж специалисты — а среди них преподаватели вузов и ПТУ, работники научно-исследовательских институтов, психологи, социологи, врачи, ветераны труда — помогут развеять сомнения.

Однако рецептов, гарантирующих выбор профессии, в которой человек раскрывается бы полностью, не существует. В чем же тогда суть консультаций?

Тем, кто уже более или менее определился в своем выборе, специалисты расскажут о задачах и проблемах той или иной отрасли хозяйства, о новых профессиях и о тех, у которых при старом названии давно изменилось содержание. Посоветуют и учебное заведение. Ну, а тем, кто еще на перепутье, — к психологам.

— В школе математика и физика даются легко, — рассказывает десятиклассница Светлана Колосова, — а попробовала ходить на подготовительные курсы в Московский институт инженеров транспорта — не потянула.

— А какие журналы читаете, книги? — спрашивает ее психолог Юрий Пахомов.

— Программные в основном.

— Журнал «Знание — сила» не приходилось листать?

— Нет. Брат выписывает «Науку и жизнь», просматриваю иногда.

— Света, а общественной работой вы занимаетесь?

— Была в редколлегии стенгазеты. Ушла. Работала с октябрятами. Не справляюсь...

— Ну, а шить, готовить вам нравится?

— Готовить люблю, но если что-то не получается, больше не берусь.

— А кем в детстве хотели быть?

— Воспитателем в детском саду. Артисткой мечтала стать, но ведь в театральную не попасть...

— А что вам нравится в профессии артиста?

— Все нравится, да ведь туда не попасть...

— Ну, а если отбросить, что не попасть? Вы попали. Представьте, что вы уже артистка.

— Интересно. Жизнь разнообразная.

— А потребность что-то сказать людям чувствуете?

— ?..

О чем думают старшеклассники, выбирая профессию? Если не принимать в расчет наставления родителей, руководствуются они желанием или приобретенными навыками к какому-либо труду. Оба эти пути могут вывести на большую дорогу жизни, но и на том, и на другом можно споткнуться. Ибо навыки к труду еще не профессия. А желание часто зиждется на иллюзорных представлениях, внешней привлекательности той или иной специальности — то есть мотивах часто случайных. Обнажить суть профессии, исследовать склонности, способности, возможности молодого человека, дать совет, но ни в коем случае не рецепт — вот задачи психологической службы консультационного пункта. Решать их помогают специальные методики. Одна из них разработана в НИИ трудового обучения и профориентации Академии педагогических наук СССР профессором Е. Климовым. Суть ее вот в чем.

Все профессии Е. Климов сгруппировал по предмету, целям, средствам и условиям труда. Предметом труда могут быть земля и происходящие в ней процессы, машины, люди, формулы, холсты... Но из всего многообразия объектов приложения сил нужно выбрать область, с которой больше всего хочется иметь дело. При этом подумать о цели труда: что больше по душе — распознавать что-то, различать, оценивать или преобразовывать? А может, изобретать?

При выборе профессии важно знать условия труда: будет он ручной или с использованием механического, автоматизированного оборудования? Каких способностей потребует выбранная профессия и нет ли к ней медицинских противопоказаний. На основе данной методики специалисты по профориентации составили дифференциально-диагностический опросник.

Предположим, вы можете выполнять любую работу. Однако если бы пришлось выбирать только из двух возможностей, что бы вы предпочли: помогать больным, лечить их или составлять программы вычислительных машин? Настраивать музыкальные инструменты или управлять подъемным краном? Разбирать ссоры, убеждать, разъяснять, наказывать или проверять схемы, чертежи?... Двадцать вопросов. И двадцать ответов, которые поведают специалисту о ваших пристрастиях, интересах, то о время как для самого человека эти интересы порой за семью замками.

Конечно, ни одна таблица не скажет: вот ваше дело, занимайтесь только им. Рекомендации психологов лишь подсказывают, направляют мысль в нужное русло, заставляют задуматься.

Владимир Донцов учится в седьмом классе. Отец — слесарь-инструментальщик — много рассказывает о своей профессии. И Владимир загорелся. Одно только смущает: сможет ли освоить это дело, ведь он троечник... Сказать: конечно, сможет, было бы желание — проще всего. Много зависит от силы желания, воли, упорства, но эти качества еще нужно в себе воспитать.

Что же посоветовали Владимиру? Анализ показал, что его интерес к технике на низком уровне. Зато повышенное влечение к природе. Разговорились на эту тему. Выяснилось, что Володя любит птиц, выращивает дома попугая. Но искать профессию в этой области и в мыслях не было. Вот и решили: чтобы попробовать себя в технике, он непременно поступит в кружок технического творчества. За год сам поймет, сможет ли работать слесарем-инструментальщиком. Да и руководители кружка скажут свое слово. А чтобы не снижался интерес к природе, посоветовали выписать журнал «Юный натуралист».

Пользуются специалисты и другой методикой, разработанной в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина. С ее помощью определяют тип личности, особенности психики.

Конечно, за те несколько минут, которые отводятся на одного посетителя, личность не изучишь. Чтобы правильно сориентировать школьников в выборе профессии по уму и по сердцу, необходимо знать о подростке все: успехи в школе, увлечения, состояние здоровья. А для этого профориентацию нужно начинать еще с седьмого класса, изучать подростка и в учебе, и во внеурочное время. Проводя эксперимент в базовых школах, центр так и делает. Здесь же, в консультационном пункте, цель несколько сужается: помочь ребятам разобраться в затруднениях, повысить самопознание, активность в выборе профессии.

В последнее время в различных учреждениях разрабатываются, а в некоторых уже используются специальные приборы для определения профессиональной пригодности. Несколько тестов, ответы обрабатываются компьютером, и вот вам предлагают стать летчиком, шофером или телеграфистом. Для некоторых профессий важно, например, знать уровень функциональной подвижности нервной системы или работоспособность коры головного мозга. И, конечно, машина определит это точнее и быстрее врача. Но подростку, вступающему в жизнь, нужен не бездушный приговор машины, а живое человеческое участие.

Да и вопросы, волнующие ребят, весьма разнообразны. Одного интересуют

условия обучения на заочном отделении. Другого — заработная плата. Третьего — дадут ли квартиру? Можно ли будет повысить профессиональный разряд? От всего этого тоже зависит, как сложится жизнь, счастливо ли.

Счастье... Наш далекий предок был счастлив, когда добыл огонь. Двадцатый век рукоплескал от счастья, встречая первого космонавта. Нет счастливее матери, увидевшей улыбку младенца. Что же такое счастье? Природа поступила мудро: человечеству не дано постичь этого, ибо нет счастья единого для всех. Но у каждого живущего есть свое, вернее, неизбывное стремление к нему.

Конечно, счастье не только любимая работа, но и крепкий дом, настоящие друзья, возможность путешествовать... И все же большую часть времени человек проводит на работе. Труд формирует его как личность. Кого чаще всего называют неудачником? Не нашедшего своего места в жизни, то есть в работе.

Что же делать, когда работа или учеба превращается в малоприятную обязанность? Ответ дает сама жизнь. Далеко не все выпускники вузов трудятся не по специальности. Некоторые бросают институт, дойдя до 4—5-го курсов. Конечно, иногда причина этого — безответственность. Но чаще поиск себя. А во сколько обходится государству этот поиск?..

Образование, в том числе высшее, у нас бесплатное. Но вот факт: к началу 80-х годов высшее образование получили около 15 миллионов человек. Государству оно обошлось в 560 миллиардов рублей. А кто подсчитает материальный и моральный ущерб от работы дипломированных, но не квалифицированных специалистов? Потому-то еще одна цель службы профориентации — формирование контингента студентов. Примечательно, что инициатором создания консультационного пункта в Политехническом музее стал Совет ректоров московских вузов.

Неужели и студенты нынче в «дефиците»? Смотря где. В такие вузы, как медицинский, юридический, и сегодня желающих поступить гораздо больше, чем возможностей принять. Много заявлений в институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. А вот в иные технические вузы молодежь в последние годы идет неохотно. Становится очевидным: стихийному потоку абитуриентов необходимо придать плановый, научно обоснованный характер.

— Конечно, консультационный пункт Политехнического музея, — говорит его руководитель, ученый секретарь комиссии Совета ректоров вузов Москвы по профориентации молодежи Вагиф Намазов, — не решит проблему полностью. Он лишь звено службы профориентации, которая должна охватить всю страну. Системы «ПТУ — завод», «школа — завод» существуют во многих городах. Но этого недостаточно. Необходимо сотрудничество школы, профтехучилища, техникума, вуза, предприятия. Только тогда повысится уровень преподавания в училище, вуз получит хороших студентов, а завод соответственно квалифицированных специалистов, наука и производство зашагают в ногу.

Кстати, есть пример подобного сотрудничества. На базе Лианозовского электромеханического завода уже несколько лет действует производственно-учебно-научный комплекс. В него, помимо предприятия, входят радиотехнический техникум, среднее ПТУ № 142 и Московский авиационный технологический институт. В результате и завод, и ПТУ, и техникум, и вуз комплектуются молодежью, сознательно избравшей свою дорогу в жизни.

Массовая работа в области профориентации только начинается. Консультационный пункт в Политехническом музее посещают до 600 человек в день. Но жизнь показывает, что одного такого пункта явно недостаточно. Они должны быть в каждом районе. И, разумеется, не в одной Москве.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Игра

На грани двух тысячелетий
Опять в войну играют дети.
Пускай играют... От игры
Еще не рушились миры.
Увы, совсем иное дело,
Когда другими овладела
Вот эта самая игра.
Когда уже не детвора,
А на разбухнувшей планете
Играют взрослые, не дети!
Когда крылатые ракеты
В колодцах затаились где-то
И в небо тычется недаром
Оружье первого удара.
Не доводила до добра
Огнеопасная игра.
И все живое, негодюя,
Примлет истину простую—
Тянет руки природа свои к человеку:
— Сохраните мне жизнь
к двадцать первому веку!
Хряплым голосом требует
город старинный:
— Дайте жить,
не хочу превращаться в руины!
Протестует Земля:
— Быть желаю активной!
Вы толкаете к смерти
радиоактивной...
И встают, негодюя,
все честные люди:
— Жить на грани войны
не желаем, не будем!
А на игры с огнем
лишь один есть ответ:
Жизни—да! Смерти—нет!
На грани двух тысячелетий
Пусть так играют только дети.

— Ты что, сошел с ума?...
Ты крутишь
Зачем-то пленку жизни в «нетуда»!
Прошли года, и с пережитой крути
Мы четко различаем что—когда.
Вся жизнь
в обратном ринулась потоке.
Передо мной вперед идут спиной,
Сминая время и сдвигая сроки,
Все, кто когда-то в мир ушел иной.
Идут обратным ходом эшелоны—
В них парни, не пришедшие с войны.
Мостов полуразбитые колонны
Не взорваны—обратно сведены.
Встают солдаты из могилы братской,
Гранитный опрокинув обелиск,
И, не спеша за автоматы братья,
Как перед смертью, молча обнялись.
Погибший друг торопится спиной
Сквозь нами пережитые года.
И ты, еще не тронутая мною,
Горячими губами шепчешь:—Да...
— Но что это?
Опять я слышу слово
«Война»...
Такого слышать не хотел.
Не возвращай, не воскрешай былого
И не тревожь окаменевших тел!
Все, что ушло, ушло невозвратно.
Оплаченное кровью не вернуть...
События, промчавшиеся мимо,
Осколками заканчивают путь.
Все позади—
все радости и беды,
Вся круговерть
пережитых годов,
В восторге утвержденные победы
И кровь переоцененных боев.
Ты не причешешь
под одну гребенку
Все, что пришло
на жизненном пути,
А жизнь, она, увы,
не кинолента—
Ее обратным ходом не крути!

Театр военных действий

Они сошлись сегодня у Большого.
Свидание, увы,
не молодых...
Но веет от свидания такого
Неповторимой молодостью их.
Звенят позолоченные медали,
Клубится дым прокуренных седин.
Они давно друг друга не видали,
Но их союз проверен и един.
Большой театр—
театр военных действий,—
Ему сегодня все посвящено.
Не примут здесь
пустого лицедейства,
Пустым словам здесь места не дано.
Здесь только завоеванная правда,
А ей, как говорится, нет цены.
На искренность отпущенное право—
Все звания давно отменены,
И нет давно различья возрастного,
И не дымитесь горькая земля...
Кругом цветы,
но, как на фронте, снова
Все начинать приходится с нуля.
С простых имен:
Андрюша, Ваня, Маня...
С простого обращения на «ты».
Исключено здесь недопониманье.
Все—по законам честной простоты.
Ценою крови каждый шаг оплачен
И горечью потери оценен.
Вот почему смеемся мы и плачем
Под сенью исторических колонн.

Минута молчания

Подсчитали: если почтить минутой
молчания каждого павшего в Отече-
ственной войне, потребуется почти
сорок лет времени.

Давайте помолчим у обелиска.
Минута каждому...
Ну, а на всех,
Кто не пришел домой с войны неблизкой,
Победы нашей предрешив успех?
Минут—их миллионы...
Вереницей,
Они сливаются в часы, года...
Чтоб в сорок лет молчанья превратиться,—
Такого не забудешь никогда.
— Молчать все сорок лет со Дня Победы?
— Молчать, чтобы молчаньем почтить
Утраты все, страдания и беды,
И всех, кого, увы, не вернуть?
— Молчать за каждого
лишь по минуте,
Когда войной повеяло опять?..
Во имя жизни будущей,
по сути,
Я не могу молчать—
Хочу кричать!

Ты говоришь

Ты говоришь:
— Не надо о войне...
Но ведь она сама сидит во мне.
Ты говоришь:
— Захороненный прах
Не беспокоит...
Не надо о друзьях...
— Как без друзей?
Они же в нас самих—
Я жить остался и живу за них.
Ты говоришь:
— Не надо вспоминать
Дороги позабытые опять.
А я без этих пройденных дорог
И дня прожить, наверное б, не смог.
Ты говоришь:
— Зачем в такие дни
Ты смотришь на погасшие огни?
Я отвечаю:
— Дальний свет огней—
Напомяненье юности моей.
И как забыть все ни старался б я,
За мной стоит громада бытия.
И в нашей жизни,
в спешке, на бегу
Я прошлое оставить не могу.
В нем, как бы жизнь
ни повернулась круто,
Грядущие начала всех маршрутов,
Извечные начала всех начал...
И, может быть,
последний мой причал.

Алексее Фатьянову

Над могилою братской,
где солдаты лежат,
где зенитки стояли,
лишь сосны гудят.
Было Время, и в небо
потоком огня
били жерла орудий,
защищая меня.
Сколько сосен похожих
среди полей и холмов,
словно тонкие стрелы
орудийных стволов.
В их раскидистых кронах
поют соловьи...
Жизнь отдали за правду
солдаты мои.
Соловьи, соловьи,
разбудите солдат.
Пусть проснутся и станут
в последний наряд.
От зари до зари,
от темна до темна
не дает им покоя
родная страна.
Пусть стоят на часах,
напряженья полны,
чтобы не было в мире
проклятой войны!

Николай НОВИКОВ

Форма

В склад, именуемый тут баталеркой,
Некто, зовущийся тут старшина,
Вежливо нас проводил,
и за дверкой
Важная встретила нас тишина.
Форма вокруг возлежала тюками,
В стопах и кипах,
в громадных узлах.
Выйдем отсюда уже моряками...
В зеркальце глянешь—
себя не узнать!
Вещи морские—и запах особый,
Словно неведомый запах морей.
В синий костюм, именуемый робой,
Влезть мы стремимся
как можно скорей,
Вот и ремни затянули потуже,
Вот и приладили воротники.
С прошлой жизнью
расстались мы тут же,
Облик свой прежний
сложили в мешки.
Все, что «гражданкою» именовалось,
Складу добавило пару узлов...
И от нее нам оставлена малость:
Несколько снимков
и несколько снов.

Чего мы ждем от увольнения?

Чего мы ждем от увольнения,
Когда надраиваем бляхи
И гладим форменки фланелевые,
На старшину взирая в страхе?
Чего страшиться-то, скажите мне,
И утро обращать в чистилище?
Ну, не блеснем у общежития
Медтехникума, педучилища
Впрок заготовленными фразами—
Свидетельствами интеллекта...
Что они, медом, что ль, намазаны,
Сто метров Главного Проспекта?!
Да, видно, медом... Сколько рвення
В проглаживанье стрелок клешей...
О, вольный воздух увольнения
С погодой—на заказ—хорошей,
С надеждою, что скоро встретятся
Нуждавшиеся в собеседниках
Девчонки—ветреницы,
сверстницы—
В крахмальных
форменных передниках.
Так в парк, что слабо освещается!
Там песня сладкая вещается!
О том, что ожидаешь ты меня...
Неужто так судьба решается?!
Да, так. Конечно же! Вот именно!

ШАГ ОПЛАЧЕН

Уженье

звезд

Курсант поймал звезду,
И опустил в стакан
Наперекор полуночному мраку,
И снова в небо выставил секстан —
Оптическую поднял раскоряку.
Удильщик Рыб, Медведиц и Орла,
Ловец Денеба, Веги, Альтаира,
Он, притаившись,
ждет, чтобы взошла
Селена среди загадочного мира.
Серебряную рассыпая пыль,
Зениц она коснется, хладноперста...
А в мире тишь.
А в море полный штиль,
И только слышишь
собственное сердце.
О этот миг,
что мистику и жизнь
Объединил во славу мореходства...
Но штурман мягко говорит:
— Проснись.
Раскрой глаза,
закрой при этом рот свой.
Открой таблицу, уточни углы.
Поди к компасу,
дай мне свежий пеленг...
Мелькнет маяк
с чуть видимой скалы.
Добавив ходу,
вент поверхность вспенит.
И кончится навеки волшебство?!
Что тут сказать?... Загадывать не надо.
И ночь,
как пересыщенный раствор —
Пройдут года —
вернет тебе Элладу,
И Балтику,
и этот странный миг
Уженья звезд,
азарт удачи, гордость,
И твердь воды, и зыбкий материк.
И штурмана насмешливого голос.

✱

Летний лагерь. Душные палатки.
И в любой висит по топору.
Жесткие порядки — физзарядки,
Странный бег на месте поутру...
Тяжелы ботинки — ноги тонки.
Корни под шагами аж звенят!
В бескозырьках, словно бы оленки.
На опушке вытянулись в ряд.
Небо улыбается надмирно.
Зною сдав над всей землею власть.
Старшина во рту раскатит:
«Смир-р-но!»
Даже так (он «м» проглотит):
«Сырр-но!»
«Шагом аррш!»
И потечем на плац.
«Надо ногу всей ступнею ставить.
И... тяни,
Тяни,
Тяни носок...
Строевым! — А вслед за тем: —
Отставить!»
На зубах скрипит сухой песок.
Как лежи, проявились под солнцем.
Зной на лицах вытравит печать...
С плаца — в тень, на пни, —
Осилив сонность,
По складам уставы изучать.
Часовые стрелки, как вы строги...
«Плечи шире! Подтянуть живот!»
Впереди идут кривые ноги.
Что ж ты косолапишь, обормот?
Что же ты задерживаешь пятку?
Что ж не в ногу норовишь идти?
Что украдкой смотришь на палатку?
Плац пройти — не поле перейти!

Рисунки
Андрея МАРТЫНОВА

✱

Мы спим по-черному:
На койках без матрасов,
И от пружин — вся в клеточку спина...
Так не положено.
Но жалобы напрасны:
Прижимист наш хозяин — старшина.
Салаги мы. Без выправки военной
Валим в столовую
бесформенным гуртом.
Кто за мечтой сюда приехал
сокровенной,
Кто — от семьи,
где был он лишним ртом.
Послевоенный год —
неурожайный, тяжкий.
Мы стали грубыми.
Нам нежности претят.
Кто в «бобочке» приехал,
кто в тельняшке,
Кто в сапогах притопал,
кто в лаптях.
Пятнадцать человек
приходится на место.
Экзамены сдаешь,
на ниточке вися...
Но... странные дела:
откуда-то известно,
Что сдашь их все подряд.
И отступать нельзя!

Первая вахта

В жизни так
не хотелось мне спать —
Сокрушительно, неудержимо...
То вперед прошагаю, то вспять,
То согнусь-разогнусь, как пружина
В первый раз выполняю устав,
Мне учебную дали винтовку.
Без патронов — как будто без прав:
Можно щелкнуть затвором, а толку?!
Голова молода и пуста:
Представляется теплая койка...
Стоп! А что это возле куста?
Брошу камешек — выскочит кошка.
А враги, мне сказали, не спят.
Все мерещится: кто-то крадется...
(Правда, пуст охраняемый склад —
Лезть в него дураков не найдется.)
Долг с рассудком не дружит порой.
Мне еще и шестнадцати нету.
Я раздвоен, как ночь надо мной,
Меж закатом и скорым рассветом.
Час, другой... Посерело к утру,
И внизу обозначилась Волга.
Ну, еще раз себя соберу —
Ждать недолго. Недолго. Недолго.
Как в последние четверть часа
Безобразно разбухли минуты!
Снова сон залепляет глаза.
Отряхну, оборву его круто.
Вот и смена маячит вдали.
Отдан рапорт — внушительно краток,
Что враги, как всегда, не прошли.
Склад на месте. На флоте порядок!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц
№ 4 (1386) ФЕВРАЛЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Герой Советского Союза
комбат
Василий Пименов.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ
и Сергея ВЕТРОВА.

- 1 ШКОЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ.
«КАК НЕ РАСТЕРЯТЬСЯ НА «ЯРМАРКЕ ПРОФЕССИЙ»?»
- 2 ЖИВАЯ ПАМЯТЬ.
«ЦЕНОЮ КРОВИ КАЖДЫЙ ШАГ ОПЛАЧЕН».
Стихи Василия ЗАХАРЧЕНКО и Николая НОВИКОВА.
- 4 Новая рубрика «ТАК ЭТО БЫЛО НА ВОЙНЕ».
Петр ПАВЛЕНКО, Борис ЛАВРЕНЕВ.
- 5 Андрей КРАЙНИЙ. «КОМБАТ».
- 6 Павел ЕРМИШЕВ, композитор.
«БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ» МОЛОДЕЖНОЙ ЭСТРАДЫ».
- 8 Рассказ Кима БАЛКОВА «БЕЛЫЕ ДЕРЕВЬЯ».
- 12 Новая рубрика «НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС».
«АВТОМОБИЛЬ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО».
- 14 НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТРИБУНУ XII ВСЕМИРНОГО.
Михаил ОЗЕРОВ. «УБИЙСТВА БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ».
- 16 НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ.
«ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ПЛАКАТЫ «СМЕНИ»».
- 18 НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР.
«ДОВЕРИЕ».
- 19 «КЛЮЧИ ОТ ТАИН В РУКАХ НАУКИ».
- 20 Ирина ЛОБАНОВА. «ТАЛАНТЫ ВОКРУГ НАС».
- 23 ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ. «ПРАВИЛА ДЛЯ ДВОИХ».
- 24 Георгий ЮНГВАЛЬД-ХИЛЬКЕВИЧ, режиссер.
«ВЕСЕЛОЕ СЕРЬЕЗНОЕ КИНО».
- 27 Повесть Владимира АЛЕКСАНДРОВА «ВИЛЛА В ЛОЗАННЕ».
- 30 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА». Выпуск 5-й.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора),
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

**НОВАЯ
РУБРИКА**

**Так это было
на войне**

С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны ее героическую летопись вели лучшие советские писатели, которые «к пытку приравняли перо». В их корреспонденциях с фронта, зарисовках и очерках ощущается дыхание грозных боев, слышатся голоса бойцов-героев. Мастера нашей литературы на этих коротких страничках как бы создают портрет Советского Солдата, война-защитника, война-освободителя. Их материалы мы могли бы назвать и так: «Неизвестные страницы летописи Великой Победы», — потому что измерены печатать прежде никогда не публиковались.

Петр ПАВЛЕНКО

НАШИ ПИКИРОВЩИКИ

Я только что с Западного фронта, где был свидетелем жестоких воздушных боев наших ПЕ-2 с немецкими «хейнкелями» и «мессершмиттами».

Третьего дня десятка наших ПЕ-2 под командой капитана Димченко была атакована в воздухе двенадцатью «хейнкелями-113». Капитан просигнализировал уплотнить строй до последней возможности и открыл огонь вперед, назад, вниз и по сторонам. Десятка понеслась как пылающая ракета. «Хейнкели» вертелись по краям отряда, не смея приблизиться ближе чем на километр. Сбив один «хейнкель», десятка вышла к заданной ей цели, пробомбила ее и благополучно вернулась домой.

На следующий день десятке ПЕ-2 под командой того же Димченко пришлось принять бой с шестнадцатью «хейнкелями-113». Снова уплотняет Димченко строй, пробивается вперед, заходит на цель и, отбомбившись под жестоким зенитным огнем, благополучно возвращается на свой аэродром. Теория плотного строя снова себя оправдывает.

Теперь немцы высылают истребителей двумя отрядами. Основной принимает на себя всю силу огня наших бомбардировщиков, меньший — старается расколоть наш строй, отсечь одну-две машины и уничтожить их в стороне. Никакой маневр не сможет спасти ма-

шину, покинувшую строй. Но пока она в строю, истребитель бессилён.

Теории уплотненного строя первым нанес «удар» молодой наш летчик капитан Лохонов. На ПЕ-2 он 32 раза отправлялся один в глубокие воздушные разведки и записал на свой счет семь лично сбитых им немецких машин. В начале июля ему пришлось двадцать минут вести поединок с «мессершмиттом 109-Ф». Самолет Лохонина получил 120 пробоин, но задание было выполнено.

4 августа, разведывая подход немецких резервов, Лохонов был атакован звеном ME-109-Ф, сбив два истребителя и вернулся, привезя ценнейшие сведения. 15 августа Лохонов в паре с другой машиной ПЕ-2 сами атаковали тройку «мессершмиттов», двух сбив, а третьего гнали до тех пор, пока не сработали горячие.

На войне первые удачи товарища любят истолковывать как везение, как счастье. Лохоновские успехи так сначала и приняты, отнеся их за счет опытности, мастерства и счастья пилота. Но вот сержант Евсеев, летчик со стажем всего в несколько месяцев, идя в составе звена, атакует шесть истребителями. Вся атака немцев устремлена на машину Евсеева. Он принимает бой, сбивает двух, а четырех уцелевших заставляет уйти за горизонт. В бою сержант Евсеев чувствует, что «в нем пробоины». Он говорит штурману:

— Я чувствую, что перебито левое колесо.

— Ерунда. Ты не можешь чувствовать колеса. Сядь спокойно.

— Я знаю, что колесо не в порядке. Выпусти шасси для проверки.

Левое колесо оказывается разбитым.

— Я сяду на одно правое, — говорит он штурману.

Тот только мычит в ответ. ПЕ-2 посадить на одно колесо? Об этом можно говорить за столом, а не в воздухе. Разбить так машину можно. Посадить — примеров не было. Но Евсеев мастерски садится на одно колесо.

Акции пикирующего бомбардировщика ПЕ-2 как машины, способной вести

бой с истребителями, поднялись высоко. Но в конце концов, может быть, и тут случайность? Спустя пять дней Евсеев доказывает, что его успех не случайный и не слепое счастье. В групповом воздушном бою, когда один из моторов у него выведен из строя, он один бросается в лобовую атаку на тройку истребителей и отгоняет их, а затем, кренясь и дымя, уходит на свой аэродром.

...Самолет младшего лейтенанта Виктора Тюрина был подбит немецкой зениткой при заходе на пикирование. Машина вспыхнула. С горящим мотором он продолжал маневр, разбомбил немецкую батарею и только тогда повернул домой. Летел, в сущности, не самолет, а костер.

— У меня вся спина в поту, — сказал Тюрин своему штурману.

Тот провел рукой по спине пилота. Спина была в крови...

Штурман немедленно радировал командира группы и получил приказ садиться на ближайший аэродром.

— Доведу до дому, — ответил Тюрин.

— Посадить сумеешь?

— Видно будет.

Сел как на учении.

Штурман говорит:

— Ну, слава богу, теперь выключайте мотор.

— Что? — Голова Тюрина склонилась на руль. — Что говорите?

— Выключайте мотор!

— А что, разве сели? Ну, тогда подрулим к стоянке.

— Бросьте, без вас подрулят. Машина в огне.

— Не шуми. Я подрулю.

Когда его выносили из самолета, он открыл глаза и спросил:

— Моя машина цела? Села?

— Вы сами и сядились.

— Не помню. Без сознания садился должно быть.

Без сознания на ПЕ-2, которую летчики называют машиной строгой! Но на этой машине летают особые люди.

Август 1942 г.

Борис ЛАВРЕНЕВ

КАЗАЧЬЕ ПЛЕМЯ

ровская мразь на донские степи. Режет, жмет, убивает и грабит.

— Хуже скота на свете нет, чем этот самый фашист, — говорит Ромадин, с ненавистью кривя губы. — На войне, конечно, всякий человек зол должен быть, без этого и воевать нельзя. Но злость у человека человекья должна быть. А у фашиста и злость машинная, как он сам машина. Души у него нет и никогда не было. Один собачий дух в середине, а вместо сердца гнилушка вставлена. Вот он и лютует и все больше любит над слабым полютовать. Над старцем, над бабой, над ребенком. Потому что в корне труслив он. Сильного боится. Вот хоть бы сейчас. Воюет хорошо, только пока за своими чугунами зверюгами идет, за танками, так, чтоб ему безопасно было, чтоб шкуру его другие оберегали. А как только машина застопорит, так из него храбрость и выходит. И еще палку он обожает. Вот когда его лейтенанты в спину сапогом тычут да дулом пистолета по зубам приправляют, так он в бой идет. А без этого ни-ни. Если офицеров из ихней армии убрать, так армии через неделю не будет, по домам разбежится. А что до ихних офицеров, то уж это действительно дрессированные. Так раньше у нас баре собак на драку натаскивали. Кроме драки, офицеры эти ни к чему способности не имеют. Их всех, фашистских вояк, перевести надо, чтобы и на земле больше не было. Тогда только народы жить станут.

Не думал Василий Ромадин, что еще раз за свою большую жизнь придется ему скрестить клинок с немцами. Жил он мирно и разумно в своей станице,

Василию Ромадину шестьдесят три года. Но больше пятидесяти ему не дадут. Кряжистый и могучий, в сто семьдесят шесть сантиметров ростом, с железными мускулами, которые шарами вздуваются в узких рукавах гимнастерки, он смотрит на меня молодым, ясным взглядом из-под нависших клочковатых бровей. Загорелый лоб его пересечен шрамом-памяткой, оставленной ему офицером немецких улан под Молодечно в 1915 году.

Повидал Ромадин немецких захватчиков и на боевых полях в 1914 году, и в родных станицах в 1918 году во время немецкой оккупации, когда враги, как голодные волки, рыскали по Дону в поисках не воинской славы, а казачьего добра — сала, яиц, масла, кур и хлеба. И вот опять нахлынула жадная гитле-

уважаемый всем казачеством, был председателем сельского Совета. За отличную работу свою на полях награжден был, помимо боевого ордена, полученного в гражданскую войну, трудовым отличием. И радовался, глядя, как цветет и богатеет родная станица, как с каждым годом крепнет казачья трудовая семья.

Сам он старого казачьего рода. С незапамятных времен пришли его предки на Дон искать воли и счастья. Честный казачий род вывели на Дону Ромадины. Рожали здоровых молодцов, ловких на труд и сильных в бою. Женщины в ромадинском роду были, как на подбор, красавицы. Взглянешь и глаза прищурить: слепит молодая сила и красота казачки.

И не знали позора ромадинские клинки, что переходили в роду от отца к сыну и обнажались только за Родину, за правое дело.

Но пришла снова нежданная гроза. Пришла с запада на донские поля. Гнусно запахло над полями фашистским духом, заглушая радостные ароматы цветов и полевых трав.

И встало казачество, как в былые годы, по сполуху, поголовно, на защиту родного Дона. Уздаются кони, точатся клинки, набиваются в патронташи патроны. От малого до старого встают казаки. И сложил Василий Ромадин в

хате сельсовета свои записные книжки и учебники агрономии, сходил на могилу своей старухи, поклонился, взял горстку жаркой донской земли и опоясался клинком. В добровольческой казачьей дивизии стал Василий Ромадин командиром сотни. Мор бы и полком командовать, да давно отошел от военного дела. В боях наворачивает.

Стоит на поле за Доном сформированный казачий полк, ждет отправки в бой. Уже слышно, как вдалеке у Цымлы громят тяжелые пушки. Идет там смертельный бой за Родину. Степной ветер колышет кисти и тяжелый алый шелк нового знамени, сшитого с любовью руками казачек для отцов, мужей и братьев, идущих в смертный бой. Блещат на солнце синим светом молний клинки. Командир полка говорит речь казакам. Жаркие падают слова о воинской чести, о мужестве, о старой казачьей славе, что не знала стыда поражений, ведала только победы. Слушают казаки. Тихо в степи. Даже кони не ржут, только нетерпеливо грызут повод. И старый Василий Ромадин стиснул узловатые пальцы на эфесе клинка. Он еще подерется с немцем за тихий Дон, старый боец. Звучит команда, и с глухим топотом копыт полк идет к полю боя.

Знамя шумит над рядами, осеняя седые виски старого казака.

Август 1942 г.

**ОДИН
ПРОТИВ ТАНКА**

Я видел человека, взявшего в плен совершенно исправный немецкий танк. Он взял его один, без чьей-либо помощи, вооруженный только винтовкой, двумя маленькими гранатами и коротким ножом в кожаных ножнах.

Человек этот — младший командир морской пехоты, сражающейся с гитлеровцами в гористой местности Северного Кавказа, — Сергей Клименко.

Он высок, атлетического сложения. Полосатая телячья туго обтягивает его выпуклую грудь, неприкрытую растегнутым матросским бушлатом. У него смуглое лицо, горячие глаза с янтарным огоньком, густые черные брови и курчавые волосы. Он немного похож на цыгана.

По специальности Клименко снайпер. Раньше он был командиром кормовой

"БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ" МОЛОДЕЖНОЙ ЭСТРАДЫ

Павел ЕРМИШЕВ,
композитор

**КЛУБ
Музыка
с тобой**

В поезде Москва—Минск я разговорился с соседкой по купе—девятнадцатилетней из небольшого городка в Волгоградской области. «Какие ВИА в почете у твоих сверстников»,—спросил я.—«Песняры», «Верасы», «Самоцветы», «Веселые ребята»?—«Кому они нужны, эти ВИА! Сейчас в моде группы: «Динамик», «Альфа», «Примус», «Пикник», «Воскресенье». Ты видела эти группы?»—«Нет. Да и зачем? Мы слушаем записи». «А где берете?»—«Переписываем друг у друга». «А что, собственно, нравится тебе в их игре—аранжировка, а может, музыка, стихи?»—«Я не задумывалась. Просто нравится».

В Белоруссии всего четыре профессиональных ВИА—«Песняры», «Верасы», «Сябры» и «Чаровницы». «Песняры» подготовили яркую программу к 40-летию Победы, «Верасы»—«Во имя мира, жизни и любви», посвященную Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве.

Вообще же профессиональные ВИА, ныне нередко именуемые себя группами, рок-группами, шоу-группами и т. д., не являются сегодня «возмутителями спокойствия», и не они задают тон, и не их слушает молодежь. И осталось-то их всего 145 в стране. А вот самодельных ансамблей насчитывается примерно 160 тысяч.

Но вернемся к белорусским ВИА. Их в республике около двух тысяч. И количество это постоянно увеличивается.

Что поражает при близком знакомстве с «творчеством» некоторых ВИА? Полное музыкальное невежество...

В республиканском научно-методическом центре на вопрос, сколько руководителей ВИА имеют музыкальное образование, мне ответили: половина. Правда, чуть позднее назвали более точную цифру—около двадцати процентов. Так что «музыкальное невежество» не совсем полное. Стало быть, 1500 (из двух тысяч) руководителей ВИА в республике вообще без музыкального образования.

выступили ВИА только в системе минкультуры в прошлом году.—17316 (а это лишь две трети ансамблей). Умножьте эту цифру на самое скромное число зрителей, и получится, что едва ли не каждый житель Белоруссии стал слушателем ВИА. Вот такой музыкальный охват!

А где же их взять—специалистов? В республиканском министерстве культуры с гордостью сказали, что в нынешнем году Минское музучилище впервые выпустило четверых специалистов, окончивших эстрадное отделение. Эти люди профессионально владеют инструментами эстрадного оркестра, могут самостоятельно инструментовать песни и пьесы и, разумеется, способны возглавить ВИА. Способны. Но, к великому сожалению, никто из них ВИА не возглавил. Ну, а если бы и возглавил и каждый год распределяли бы их только в ансамбли, то через каких-то лет четырех проблема обязательно решится. Интересно, а что же делать Украине—ведь там 14 тысяч ВИА!

С удивлением я узнал, что в нынешнем году Минский институт культуры открыл эстрадное отделение, и на 50 мест было подано всего 40 заявлений. Недобор...

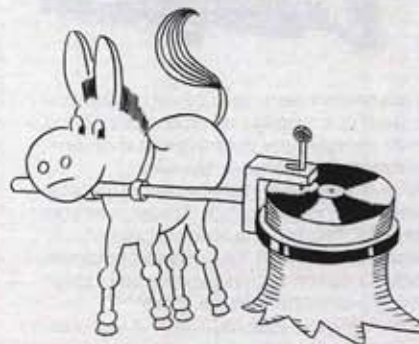
Грустно было слышать, что в Белоруссии—певческом крае, справедливо гордимся своими «Песнярами», приходится всего четыре учителя пения на пятьдесят школ.

Но как бы то ни было, тяга у молодежи к музыке огромна. Вот и вырастают там и сям ансамбли, благо на гитаре можно научиться играть и без нот—по цифровой системе. Конечно, при таком самодельном подходе уровень будет любительским. Поэтому сегодня на эстраде так много дилетантов. Оказывается, можно петь при полном отсутствии голоса. Электроника вывезет!

Основная масса постоянно функционирующих в Минске ВИА и рок-групп находится в ведении ОМА—Объединения музыкальных ансамблей, подчиненного Управлению культуры Мингорисполкома.

Объединение было создано три года назад, чтобы упорядочить работу ансамблей в ресторанах и кафе—поднять профессиональный уровень, очистить репертуар от низкопробных «кабацких» песен. У этого начинания оказались весьма сильные противники—работники общепита. Раньше каждый ансамбль подчинялся директору ресторана и мог играть все, что закажут посетители. Разумеется, за определенную мзду. Довольны были музыканты, зарабатывавшие, как доктора наук. Довольны были и директора, для которых план—святая святая. И как будто были довольны посетители—ведь можно услышать любую отечественную и зарубежную новинку и заказать все, что угодно, вплоть до «Мурки» и «С одесского кичмана». Правда, ансамбли курировала филармония. Но чисто номинально. Было так всегда, и казалось, будет длиться вечно. Но создали ОМА. И во главе его встал удивительно энергичный и принципиальный человек с огромным опытом партийной работы—Владимир Петрович Казмерчук.

Директору удалось подобрать интересный коллектив единомышленников.

И. о. главного дирижера ОМА А. Кочин—член Союза композиторов СССР, автор музыки ко многим фильмам и спектаклям. Два дирижера, Э. Огородник и А. Новохоуст, а также старший редактор М. Гришаев—выпускники консерватории, а дирижер отдела свадебных торжеств А. Бернацкий имеет за плечами дирижерско-оркестровое отделение института культуры. Непросто было уговорить высокопрофессиональных музыкантов работать со столь непрестижными ансамблями, как рестораны...

Словом, в объединение вошли 32 штатных и 82 нештатных ансамбля. Первым делом был издан приказ, запрещающий музыкантам играть «на заказ»—за деньги. Эта мера вызвала бурную реакцию не только музыкантов, но и директоров ресторанов. Последние считали, что такие меры снизят выручку, посетители, дескать, не захотят слушать утвержденную ОМА программу.

...Окраина города. Кафе «Блакитное». Владимир Петрович Казмерчук вручил мне пригласительный билет, из коего явствовало, что здесь можно услышать музыку 30—50-х годов в исполнении аккордеона, скрипки, гитары и ударных.

—Знаете,—рассказал Казмерчук,—этот «старомодный» ансамбль я сначала посадил в центре города в кафе «Лето»—его выгнал директор. Перевел в ресторан аэропорта—и оттуда выжили, потом кафе «Олеся»—и вновь от него отказались. Предложил сюда—они обрадовались: «Это же прекрасная музыка!» Ансамбль прижился.

—Ну, а как с планом?—спросил я.—Раньше месячный доход был около 4 тысяч. С приходом ансамбля—12—13 тысяч.

Да-а, цифры красноречивее слов. А вот кафе «Троицкое предместье». В самом центре Минска. Зал отделан в старобелорусском стиле. Год назад здесь играл ансамбль цимбалистов. Однако кафе план систематически не выполняло, и решили, что во всем виноваты цимбалы. Попросили ОМА заменить их на рок-группу. Заменяли. Однако план по-прежнему не выполнялся, но теперь уже жаловаться можно было только на самих себя, чего делать никто не любит.

«Выплеснув» в зал десяток иностранных шлагеров, музыканты вдруг запели по-русски. Но что?! В первой песенке припев завершался такими словами: «Мне мама денег не дает», затем: «Мне папа денег не дает», и, наконец: «Мне сын мой денег не дает», что вполне логично. Следующая песенка посвящалась любите-

лям физзарядки. Правда, припев: «Любил я женщин и вино, играл на деньги в домино, и потому я долго прожил»—начисто перечеркивал смысл посвящения. Но это же шутка, да и не они ее придумали, а группа «Воскресенье», о чем с гордостью поведал солист. А третью песенку ребята позаимствовали у рок-группы «Альфа» (кстати, помните любимые группы девятиклассницы? Они самые!)—«Я московский озорной гуляка». Музыкальный проигрыш—«Цыпленок жареный».

«То, что вы сегодня пели, входит в утвержденный список?»—спросил Казмерчук. «Это мы репетируем новую программу». «На публике? «Любил я женщин и вино»? «Мне мама денег не дает»?—В голосе зазвучали нотки гнева. «А чего вы хотите?»—заявил один из музыкантов.—«А вам должно быть стыдно,—вдруг обратился он ко мне,—это же Есенин!»

Стало обидно—за Есенина. Выходит, каждый может взять произведение классика, «приляпать» к нему блатную мелодию и безнаказанно распространять по стране.

Ансамбли могут играть и петь хорошо, придерживаясь утвержденной программы, если знают, что их контролируют. То, что могут хорошо,—в этом я убедился, и это радует. Одно меня интересует: какая сила заставляет некоторых из них играть пошлятину, блатную «махру»?

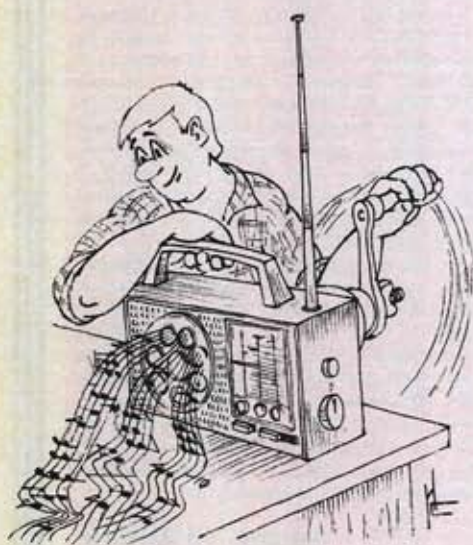
—Сила эта—деньги,—ответил Казмерчук.—Подвыпившие новоявленные купчики, демонстрируя свою «широту» и «всемогущество» перед девушкой или друзьями, заказывают, и порой за немалые деньги, любую пошлость. И далеко не всегда музыканты могут устоять перед соблазнами. Мы решительно боремся с этим, лишаем за нарушения надбавки музыкального руководителя. Действует! Ежегодно проводим смотр-конкурс ансамблей, определяющий степень профессионализма каждого из них. Лучшие переводим в предприятия высшей категории, а занявший последнее место расформировываем. От людей, не имеющих музыкального образования, мы постепенно избавились. Многие руководители прошли учебу на курсах при республиканском институте повышения квалификации работников культуры. Создали уже четыре концертных программы в ресторанах—посетителям они пришлись по душе.

Репертуар тоже очень важная проблема. Особое внимание уделяем произведениям белорусских композиторов. Сегодня вы можете услышать в кафе и ресторанах Минска песни И. Лученка и Л. Захлевнова, В. Иванова и Э. Зарицко-го. Немало звучит и народных песен...

И все же в Минске существует немало «вольных» ВИА, которые за приличную плату сеют пошлость и безвкусицу.

—Чтобы поставить заслон доморощенным ВИА, имеющим, кстати, прекрасную аппаратуру за 15—20 тысяч рублей (можете представить), какие деньги они зарабатывают!, мы в начале нынешнего года создали в ОМА отдел свадебных торжеств,—рассказывает Казмерчук.—Он объединяет 82 ансамбля. Все они на договоре. В основном это техническая интеллигенция. Многие имеют за плечами музыкальную школу и даже музучилища. Работают по твердым расценкам на свадьбах в столовых и кафе по субботам и воскресеньям.

Вначале многие «вольные» ВИА избегали нас: мы же ограничиваем их свадебный гонорар. Но когда почувствовали, что «колыцо сужается»—мы ведь регулярно «отлавливаем» незарегистрированные ансамбли, а кроме нас, еще и БХСС, и комсомол,—вынуждены были пойти в ОМА. Проблем, конечно, хватает, ведь отдел существует меньше года. Но

Мне не хотелось бы утомлять читателей цифрами, но не могу не назвать все же количество концертов, с которыми

Рисунки
Игоря СУРОВЦЕВА
и Александра ШУРОВА

уже сейчас уровень и репертуар этих 82 коллективов в большинстве своем соответствует нашим требованиям. Уверен, недалек тот день, когда и все остальные «вольные» ВИА придут в ОМА.

Жанр ВИА любим молодежью, и надо многим организациям приложить недюжинные усилия, чтобы ансамбли и рок-группы действительно радовали поклонников легкой музыки. А трудностей много. Каковы же пути устранения их? Чтобы услышать ответы, я побывал в Министерстве культуры, в республиканском научно-методическом центре, в Управлении культуры и в Управлении общепита Мингорисполкома, в отделе культуры ЦК партии республики. И везде звучало одно: «Нужны квалифицированные кадры».

Понятно, кадровую проблему разом не решишь и 1500 руководителей ВИА за год не подготовишь. Равно как и сотни учителей пения. Да к тому же большинство выпускников муз- и культпросветучилищ, а также института культуры оседают в крупных городах, работают не по распределению и нередко не по специальности, а уж про глубинку и слышать не хотят.

Вместо конкретных предложений я чаще всего слышал сетования (в общем-то справедливые) на то, что музыкальные издательства мало печатают нотной и методической литературы, что низка специальная подготовка в культпросветучилищах, что необходимо изменить структуру районных и городских домов культуры.

Республиканский методический центр два раза в год проводит пятидневные семинары для шестидесяти руководителей ВИА. Но это же капля в море!

Заместитель заведующего отделом культуры ЦК КП Белоруссии Павла Петровна Украинцев сказала, что никто ВИА не собирается упразднить — это проще всего. А вот направлять их, учить гораздо сложнее. Сейчас рассматривается предложение открыть при консерватории, институте культуры и музучилищах курсы для руководителей ВИА. Все ансамбли республики будут переаттестованы. Новые коллективы смогут появиться только там, где есть квалифицированные руководители. В четырех музучилищах вводится курс клубоведения, чтобы выпускники смогли работать в культпросветучреждениях.

Кстати, о довольно слабой профессиональной подготовке культпросветработников средней квалификации, от которых отказываются клубы и дома культуры, поведали мне и в Министерстве культуры РСФСР.

Интересное предложение услышал я в отделе культуры ЦК комсомола Белоруссии. В каждом областном и районном городе есть музыкальные школы, в которых преподают только профессиональные музыканты. Так почему же вместо дорогостоящих поездок в столицу не проводить подобные занятия с руководителями ВИА в музыкальных школах? Это и дешевле, и охват шире.

Командировка в Минск завершилась встречей с И. М. Лученком, композитором, ректором консерватории, председателем правления Союза композиторов Белоруссии, членом ЦК Компартии республики.

— В 70-е годы ВИА основательно потеснили солистов, — сказал Игорь Михайлович. — Более того, они стали главными «кормильцами» филармоний. Лучшие концертные площадки, дворцы спорта и стадионы были отданы ансамблям. У популярных групп появились тысячи подражателей. Молодежь привлекла доступность в овладении гитарой. Поэтому-то сейчас в стране только зарегистрированных электрогитарных ансамблей 160 тысяч. К сожалению, министерства культуры, средства массовой информации, музыкальные издательства долгое время игнорировали ВИА, а если и писали о них, то только критические материалы. Никто ими не зани-

мался. Ноты для них не издавали, подавляющее большинство даже профессиональных композиторов-песенников музыки для них не сочиняли. Вот искусственно созданный вакуум и заполнили западные, а также самодеятельные, дилетантские опусы.

Необходимо учитывать такие специфические особенности молодежи, как нетерпимость к фальши, демагогии, обостренное чувство справедливости. А случается, они смотрят, например, телепередачи «Песня-81, -82, -83» и слышат малоинтересные песни, которые им преподносят как популярнейшие песни года.

А что могут предложить ВИА музыкальные издательства? Всего несколько сборников с партитурами, изданных мизерным тиражом. Этого явно недостаточно. Да и предлагаемый репертуар отнюдь не предназначен для современных ансамблей. Ну какая, скажите, рок-группа будет сегодня петь некогда популярную песню А. Лепина из кинокомедии «Солдат Иван Бровкин» «Если б гармошка умела»? Многие песни к моменту выхода в издательстве устаревают, ведь от первого исполнения в эфире до появления на прилавке проходит не меньше года. Понятно, у издательства планы, графики выхода из печати. Однако в отношении эстрадных песен нужно быть более оперативными. Иначе какой смысл в рекламе вышедших из моды песен?

Давно рассуждаем мы о необходимости иметь эстрадное отделение в музучилищах и консерваториях. Но дальше разговоров дело не идет. Три-четыре училища — это не решение проблемы. А вот если в каждом из сотен музучилищ страны будут готовить кадры для эстрады — глядишь, через несколько лет во главе ВИА не будет столько случайных людей, музыкально безграмотных, политически незрелых.

Думается, министерствам культуры, творческим союзам, комсомолу необходимо не от случая к случаю, а постоянно помогать людям, обратившимся к этому «трудному легкому» жанру, — исполнителям и композиторам.

Хочу сказать, что и мы, композиторы, в большом долгу перед молодежью. Плохо мы знаем ее запросы. А кто из нас работает в легком жанре? По официальному данным Министерства культуры СССР, в 1982 году активно писали легкую музыку всего ...30—40 человек. И это из более чем двухтысячного отряда членов Союза композиторов СССР! Убежден, советскому композитору не может быть безразлично, что поет и слушает молодежь. Мы обязаны противопоставить безыдейной и далеко не безобидной музыкальной культуре Запада коммунистическое искусство. И работу в жанре эстрадной музыки композитор должен понимать как важный социальный заказ. Нельзя доверять идеологическое воспитание молодежи дилетантам и музыкальным халтурщикам.

РЕКА ЛЮБВИ

Музыка Вадима ШЕПОВАЛОВА
Стихи Николая СТАРШИНОВА

А все же есть река любви!
И есть в ней глубина, есть мели.
Над ней когда-то соловьи
И день, и ночь нам песни пели.
Иные были времена,
Когда в объятиях теченья
И радости, и огорченья,
И счастье нам несла она.

Припев:

Река любви, река, река любви!
Ах, как она нам песни пела.
Так не поют и соловьи.
И вдруг... утихла, обмелела
Река любви, река любви.
Еще играет рябь, но дно
Уже блестит в лучах заката.
А ведь совсем не так давно
Мы были каждой встрече рады.
И вот теперь как берега,
Которым не соединиться.
И счастье нам теперь лишь снится,
Как снятся волнам облака.

Припев:

Река любви, река, река любви!
Ах, как она нам песни пела,
Так не поют и соловьи.
И вдруг... утихла, обмелела
Река любви, река любви...

БЕЛЫЕ ДЕРЕ

Василий шел по лесу, легко и неопасливо ступая на мокрый снег. Неярко светило солнце, и белые кроны деревьев едва заметно шевелились, вздрагивали, изредка оттуда, сверху, шурша и посверкивая, падали на землю длинные, тягучие капли. Они легко пробивали слабый наст, и в снегу то там, то здесь появлялись узкие серые воронки. С каждой минутой их становилось все больше. А когда солнце поднялось выше и дальние гольцы стали серебристо-белыми, воронки в снегу начали лопаться, и наст сделался серым и вязким.

У Василия очень скоро промокли ичиги, и подле старого дерева с толстыми голыми ветвями он остановился, скинул понягу. Провел рукою по шершавой коре дерева. У ног Василия терлась собака. Была она большая и серая, и шерсть на загривке свалилась. Василий потрепал ее по шее, сказал: «А помнишь, как сидели под этим деревом с отцом, и отец говорил, что хорошо в лесу и никуда бы не уезжал отсюда?..» Пес тихонько заскулил, вытанув морду, и это пришлось по душе Василию: «Значит, помнишь... Отчего бы и нет?..—Задумался.—А мне тогда не понравились слова отца. Потому что надо было уезжать. В университете начиналась сессия...»

Василий отгреб от ствола снег, опустился на землю. Стянул с ног ичиги, отжал портянки и снова обулся.

Он сидел долго, и мысли текли в голове, тревожные и сильные, и виделось разное, чаще всего, что он пацан еще, и подле него отец, и идут они по лесу, и тихо вокруг, и птицы не щебечут. Но вот на поляну вышли, и взметнулась из-под ног собака, а спустя немного послышался лай ее, и сказал отец: «Нервничает чего-то... А ну-ка!..» Подле лесного ручья, солончаковые забереги которого покрылись льдистой коркой, лежала косуля, и горячий струей, так, что пар поднимался вверх, из горла у нее была кровь. Косуля пыталась подняться на передние ноги, но всякий раз ноги подгибались, и она падала на холодную твердую землю. Лаза у косули были большие и влажные, с тонкими синими прожилками на сером круглом белке, и ему, пацану, подумалось, что она плачет. На душе стало больно, как еще никогда не бывало, и он побежал к отцу, уткнулся лицом в тельогрейку и заревел. Отец похлопал его по плечу, сказал негромко: «Будет тебе!..»—и склонился над лежащей косулей, попытался перевернуть ее на бок, и ему это долго не удавалось, и скоро руки у него сделались большими и красными, и ему, пацану, было страшно, и он сказал чуть слышно: «Не надо... Зачем?..» Отец с неудовольствием посмотрел на него и продолжал что-то делать с косулей, а он уж и не глядел... отвернулся, его мутило. Потом он пошел куда-то, покачиваясь... А минутой-другой спустя услышал выстрел, но не остановился. Не смотрел по сторонам, а если бы даже и глянул, ничего не увидел бы: слезы стояли в глазах...

Минуло немало времени, прежде чем отец отыскал его. Попытался успокоить, а он и слушать не хотел, смотрел на руки отца, но они были привычно худые и жилистые, светлые. Спросил не сразу: «Ты зачем ее? Зачем?..» «А что было делать?—сказал отец.—Косуле-то уж не встать. А надо ли ей мучиться?..»

Потом отец говорил о злых людях, которые рыскают по тайге, о том, как трудно ему, охотинспектору, следить за всем: тайга-то большая, а он на сотни верст один, и люди, которые рыскают по тайге, не хуже его знают эти места, оттого и непросто взять их. Он не жаловался, нет, отец вообще никогда не жаловался, как бы худо ни было, просто делился своими заботами, и ему, пацану, было приятно, что отец говорил с ним, как со взрослым. Не часто он так говорил...

Они сели под деревом, и отец развел костер. Когда от костра потянуло жаром, отец бросил в горящие угли что-то красное. «Что это?..»—спросил он у отца. «Печенка,—сказал отец.—Первое лакомство...» «Так ты?..»—Вася еще что-то хотел сказать и не смог. С трудом поднялся с земли, отошел в сторону. Его начало рвать... Отец долго не подходил к нему, а потом принес воды из ручья. «Пей,—сказал.—Ледяная. Продерет горло, и легче станет». И верно, полегало, и он вернулся к костру, но к печенке не притронулся, хотя был голоден.

— Тебе жалко косулю,—сказал отец.—Мне тоже жалко. Но не пропадать же добру...—Поднялся, взял свою понягу, а помедлив, подхватил с земли и поняжку Василия. Вернулся не скоро. И было у отца тогда лицо хмурое, едва ли не злое. Кажется, не нравилось, что Василий все время старался не глядеть на него и что долго и неумело возился с ляжками от поняжки, прежде чем приладил ее за спиной.

— Ты будто вареный нынче,—сказал отец.—Но да ладно, пошли...

Но пошли они не сразу. На отца словно бы накатило что-то, и он начал говорить, теперь уже о жалости, которая не всегда права. И он, пацан, мог бы и понять отца, если бы пожелал: с малых лет умел слушать... Но Василий не желал этого, все еще не забылись слова: «Не пропадать же добру...» Так сказал отец. Но зачем он так сказал? Зачем?.. Плохие слова, слова без души... В прошлом году телка у них пропала. Залезла на колхозные поля и объелась чего-то... Едва добрела до окраины деревни, так и сдохла. Отец сильно расстроился, и мать, конечно, тоже... Пришел сосед, крепкий, кровь с молоком: «Надо бы хоть шкуру снять...» Но отец только рукой махнул: «А-а!..» И сказал тогда сосед: «Я сыму... Сгодится в хозяйстве.—Уходя, добавил:— Не пропадать же добру». Вот и теперь отец сказал: «Не пропадать же добру...» И тем словно бы поставил себя на одну доску с тем соседом. И Василию это пришлось не по душе. Был отец, несмотря на то, что с виду суров и холоден, мягок и уступчив во всем, что не касалось его дела, умел сказать доброе слово. А вот в тот раз он не отыскал этого самого слова, и Василию было горько. И он почти не слушал отца, хотя тот и старался внятно, и даже раза два взял его за плечи, и заглянул в глаза, и подмигнул, словно бы желая сказать: дескать, вон как я толково сужу за жизнь.

В тот раз они пришли домой, и мать встретила их на пороге и была довольна, что они пришли не с пустыми руками, как чаще всего и бывало, а с мясом, взяла у них из рук поняги, отнесла на кухню... Мать не знала, откуда у них мясо, отец не сказал ничего, и Василий тоже промолчал. И только потом, когда мать накрыла на стол и, глядя, как они пьют чай, стала нахваливать их: дескать, всегда бы так, и заботушки сы побочку,—отец хмуро обронил:

— Вот еще!.. Если и дальше так пойдет, годков через десять в тайге и живности-то не останется.

Слова были привычные для отца, и мать досадливо передернула плечами и ушла. Зато появились братья Василия, погодки, бегали где-то на улице... Обступили отца, и тот доволен, треплет их за волосы, попеременно сажает себе на колени, а потом говорит, глядя на Василия:

— Братья твои, помни! В случае чего, на тебя вся надежда...—А помолчав, добавляет:—Хочу, чтоб ты заступил на мое место, как придет время. Чую, не по нутру тебе лазать по тайге, а все ж хочу...

Отец был прав, когда говорил, что не по нутру... И годы спустя Василий не мог заставить себя с почтением относиться к тому, чем занимался отец. Не то чтобы Василию не по душе было «лазание по тайге», как раз это ему и нравилось, мог часами бродить по лесу и дышать густым, настоящим на хвое воздухом; другое не нравилось—жить в постоянном напряжении, всякий раз, встречаясь в тайге с людьми, подходить к ним с опаской и не знать, чего можно ждать от них?.. Он хотел бы верить каждому встреченному им в тайге человеку, а верить можно было не каждому, и он это понимал и оттого переживал, когда отец при нем вступал в спор или, хуже того, случалось и это, составлял протокол об изъятии... Тогда Василий видел злые лица людей, и ему хотелось поскорее уйти... Отец тоже переживал, но умел взять себя в руки и снова шел в тайгу. А Василий не умел этого, и догадывался, отчего, и желал бы, чтобы отец понял его и не таскал за собою повсюду в надежде, что со временем сын заступит на его место. Василию хотелось другого, но он пока еще молчал, и ходил с отцом по тайге, и помогал ему.

Где только не бывал Василий!.. Уж, казалось бы, и не пробиться к дальним гольцам: летом к самому изножью их подступают болота, черные, с белыми зеркальными окнами; про те окна говорят, что они от дьявола; и посверкивают в летнюю пору, и поблескивают, и вода в них хороша, а стоит ступить туда ногою, и дна не отыщешь. Оттого и не каждый зверь отважится пройти по тем болотам, и обходит их стороной, даже если и волчья стая растянута по его следу. А зимой в тех местах сугробно и люто, непрестанно воют метели, и часто в гольцах случаются снежные обвалы, и тогда делается шумно и грозно, и совладай с этой стихией!

Но Василий ходил к гольцам и зимою, и летом. Помогал отцу косить траву в пади, а потом стаскивал ее ближе к гольцам. «Слышь-ка,—говорил отец.—Горный баран в наших местах обьявился. В прошлый раз видел... Красавец!—У него светились глаза.—И откуда пришел? Никак спустился с Саянского хребта?.. Вот для него и надо постараться накосить сенца. Вдруг ему в наших краях понравится?..» Бывало, подле болота они разбрасывали соль, а потом смешивали ее с землей. Делали солонцы. И отец говорил, что зверю надо помогать, вот придет он сюда, усталый, на водопой, а тут ему еще и соль... И доволен будет, и нам хорошо!..

Отец понимал тайгу, но говорил, что ему далеко до деда Семена. Вот дед Семен—это совсем другое дело... И рассказывал, как однажды дед Семен встретил в лесу раненого изюбра. Тот лежал на земле и на человека поглядел только... Видать, совсем выбился из сил. Дед Семен подошел к изюбру, осмотрел рану, наложил на нее какие-то травы. На следующий день снова пришел. И еще через день... И подолгу говорил с изюбром, и тот слушал и понимал вроде бы... А когда рана у изюбра зажила и он увидел деда Семена, не захотел отстать от него и все шел, шел... И много времени спустя изюбр не забыл деда Семена, повстречает на таежной тропе, и подойдет без опаски, и лапастись начнет...

— Нет уж, я так не умею ладить со зверем,—говорил отец.—Куда мне до твоего деда!..

Подрастая, Василий все больше отходил от отца, и уж в тайгу-то не всякий раз заманишь его, а случится разговор о том, что кабану, к примеру, нынче плохо—земля сухая, и корму мало, а кабан едва ли не первый помощник лесу; и семена деревьев зарывает в почву, а с майским жуком, когда надо, сладит,—Василий уж и не слушает, и норовит уйти...

А однажды произошло такое, что и вовсе развело отца и Василия. Заночевали в тайге, в сторожке у гольцов, поднялись чуть свет, наскоро попили чаю и вышли на тропу. Снег в лесу черный, клейкий, и солнце поутру уж не такое холодное. Весна... И на душе у Василия так-то хорошо. Чудится, что идет он не по мирному таежному распадку, а по окраинным землям государства Российского, и он не помощник отца по лесным делам, а первопроходец... гулевой атаман... человек бывалый и бесстрашный. И идет он, чтобы покорить окраинные земли, а может, и не покорить вовсе, потому что люди, которые встречаются в пути, не чинят никому зла, сердца их открыты всему доброму, они и сами ждут его не дождутся. И вот он приближается к стойбищу лесных людей, и они берут его за руки и ведут к чьему вожде. И вождь встречает его...

— О чем ты все время думаешь?.. Василий не сразу понял, чьи это слова. И только когда посмотрел на отца и увидел неудовольствие в его лице, тогда и понял, и поморщился. Он и прежде не любил, когда прерывали его раздумья, а теперь, повзрослев, особенно. Казалось, отец делает это намеренно, не желая, чтобы он подолгу оставался наедине со своими мыслями. А ему лишь тогда и было хорошо, когда оставался наедине с ними. Все, что лежало по другую от них сторону, было неинтересно и скучно. И в школе, а учился он в тридцати километрах от родной деревни, затерявшейся в тайге, в райцентре, нередко было неинтересно и скучно. Но на уроках истории он заметно оживлялся, и со вниманием на смуглом скуластом лице слушал учителя, и кем только не воображал себя. Учитель заметил эту склонность, и она пришлась по душе ему, и они часто оставались после уроков, и учитель подолгу говорил о временах далеких и памятных, о народах, так и не оставивших следа на земле. Это были лучшие минуты в жизни Василия, у которого не было близких друзей в школе, он не умел сходить с людьми, привыкнув с малых лет быть наедине со своими мыслями.

— И о чем ты все время думаешь?..—снова сказал отец. Василий не ответил, увидел в лице его какую-то настороженность, спросил, и сам наполняясь тревогою:

ЕВЪЯ

Рисунок
Лины МИЛОСЛАВСКОЙ

— А что случилось?..

— Т-с-с...— сказал отец.— Вроде бы свист?.. Вот опять...

Василий прислушался. И точно, кто-то играл на сделанной из ивового прута свистульке, и этот кто-то, как определил Василий, подманивал к себе неосторожную по весне и глупую птицу. И он сказал об этом отцу, но тот обронил только, все больше хмурясь:

— Сам знаю...— И торопливо, но стараясь ступать мягко и осторожно, пошел в ту сторону, откуда доносился свист. Однако скоро остановился, подзвал к себе Василия:— Кажется, тут...

Глазам открылось глухое, куда и солнце-то вроде бы не проникает, урочище и где снег, быть может, вчера лишь стронулся, но еще не сделался черным и клейким.

— Подожди меня.— сказал отец.

И еще что-то сказал он, вроде того, что весна в тайге и нельзя брать на манок птицу, а они вон как... Но Василий не услышал этого, а может, и услышал, а только уж думал о другом... о том, что отец опять будет кричать и ругаться, а люди станут сердиться на него. Захотелось махнуть на все рукою и уйти. Но он не ушел. Прислонился к холодному стволу дерева, с минуту постоял, стараясь унять волнение, которое было тем сильнее, чем больше думал о том, что сейчас произойдет. А потом стал смотреть в ту сторону, куда пошел отец. Глазам было больно. Оттого ли, что солнце стояло высоко и снег искрился, отчего ли другого... И не скоро еще Василий разглядел большие и белые, он и теперь помнит, большие и белые фигуры людей, в руках у этих людей были дробовые ружья. Не мешкая, оттолкнулся от ствола и пошел по широкому несуетливому следу отца. А волнение в груди становилось все больше, и это уже было не то прежнее волнение, которое идет от досады, это было другое волнение, которое не оставляет и малого места другим чувствам.

Василий едва не столкнулся с отцом, тот стоял подле куста черемухи, глядя сквозь голые, с черными крапинами, ветки. Он не увидел, как подошел Василий, скорее почувствовал беспокойное дыхание подле себя, сказал негромко, и в голосе у отца звучали обида и недоумение, и все это Василий тоже помнит, будто это произошло не пять лет назад, а совсем недавно, вчера...

— Смотри... Смотри...

Василий глянул в ту сторону. Их было трое, и они, не торопясь, словно бы даже лениво, ходили между деревьями и собирали подранков. И в этой их внешней неторопливости было что-то угрожающее, но Василий уже успокоился. Ему вдруг стало обидно. Нет, не за себя и не за отца, а за тех, что собирали подранков и добывали их.

— Ты подожди.— сказал отец.— Подожди... Я сам...— И словно бы отодвинул в сторону куст черемухи, и сделал шаг вперед...

А те трое уже заметили отца и засуетились, подбирая в снегу рябчиков и бросая их в длинный серый кожаный мешок. Они могли бы уйти, но не сделали этого. Уложив добычу в мешок, продолжали стоять на месте и смотрели на отца, и глаза у них были ярые, и даже издали Василий заметил это. Они ждали, когда подойдет отец, и, видать, втайне надеялись, что это кто-то другой — не охотинспектор. Он теперь не помнит, что закричал, кажется, что-то отчаянное и дерзкое. И те трое, услышав, кинулись в чашу, и валежник захрустел под их ногами.

Отец был недоволен:

— Ты зачем спугнул их? Я бы...

Василий отвернулся и заплакал. Отец начал успокаивать: мол, ладно уж, чего уж... И все спрашивал:

— Почему люди такие жадные? Зачем им столько птицы?..

Отец недоумевал и расстраивался, когда встречался с людьми злыми и жадными. Сам он был человеком добрым и умел прощать, но только не тех, кто ладил обидеть таежного ли зверя, птицу ли. Полагал, что все сущее в тайге есть благо, и это благо не принадлежит кому-то в отдельности, а всем вместе, и ему было не по душе, когда приходили даже те, что с лицензиями... Отец ни разу не помог им, хотя среди них нередко были люди солидные и с высоким положением в районе. Он ни разу не помог им, а порою делал так, что они уезжали ни с чем... «А вы сбегайте в низовья реки,— говорил он.— Я там козьи лежки видел. Авось, повезет?..» И при этом, прищурившись, глядел на Василия, а когда те возвращались ни с чем, сочувственно вздыхал: «Это ж надо, не повезло...» Поил чаем незадачливых охотников, а потом выпроваживал их из дому и, стоя на высоком крыльце, приглашал приехать на будущий год. Но на будущий год те, кто уже познакомился с отцом, старались не приезжать. А этого и надо было отцу, он радовался, хлопывая Василия по плечу, говорил: «Учись, парень. Когда придет твое время, поступай так же...»

Но Василий, окончив школу, сказал отцу:

— Поеду в университет. Хочу стать историком.

Отец не сразу понял его, собирался поутру в контору, чтобы представить сына начальству, а когда понял, глаза сделались грустными.

— Как же так?..— И долго еще молчал, задумавшись, а потом сказал:— Дед твой Семен ходил по тайге, и я... Надеялся, и ты станешь таежным человеком, и братья твои...— Не договорил, ушел из дому, хлопнув дверью, а Василия обступили братья, начали спрашивать, отчего нынче отец такой сердитый?.. И он не умел ответить, молчал, а спустя немного и сам ушел из дому и до позднего вечера бродил по деревне. Вспоминал учителя истории, который окончил университет и любил поговорить о том давнем, что и теперь еще живет в людской памяти, и боялся, что отец не отпустит его. Но, когда пришел домой, отец, не глядя на него, сказал:

— Поезжай, раз ты такой... Может, другие дети мои... Ладно!..

А серые воронки в снегу все так же лопались, и несильно светило солнце. Отсюда, снизу, где сидел Василий, толстые ветви большого старого дерева, если долго глядишь вверх, казались еще толще, чем были на самом деле, а когда потянуло ветром, ветви зашевелились, заскрипели, и на землю упали тяжелые, мокрые лепехи снега. Собака, что терлась у ног, отскочила в сторону и заскулила жалобно, вытянув худую морду и глядя на Василия. Но тот и не думал подыматься. Было грустно и дремотно, и ничего не хотелось.

В университете Василию нравилось, он учился легко и с интересом. У него появилась девушка, звали ее Анною... Аннушкой. Легко было с Аннушкой, он словно бы знал ее много лет, но так получилось, что в последнее время не встречался с нею, а теперь вот встретился и ему было о чем рассказать... И он говорил об отце, о матери, о братьях, о себе, о том, что непросто ему было поступить в университет: отец не хотел этого да и сам он боялся, что сорвется на вступительных экзаменах. Но он поступил. И здесь он встретил Аннушку. Он так и сказал: «Аннушку...» — и девушка посмотрела на него и рассмеялась: «Кто такая? Я что-то не слышала о ней...»

Шло время, а им не было скучно вместе, и, уже учась на втором курсе, они знали,

что поженятся. Они очень подходили друг для друга, были мягки и стеснительны и не умели подолгу обижаться, они и внешне были похожи: оба темноволосые, с карими глазами. И друзья по курсу настолько свыклись с тем, что они всегда вместе, что, если видели кого-то из них одного, непременно спрашивали: «А Василий где?..» Или же: «Куда подевалась Аннушка?..»

Так продолжалось до третьего курса, до того неласкового весеннего утра, когда Василий получил телеграмму из дома. «Случилось несчастье. Приезжай!». Василий не со страхом, нет, страха еще не было, он появился, когда Василий садился в поезд, скорее с удивлением разглядывал телеграмму, а потом показал ее парням. И даже увидев, как лица у них сделались строгими и хмурими, даже тогда он еще не верил, что несчастье касается его. Он не верил в это: еще вчера так хорошо было, и они с Аннушкой решили, что после сессии поженятся, и не беда, что стипендия маленькая, и ее только и хватит, чтобы платить за квартиру, а родные не в состоянии помочь им: семья у родителей Аннушки тоже немалая, и отец болен, — все это не страшно, потому что они молоды и сумеют обеспечить себя: не они первые, не они последние...

Так хорошо было вчера. И вот теперь... Он хотел зайти к Аннушке, но она уже ушла на лекции, а поезд отправлялся скоро.

Всю дорогу до родной деревни Василий думал о телеграмме, о том, что могло случиться. Все в их семье казалось таким устойчивым и надежным, что он был не в состоянии предположить что-то. Впрочем, были минуты, когда он думал, что беда подстерегла отца. Вдруг столкнулся в лесу с браконьерами, и те... Но дальше этого смутного предположения Василий не шел. В душе выростала какая-то преграда, незримая и сильная. С малых лет приучивший себя больше верить в хорошее, чем в худое, Василий и в этом случае жил надеждою на лучшее. И был растерян, раздавлен, когда, приехав домой, узнал, что за несчастье случилось. Погиб отец. Пошел к дальним гольцам проверить, что случилось с кормушками, приходил ли нынче зверь... Его долго не было, но в семье не волновались: отец и прежде нередко задерживался в тайге. Но прибежала собака, та самая, что теперь лежала у ног Василия, и была она напугана и скулила, и на деревне поняли: что-то стряслось. Организовали поиск. А еще через день в поиск вылетели вертолеты. Выяснилось, что произошел снежный обвал, и отец попал под этот обвал, и его бросило в глубокую расщелину между скал. Там, в расщелине, была могила не одного отца. И все же по приезде домой Василий пошел туда, взяв с собой собаку. «А вдруг отца вовсе не кинуло в расщелину, и тело там, в гольцах, и его можно будет привезти домой и похоронить на деревенском кладбище?..» Но, услышав, как собака, подбегая к расщелине, заскребила черную каменную землю лапами и завывала, понял, что ничего нельзя изменить. Надвинулось чувство вины, еще не окрепшее, и было горько думать об отце; впервые в жизни он ощутил в себе многое из того, чем жил отец. Чувство вины перед отцом стало еще больше, когда пришел домой, и его обступили братья и начали спрашивать, куда он ходил и зачем... Братья смотрели на него, и он заметил в их глазах испуг и понял, что было этому причиной, и боль, щемящая и большая, прошла по сердцу.

Мать сидела за кухонным столом, и лицо у нее было болезненно-белое, она и прежде не отличалась хорошим здоровьем, а теперь и вовсе сдала.

— Что же мы будем делать, сынок? — спросила она. — Как жить без отца?

На ум Василию пришли слова: «Братья твои, помни! В случае чего, вся надежда на тебя...» Но решиться было непросто. Минуло с неделю, прежде чем он сказал матери: «Я остаюсь...» И тем же утром уехал в контору.

Василий беспокойно спал ночами, а просыпаясь, с удивлением оглядывал обои в цветочках на стенах. Значит, он дома, а ему казалось, что он в общежитии университета, в старом, построенном в семнадцатом веке монастырском здании, и теперь в узких кельях, куда и белый свет-то проникает не во всякую пору дня, живут студенты, и здесь всегда суетно и весело. Помнится, в первое время это веселье было в диковинку Василию. Привыкший к тихому и нехлопотному покою, он чувствовал себя не в своей тарелке и смущался, если студенты пытались вовлечь его в разговоры. Но потом он привык к этому, оказалось, что и он не такой уж медведь, как поначалу кое-кто решил, и умеет поговорить. Василий и сам не понимал, когда, в какой момент произошла с ним эта перемена, и он из парня, стеснительного, ушедшего в себя, превратился в типичного для студенческой среды молодого человека, в меру начитанного и несерьезного и, в сущности, мало что понимающего в жизни, однако же уверенного, что понимает.

Василию нравилось быть студентом. Это было намного интереснее, чем быть сыном охотинспектора. И он с головой окунулся в студенческую жизнь и не очень охотно вспоминал свое прошлое. А случались и такие минуты, когда он начисто забывал обо всем, что не касалось его нынешней жизни. И тогда редкие вести из дому он воспринимал как что-то далекое, лишь по прихоти судьбы имеющей к нему какое-то отношение. Тут он встретил Аннушку и полюбил ее. Была Аннушка непосредственна и искренна, легко и свободно судила о людях и так же легко и свободно меняла свои суждения. Первое время это раздражало Василия, но потом он понял, что Аннушка не может быть другою, а в ее суждениях нет ничего, что было бы обидно для кого-то. Она была из той, теперь уже нечасто встречающейся породы людей, кто честно говорит: это мне нравится, а это — нет. Впрочем, в данном случае было еще и нечто присущее, быть может, только Аннушке: в ее исполнении «нравится» и «нет, не нравится» звучало так, что думалось, будто у нее есть еще что-то за душой, кроме чисто внешнего «нравится» и «нет, не нравится», а только она не говорит пока об этом, потому что не считает нужным, но придет время, и скажет... И вот эта подразумеваемая, а может быть, и существующая глубина, помимо всего остального, чрезвычайно приятна была Василию. Как приятно было и то, что Аннушка хотела знать, как он жил до своего поступления в университет. Василий понял, что при ней ему нечего стесняться того, что родом он из глухой таежной деревни, куда еще и телевидение не пожаловало, а о железной дороге до самого недавнего времени он знал лишь понаслышке. Беседуя с Аннушкой, он понял, что не надо стесняться своего прошлого, потому что и в его прошлом есть немало интересного и поучительного, и он стал припоминать, что было с ним, и говорить об этом. Аннушка выросла в городе, и тем удивительнее было то, что она очень скоро со знанием дела стала судить о тех или иных таежных происшествиях, и если случалось услышать что-то, идущее не от правды, обрывала говорящего и выносила свое, чаще всего верное суждение, будто жила в тайге и понимает ее.

Аннушка сделала все, чтобы Василий перестал стесняться своего прошлого, и тем самым как бы связала воедино то, что было с ним раньше и что происходит теперь. И сделала это как нельзя вовремя. Бог знает, что могло бы получиться из него, если бы не Аннушка!..

Василий сидел, прислонившись к стволу большого и старого дерева, а подле ног все так же лежала собака, и тяжелые мокрые лепехи снега, которые изредка падали сверху, все больше обнажая крону дерева, уже не пугали ее.

Поверху все так же тянуло ветром, несильным, без привычных в эту пору хлестких порывов, и иссиня-белые кроны деревьев пошумливали, и в воздухе висел безжизненный, тихий, почти равномерный гул, и этот гул отчетливо напомнил Василию тот, другой, в квартире у подруги Аннушки... Сидел он тогда в комнате, задумавшись, а на кухне гудел холодильник. И тогда ему казалось, что он нынче не в теплой квартире, а в тайге, и это гудит не холодильник, а ветер, и даже не ветер, а сосны, растревоженные его толчками. Но теперь Василий видел другое, ему казалось, что он в квартире у подруги Аннушки и на кухне гудит холодильник. Он ждет Аннушку, она на минуту вышла к соседям: дела какие-то... Но вот скрипнула дверь, и появилась Аннушка, и под села к нему на диван, и говорит начала, а потом и спрашивать. И он не сразу понял, чего она хочет: какая-то дрема навалилась на него, и надо было сделать над собою усилие, чтобы разогнать ее.

Василий вспомнил обо всем этом, и ему стало грустно. Вдруг подумалось, что он не увидит больше Аннушку. Переведясь на заочное отделение, он ни разу не написал ей, хотя и получал от нее письма. Почему? Он сам не знал...

Возле дерева, где сидел Василий, слегка коснувшись его ног, обутых в старые отцовские ичиги, проплыла чья-то узкая, длинная тень. Василий подумал, что ему померещилось, однако же через какое-то время тень снова, уже чуть в стороне, прошла по земле. Василий поднял голову и увидел большую темную птицу, она пролетала низко над лесом, раскинув сильные крылья. «Ишь, как выскрывает, — подумал Василий. — Орлан-белохвост...» И он, заложив два пальца в рот, тихонько свистнул, как бывало в детстве. Птица на мгновение словно бы замерла в воздухе, а потом, мощно оттолкнувшись крыльями, полетела дальше. Василий проводил ее глазами, поднялся с земли, закинул за спину понягу, взял в руки ружье. Надо было продолжать обход.

Он медленно ступал по мокрому, тяжелому снегу, обходя приунывшие березовые рожи, минуя прямые и тонкие сосны, углубляясь в таежные буреломы, где сумрачно и стыло и где снег девственно бел и на нем во множестве отпечатаны заячьи петли. Проходя длинным склоном, густо поросшим хвойным лесом, Василий вынужден был остановиться. Собака вдруг насторожилась, залаяла, попыталась выбежать вперед, но Василий властным окриком остановил ее и тут увидел, как из-за деревьев выскочил маленький олененок и закружил подле него, оставляя на снегу круглые раздвоенные следы копытца. Собака зло щерилась, в нетерпении поглядывала на хозяина. «Сидеть!..» — негромко сказал Василий и продолжал следить за олененком. Уже много позже, когда олененок, запутывая следы, умчался, Василий понял, что это была кабарожка. Он никогда прежде не видел кабарожки, хотя прожил в тайге, считая, всю жизнь. Хитра, и осторожна, и норовит быть от человека подальше, и только когда подле нее детеныш, становится бесстрашной и нередко, стараясь отвести от него опасность, гибнет. Вот и сейчас, видать, была не одна...

Василий спустился по склону, огляделся. Где-то здесь, подле теплого ручья, который и зимой не замерзает, в листовичном распадке была зимовейка, рубленная отцом. Он не сразу отыскал эту зимовейку, а потом, растопив каменку, налил в манерку воды, поставил кипятить... А сам прилегал на узкие, в четыре жердины нары, на которые наброшена стертая во многих местах оленья шкура. Потолок у зимовейки низкий, черный, каменка сильно дымилась, пока дрова не взялись ровным и спокойным пламенем, и у Василия слезились глаза.

В зимовейке было сумрачно. Сквозь маленькое, почти квадратное оконце слабо проникало солнце. Клонило ко сну. Но Василий крепился и все же в какой-то момент задремал, и тотчас перед глазами встали картины из недавнего прошлого, и эти картины перемежались с тем, что происходило с ним сейчас, и порою было трудно оторвать одно от другого. Василий вроде бы и понимал, что он теперь в таежной зимовейке и каменка уже не дымит, сухие дрова потрескивают бойко и беззаботно, и в то же время казалось, что он и не здесь вовсе, а в каком-то межвременном пространстве, и ему поддалство все: стоит пожелать, и он может поговорить с отцом. А почему бы и нет?.. Вон отец сидит в углу зимовейки и ждет, когда он подойдет. И Василий делает несколько шагов в его сторону. Отец приветливо улыбается, советует не огорчаться: дескать, нету твоей вины передо мною, а ты просто придумал ее, живи спокойно и делай свое дело, а я, если будет надобность, помогу...

Василий открывает глаза, приподнимается на локтях. Вода в манерке кипит вовсю, и крутая черная дужка бьется об алюминиевый бок.

Василий не писал Аннушке, что-то удерживало его, скорее чувство вины перед отцом, которое в иные моменты становилось нестерпимым. Казалось, в смерти отца и он повинен, пускай и косвенно. Все очень просто, думалось, все предельно просто: если бы я тогда был подле отца, может, и не случилось бы того, что случилось. Впрочем, умом он понимал, что, если бы даже и был подле отца, это вряд ли что изменило бы, разве что отец погиб бы не один... Василий знал ураганную силу обвала, против которой не устоять никому. Видел однажды. Шли тогда с отцом вдоль белых, ослепительно белых скальных гряд, и вдруг случилось что-то: ходуном заходила земля под ногами, исчезло солнце, стало трудно дышать. Скалы сделались ярко-красными, закачались... Василий не знал, что и подумать, схватил отца за плечи и не увидел в его глазах растерянности.

— Обвал, — сказал отец. — Снежный обвал. Бежим.

Жутко было, и бежать нелегко, но отец торопил, и уже когда миновали застывшие, со слюдяными оконцами болота, вдруг заухало, загремело, и белая снежная пыль осыпала их, и слюдяные оконца тотчас сломались. А потом снова стало тихо, и на небе появилось ярко-красное солнце, и отец сказал:

— Самое худое, не знаешь, когда начнется обвал. Он приходит внезапно, срывает с гольцов камни, крушит деревья...

Василий понимал, что вряд ли смог бы помочь отцу, если бы тогда и был рядом. И все же чувство вины перед ним оставалось. В тот день, когда погиб отец, Василий и Аннушка, он высчитал это, уговорились пожениться. Это было, конечно же, случайное совпадение, тем не менее чувство вины от этого только усугублялось. Может, поэтому Василий и не писал Аннушке. Он и перед ней чувствовал себя виноватым.

«Нередко большая радость ходит рядом с большою бедою...» Отец порою говорил так, когда учил Василия быть спокойным при любых обстоятельствах, уметь сдерживать чувства, как бы горько или, наоборот, радостно ни было. Отец говорил так, потому что считал: мужчина должен быть рассудительным.

Но теперь Василий вкладывал в эти слова другой смысл, вовсе не тот, который вкладывал в них отец. Догадывался, что нельзя этого делать, но не умел совладать с собою, и оттого в голову приходили разные мысли, чаще всего он думал: «Если бы у меня не сладилось с Аннушкой, может, и отец остался бы жив. Не зря же он говорил, что большая радость ходит рядом с большою бедою», Смешно и наивно?.. Но он считал иначе, и оттого на сердце было тоскливо и горько.

И тут он услышал выстрел, потом еще один... Вскочил на ноги, и так поспешно.

что лавчонка, сбита из сырых тесовых плах, зашаталась, упала... Схватил ружье, прислоненное к стене, вышел из зимовейки. И тут снова услышал выстрел, и сильно забило сердце, и он явственно ощутил это биеие, и какая-то мстительная улыбка появилась на губах.

Василий знал, куда идти. Километрах в трех от зимовейки были солонцы. Нет, не те, естественные, которые встречаются в забайкальской тайге близ глухих заболочен и густо поросших папоротником лесных озерин, куда любит наведываться зверь. Нет, эти солонцы были другие, их много лет назад сделал отец. Василий, тогда еще совсем пацан, помогал ему. Помнится, завозили в тайгу соль, навьючив ее на лошадей. Сделали много ходок. А потом каждый год по весне заходили на эти солонцы и разбрасывали тюки с солью. Зверь поначалу боялся подходить к новому для себя месту близ горного ручья, видать, сильно та соль пропахла человеческим потом, но через год-другой ушла опаска, и отец был доволен, когда видел на новых солонцах крупные изобринные следы.

Василий мягко и уверенно шел по тайге, раздвигая жесткие кусты боярышника, который протанул на несколько километров вдоль по ручью. Его жгло нетерпение. Через каждые сто — сто двадцать шагов он останавливался и глядел вперед, но там, за серую дымкой, меж высоких ветвистых деревьев, были лишь тонкие кусты боярышника. Однако он был уверен, что скоро увидит человека, осмелившегося поднять руку на таежного зверя. И он ненавидел этого человека, и удивлялся этому чувству, и где-то даже страшился его непривычной новизны. В свои двадцать с небольшим лет он лучше всего познал чувство, которое называется любовью, ненависть ему была незнакома, но сейчас знал, что именно она живет в его сердце и заставляет скрадывать шорох шагов и идти.

Иногда Василию казалось, что он в эти минуты уподобился хищнику, тот тоже преследует свою добычу, скрадывая шорох шагов, а это сделать не так-то просто: тропа, по которой шел, была завалена сухим валежником, и валежник хрустел под ногами.

Все, что теперь делалось в душе, было в диковинку и чем-то нравилось Василию. Быть может, своей новизной?.. Бывали минуты, когда Василий почти физически ощущал подле себя присутствие отца. И было странно, что отец не одобряет его нынешнего порыва, и не улыбнется даже, и глаза холодные и какие-то безжизненные; Василий никогда бы не подумал, что у отца могут быть такие глаза... И это было непонятно, отец сам хотел, чтобы Василий пошел по его стопам. Тогда в чем же дело?.. И спросил бы, когда б знал, у кого спрашивать.

Василий не знал, долго ли шел, наверно, долго, потому что, заметив впереди узкое, белое, а моментами, когда не мешали деревья, ярко-белое пространство, сплывающее к ручью, и, остановившись, почувствовал, как сильно устал: спина взмокла, и ноги гудели... Усмехнулся, подумав, что отвык за эти годы ходить по тайге. Пространство вдруг пересекли две тени. «Вот они! Значит, я не ошибся!..» Осторожно, боясь, как бы не лопнула под ногами случайная сухая ветка, стал приближаться. А когда до тех двоих, оставалось метров десять, выскочил из заболоченных кустов ивняка, скинул с плеча старое ружье, которое, как теперь только вспомнил, не зарядил, и крикнул что есть мочи:

— Стой!..

Те двое словно бы оцепенели, но потом шарахнулись в кусты ивняка. Первый, худой и рослый, оказался проворен на ногу, перебежал на другую сторону ручья и скрылся из глаз. Зато второй... Он был явно тяжелым, и Василий в три прыжка догнал его, а потом, бросив на землю ружье, схватил за ворот телогрейки, рванул на себя:

— Стой!..

И тот подчинился. У него было крупное и какое-то уж очень плоское и невыразительное лицо. Василий долго смотрел в это лицо, силясь припомнить, где же видел его. А то, что видел, не совневался.

— Ружье... Дайте сюда ружье!.. — сказал Василий, все еще держа человека за ворот телогрейки, и тот не посмел ослушаться, бросил ружье на землю. Василий поднял ружье. Новенькое, и пользовались-то им нечасто, подумал, а еще подумал, что в охотинспекции как-то предлагали отцу такое же ружье, но он не пожелал взять... «Зачем?» — сказал. — Я не охотник... «А если встретитесь в тайге с браконьерами, тогда как?» — «А я уж встречался с ними, и не один раз...» Крепкое было у отца слово, этого его слова, надо думать, и боялись браконьеры пуще всего.

Василий отошел от знакомого, и стараясь не глядеть на него: стало отчего-то стыдно и неловко, и это было такое чувство, от которого не так-то просто избавиться... — сказал:

— Не вздумайте бежать. Я ведь вспомнил, где видел вас...

Незнакомец доводился дядькою Кехе Малыгину, длинноному тридцатилетнему мужику, тот жил с матерью в просторной пятистенке в центре деревни напротив магазина. Василий вспомнил, где видел знакомого, и тотчас догадался, кто был с ним, и сказал, но уже без прежней злости в голосе, едва ли не с тоскою:

— И Кешку найдем, куда ему деться...

А потом Василий раздвинул кусты боярышника, которые словно бы прикрыли ручей от стороннего глаза своими колючими ветвями, и увидел тушу зверя, ее не успели еще разделать, а подле стояли две поняги, туго набитые мясом, чуть в стороне на белом солончаковом насте была растянута звериная шкура. Василий увидел все это, и на сердце снова закипело то яростное и сильное, что вытолкнуло его из зимовейки и привело сюда, и он обернулся к знакомцу, впрочем, отчего же к знакомцу, — к Малыгину и сказал:

— Эх, вы, люди!.. — Вытащил из кармана куртки тетрадку с конспектами, бог знает, зачем взял ее, идя в тайгу, скорее просто так, не подумавши; отыскал и огрызок карандаша. — Составим акт, — сказал. Вырвал из тетрадки чистый лист бумаги, стал писать... Помнил, как это делал отец: место происхождения, фамилии браконьеров, какой зверь убит... Ничего не упустил, все честь по чести, а потом протянул этот лист Малыгину:

— Посмотрите. И распишитесь... Только не вздумайте изорвать. Я могу снова написать. Время у меня есть, торопиться некуда.

Но Малыгин и не собирался противиться, он был вялый какой-то, испуганный, невыразительное лицо стало еще тусклее, руки заметно дрожали, когда он ставил свою подпись.

— Ну вот и все, — сказал Василий, велел Малыгину взять понягу с мясом и идти за ним. Путь до деревни они проделали часа за три, и все это время Малыгин не произнес ни слова, и только, когда шли уже по околице, прилепившейся к густому сосновому бору, он словно бы очнулся и заговорил быстро, так что Василию стоило немалого труда разобрать, о чем он.

— Нет, я не могу отпустить вас, — сказал Василий. — Это было бы нечестно.

— Но у меня дети... дети... Ты понимаешь, дети!..

— Я сказал: не могу, — поморщился Василий. — И хватит об этом!

Но Малыгин вроде бы не услышал и продолжал просить Василия, чтобы тот не давал хода этому распроклятому делу, до которого он не такой уж большой охотник, бес попутал в этот раз, а уж другого не будет...

Мать встретила на пороге:

— Мы не ждали тебя нынче. Что так?.. — Увидела Малыгина (зашел в избу следом за Василием, большой и неловкий, поставил в угол понягу с мясом) и засуетилась, обрадованная: — Да у нас гости!.. — Побежала на кухню.

Но Василий остановил ее.

— Это не гость, — сказал он. — Это браконьер. Он вместе с Кехой Малыгиным завалил изюбра на отцовском солончаке.

— Боже ж ты мой! — всплеснула руками мать. — То-то я сон дурной видела, будто бы мышь у меня по груди бегаёт. Я так и задумалась, что к худому сон-то.

Братья Василия из комнаты вышли, все четверо, погодки, старшему двенадцать лет, в школьных пиджаках, еще не успели переодеться, сгрудились подле Малыгина, с интересом в карих, теплыми уголочками, глазах разглядывая его, а потом в этих самых глазах поубавилось интереса, и сказал меньшей:

— Дядька как дядька, а еще б-браконьер... Я-то думал, б-браконьер у какой! А этот... и не страшный даже...

Василий хотел прикрикнуть на меньшого и не успел... Малыгин вдруг упал на колени и заголосил. Отшатнулся Василий, лицо побелело: «Зачем?.. Зачем он так унижается?» А тот подполз к матери:

— Хоть ты пожалей меня. И у тебя дети, и у меня... Как же так? Пропадут!..

Мать склонилась над Малыгиным, попыталась поднять с пола, но куда там!.. Обернулась к сыну:

— Васенька, отпустил бы ты его, а?.. Все под одним небом живем, по одной тропе ходим...

Василий подошел к Малыгину, сказал:

— Встаньте! Как вам не стыдно?..

И, видать, почувствовал Малыгин непреклонность Василия, поднялся с пола, отыскал глазами лавку в углу, присел на нее, безвольно опустив руки.

— Сейчас позовем участкового, — сказал Василий. — Заполним бумаги. И... можете идти...

Но он не успел послать за участковым, мать подошла к нему и, ни слова не говоря и, кажется, недовольная его неуступчивостью, протянула письмо. Василий в первую минуту не понял, что это у него в руках, а потом с излишней поспешностью разорвал конверт, начал читать... Глянул на мать, хотел сказать что-то, да слова застряли в горле, только и подумал: «Анушка... Анушка... Едет, значит? Ко мне едет!..»

— Ты права, сестра, — сказал Малыгин. — Все под одним небом живем, по одной тропе ходим. Муж твой не понимал этого. И перенец вроде бы тоже... А жаль! — Глаза у него недобро блеснули.

Но Василий не заметил этого, он и не услышал, что сказал Малыгин, думал об Анушке, и нежное чувство к ней наполнило все существо его, и уж не оставалось места для обычной человеческой неприязни. Он и о Малыгине едва ли не позабыл. А когда глянул на него, сказал:

— Ладно, отпущаю вас!..

Ему вдруг захотелось быть великодушным. Он чувствовал, что его нынешнее великодушие вовсе не того свойства, от которого становится тепло на сердце, но был не в состоянии сдерживать себя, и снова глянул на Малыгина, и в нетерпении указал рукою на дверь:

Тот не поверил:

— Издеваетесь, да?.. Но погоди, лихо же тебе будет!.. Хотя... — Глаза у Малыгина сделались маленькими, заискивающими, и Василию стало неловко, и он отвернулся, чтобы не видеть. А тот продолжал: — Если ты и впрямь хочешь отпустить меня, изорви те бумаги, которые там, в тайге... — Он не договорил, соскочил с лавки, приблизился к Василию, задышал в лицо ему... Василий отодвинулся, вытащил из кармана мелко исписанный лист, разорвал на куски, а потом смял их и протянул Малыгину.

— Вот, — сказал. — Берите! И... уходите отсюда, да поживее!..

Малыгин попытался к двери, и радость была на лице его и еще что-то, чего Василий не ожидал увидеть и все же увидел, и на душе стало неспокойно.

— Ты не презирай меня, парень, — сказал, уходя, Малыгин. — Не презирай!..

Василий в раздумье постоял на кухне, а потом прошел в комнату к матери — она сидела на диване, опустив голову на руки, и, кажется, плакала. Устроился подле нее, стал рассказывать об Анушке, которая тоже, как и он, перевелась на заочное и теперь едет к нему... У матери по-прежнему в глазах были слезы, но это были другие слезы, и она уже не отворачивалась от Василия, боясь, что он будет недоволен ею, смотрела на него, слушала и гордилась им.

В дверь постучали, и мать поднялась с дивана. А когда вернулась, недоумение было в лице ее и растерянность. Василий прошел на кухню, где его ждали Малыгин с племянником, а еще участковый милиционер, пожилой, с седыми усами.

— Вот, парень, с заявлением на тебя прибежали эти двое, — сказал участковый. — Говорят, ружье у них отобрал и с тем ружьем на зверя... Я, конечно, не верю им. Знаю Кешку-то... Уж не первый год знаю. А все же придется поглядеть. — В смущении развел руками: — Когда б не заявление, зачем бы я?.. Иль отца твоего не помню? Доброй души человек был...

Он еще что-то сказал, но Василий не услышал, как раз в эту минуту Малыгин подошел к поняге, которая все так же стояла у двери, пнул ее ногою, сказал:

— Вот оно, мясо-то!.. Улика!.. Стал бы я без пути...

Участковый развязал понягу.

— И впрямь мясо, — сказал, выпрямляясь и с укориною поглядыв на Василия. — Как же ты, парень?..

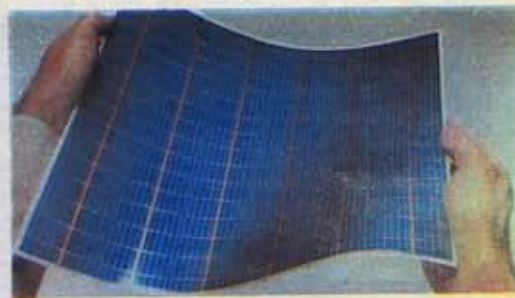
Мать закричала что-то... Василий пробовал объяснить, но участковый не пожелал слушать.

— Собирайся, — сказал. — Там, в райцентре, разберутся...

И Василий стал одеваться, а потом вместе с участковым провел мать в комнату, попытался утешить ее, но она так и осталась, неутешная... Выйдя на улицу и услышав насмешливый голос Малыгина, с острым интересом, будто на что-то диковинное, посмотрел на него и почему-то не почувствовал к нему неприязни, которая была бы естественной в его положении. Была только обида, что так нескладно все получилось. «Завтра приедет Анушка, и кто же встретит ее?..» И он сказал об этом участковому, тот виновато улыбнулся:

— Не робей, парень. Обойдется!..

Но Василий знал: нет, не обойдется. Там, в райцентре, — да. Удастся все объяснить, но это ведь не главное... Главное в нем самом, а в нем что-то происходило, в душе его что-то важное решалось, и он не понимал пока, что именно, и мучительно пытался понять это...

**ЭТОТ УДОБНЫЙ
ЭЛЕКТРОМОБИЛЬ,
ПОКА ЕЩЕ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ
ОБРАЗЕЦ ВАЗа,
НАВЕРНЯКА ПОНРАВИТСЯ
ЛЮБИТЕЛЯМ
ПУТЕШЕСТВИЙ.**

**НОВАЯ
РУБРИКА**
Наука — техника —
прогресс

**В ТОЛЬЯТИ УЖЕ СЕЙЧАС
МОЖНО УВИДЕТЬ
СИМПАТИЧНЫЙ, КУРНОСЫЙ
ФУРГОНЧИК,
РАССЧИТАННЫЙ
ПОД ЭЛЕКТРОДВИГАТЕЛЬ.**

Станислав ЗИГУНЕНКО

Роман это давний. Начался он почти сто пятьдесят лет назад. Да, не удивляйтесь: экипаж, движущийся с помощью электромотора, питаемого от аккумуляторной батареи, родился на добрых полсотни лет раньше автомобиля с поршневым двигателем. И первые рекорды абсолютной скорости среди наземных транспортных средств принадлежали именно электромобилю. Так, 18 декабря 1898 года экипаж с электрическим двигателем промчался с небывалой для того времени скоростью — 63,149 километра в час. А еще год спустя первый в мире экипаж с обтекаемым кузовом и опять-таки приводимый в движение электромотором, превысил стокิโลметровый рубеж — 105,876 километра в час. Не эта ли конструкция описана Жюлем Верном в романе «Властелин мира»? Помните: «Аппарат имел форму веретена, причем к носу заострялся сильнее, чем к корме, корпус его был сделан из алюминия... Он стоял на четырех колесах диаметром в два фута, с толстыми шинами, которые обеспечивали плавность движения на любой скорости...»

Но вернемся из мира фантастики в мир реальный. Электромобили стали строить всюду: в России, в США, во Франции... В 1889 году инженер И. В. Романов продемонстрировал образцы механических экипажей с электроприводом. Лучший из них весил сорок пять пудов (при весе аккумуляторов двадцать два пуда), тогда как вес американского электромобиля составлял восемьдесят пудов. На ровной дороге экипаж Романова развивал скорость до двадцати верст в час.

Многие компании поставили производство электромобилей на промышленную основу. Так что автомобилю в начале века пришлось вынести нелегкую конкурентную борьбу. И как знать, выиграл бы он это состязание, если бы у электрического «коня» не обнаружилась вскоре ахиллесова пята — аккумуляторы не могли обеспечить достаточный запас хода и требовали много времени на перезарядку.

**НАУКА.
ТЕХНИКА.
ПРОГРЕСС.
ОНИ НЕРАЗДЕЛИМЫ
КАК СОСТАВНЫЕ
ПРОЧНОГО СПЛАВА.
СЕГОДНЯ ОНИ ВО МНОГОМ
ОПРЕДЕЛЯЮТ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ НАШЕЙ СТРАНЫ. НА ЭТОМ
ФУНДАМЕНТЕ МЫ СТРОИМ ПЛАНЫ
ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.**

И об электромобиле постепенно стали забывать. Но не забыли окончательно. Доказательство тому — стоящий передо мной первый советский серийный электромобиль! По внешнему виду он практически не отличается от обычных «Жигулей».

— Но давайте поднимем крышку капота, — предлагает сотрудник научного автомобильного института Анатолий Лобцов. Именно ему и его коллегам довелось проводить заключительные испытания новинки Волжского автомобильного завода.

Я открываю капот и... не вижу мотора! Вместо него — аккумуляторные батареи.

— Электродвигатель настолько мал, что его удалось разместить на месте коробки скоростей, — поясняет мой собеседник. — Сама же коробка не нужна — тяговые характеристики электрического двигателя позволяют обойтись и без нее. Еще одно преимущество — гула двигателя почти не слышно. Чтобы электромотор не создавал помех для радио- и телепередач, конструкторы прикры-

ли его специальным экраном. И уж, конечно, вы слышали об одном из главных преимуществ электродвигателя — его нетоксичности, он не дает абсолютно никакого выхлопа.

И это еще не все достоинства электромобиля. Он очень прост в управлении. Например, для смены переднего хода на задний достаточно нажать кнопку на пульте управления. Нет здесь рычага переключения передач и педали сцепления. А педаль тормоза имеет дополнительный диапазон электрического торможения. То есть при торможении часть энергии, затраченной на разгон, возвращается назад в аккумуляторные батареи.

— Запас хода не очень велик, — говорит Анатолий — Сто тридцать километров при движении по шоссе и порядка ста километров при движении в городе, где приходится часто останавливаться у светофоров. Энергии аккумуляторов вполне хватит на рабочую смену. Большая часть автомобилей, перевозящих грузы, за день проходит около семидесяти километров.

**Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ**

**ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ
ПРИШЕЛСЯ ПО ДУШЕ
НЕПРИХОТЛИВЫЙ МАЛЕНЬКИЙ
ЭЛЕКТРОМОБИЛЬЧИК.**

**ОБКЛЕЙТЕ
ТАКОЮ ГИБКОЙ ПЛЕНКОЙ
КРЫШУ АВТОМОБИЛЯ —
И ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ ГОТОВ.
СОЛНЕЧНАЯ БАТАРЕЯ
НЕ ПОДВЕДЕТ.**

АВТОМОБИЛЬ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

тромабили
проходили без
подзарядки
до семисот километров,
развивая скорость
свыше ста километров в час.

Можно намного ускорить
и перезарядку аккумуляторов.

Например, уже сегодня на
одном из автотранспортных
предприятий Читы ее проводят
за три часа вместо положенных
восьми — двенадцати часов. Вся «хит-
рость» тут в новой методике, разработанной
кандидатом технических наук Н.И. Масло-
вым. Зарядка идет в переменном режиме.

Ночью
аккумуляторная
батарея
перезаряжается.

Если же вам
надо за день проехать
больше, чем позволяет запас
энергии, можно поменять
разряженную батарею на свежую.
Как показал опыт, такая операция
занимает всего двенадцать минут...

Совершенствование автомобиля на
этом, естественно, не заканчивается. На со-
временных моделях стоят свинцовые, никель-
цинковые батареи. А они далеко не самые
емкие. Использование, например, натриево-
серных элементов позволит сначала прибли-
зить эксплуатационные характеристики элект-
ромобилей к автомобильным, а потом и пре-
зойти их. Так, во время экспериментов с
кадмийникелевыми аккумуляторами элект-

Так дело обстоит с обычными аккумулято-
рами. А во время экспериментов с никель-
кадмиевой батареей, «стреляя» в нее корот-
кими, но мощными электрическими импульса-
ми, зарядку удалось закончить уже через
пятнадцать минут!

— Но для того, чтобы такие рекордные
показатели завтра стали нормой,— продол-
жает свой рассказ Анатолий Лобцов,— необ-
ходимо, чтобы на трассы вышли не автомоби-
ли, переделанные под электродвигатели, а
специально сконструированные. С легкими
пластиковыми кузовами, рассчитанные на ра-
циональное размещение батарей и зарядно-
го устройства. И первый такой электромобиль
существует уже не только в во-
ображении... Вы можете увидеть его сво-
ими глазами.

И я действительно его увидел. Официаль-
ное название автомобиля ближайшего бу-
дущего — ВА3-2702. По внешнему виду он
представляет собой небольшой автофургон-
чик с надписью «Служба быта» на дверце.

Фургон используется в одном из автохозяйств
Тольятти в сфере бытового обслуживания. На
электромобиле можно развозить письма и
посылки, продукты, небольшие партии про-
мышленных товаров... Словом, дел для него
уже сегодня немало. Завтра их будет еще
больше. В скором будущем начнется серий-
ный выпуск электромобилей не только на
Волжском автозаводе в Тольятти, но и в
Прибалтике и Армении, Ульяновске и Москве.

Впрочем, на пути широкого внедрения
электромобилей есть одно существенное пре-
пятствие. Экономисты как-то подсчитали: ес-
ли перевести на электрическую энергию авто-
мобильный транспорт планеты, то для заряд-
ки аккумуляторов может не хватить энергии
всех электростанций Земли.

Как быть?

На выручку изобретателям пришло...
солнце. Так, группой ашхабадских инженеров
был создан новый электромобиль на основе
микроавтобуса РАФ-2910. На его крыше рас-
положены солнечные батареи общей пло-
щадью около восьми квадратных метров.
Вырабатываемая ими энергия скапливается в
аккумуляторах, после чего микроавтобус мо-
жет пройти без остановки расстояние в сто
километров со средней скоростью пятьдесят
километров в час даже в пасмурный день.
Если же светит солнце, то такому экипажу
под силу и гораздо более дальние маршруты.

Доказательством тому может послужить
хотя бы недавнее путешествие инженеров
Ганса Толструпта и Ларри Перкинса. На
солнцемобиле собственной конструкции они
проехали через всю Австралию, от Перта до
Сиднея, преодолев за двадцать дней дистан-
цию в 4130 километров.

Нельзя сказать, чтобы первое путешествие
на солнцемобиле было легким и приятным.
Временами температура внутри машины под-
нималась до пятидесяти градусов выше нуля.
Движению препятствовали пылевые бури и
порывистые ветры. Часто приходилось менять
проколотые покрышки.

И все-таки, несмотря на трудности, автомо-
билисты преодолевали ежедневно свыше
двухсот километров со средней скоростью
около двадцати пяти километров в час. До-
стигнув Сиднея, участники автопробега тор-
жественно вылили в Тихий океан воду, взя-
тую из Индийского. «Солнечная энергия со-
единила два океана», — заявили они. В бли-
жайшем будущем конструкторы надеются
усовершенствовать свое детище, приблизить
его характеристики к выходным данным обыч-
ного автомобиля.

Есть и еще один способ обойтись без
аккумулятора — топливные элементы. Прав-
да, каждый такой элемент не заменитель
химического топлива, а лишь своего рода
приставка для его лучшего использования. Но
вряд ли кто-то будет возражать против такой
приставки, если она, обеспечивая все преимущ-
ества электрического двигателя, позволяет
при этом же запасе бензина проезжать
расстояния в три-четыре раза больше, чем
обычно. Каким образом? За счет «холодного
горения».

По своей конструкции топливный элемент
во многом напоминает собой обычный аккумуля-
лятор: здесь есть и электроды, и электролит.
Но электроды эти не совсем обычные, пори-
стые. Сквозь их поры внутрь топливного
элемента из топливных баков подаются пор-
ции окислителя и восстановителя (например,
углерода и кислорода). В непосредственный
контакт между собой они не вступают — каж-
дый работает в своем электроде, а необходи-
мая транспортировка веществ происходит че-
рез электролит. Как и в обычном пламени,
электроны переходят от восстановителя к
окислителю, но «не из рук в руки», не от
атома к атому, а через внешнюю электриче-
скую цепь, как при работе аккумулятора. В
этом и заключается суть «холодного горе-
ния».

Пока такие устройства еще очень гро-
моздки и дороги. Но они уже отлично зареко-
мендовали себя в космической технике, они
вырабатывают в качестве выхлопных газов
чистейший водяной пар, позволяют объеди-
нить преимущества электрического и обыч-
ного двигателя, и потому, наверное, мы еще не
раз услышим о них.

«Роман» с электричеством вступает у авто-
мобиля в свою завершающую фазу. В скором
времени от этого союза можно ждать рожде-
ния новых, замечательных по своим каче-
ствам средств передвижения.

**ПОД МНОГИМИ
ИЗ ТАКИХ ИЗЯЩНЫХ
КОРПУСОВ АВТОМОБИЛЕЙ
БУДУЩЕГО БУДУТ БИТЬСЯ
«ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СЕРДЦА».**

**ПОД КАПОТОМ —
СОВЕРШЕННО НОВАЯ,
НЕПРИВЫЧНАЯ
КОНСТРУКЦИЯ.**

Михаил ОЗЕРОВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола

«Это насиллие особое, «духовное», которое обходится без взрывчатки и пулеметов, оно калечит мысли и чувства людей, топчет человеческое достоинство».

Гюнтер ВАЛЬРАФ,
западнгерманский писатель

Насилие духовное... Буйным цветом расцвел сейчас «по ту сторону» не только физический террор, когда неугодных отправляют в мир иной с помощью пуль, бомб, мин. О нем уже немало написано, и речь пойдет о другом.

О том, как человека **расстреливают морально**.

В разных странах Запада мне довелось встречаться с теми, кого избрали жертвой. Это коммунисты, члены прогрессивных молодежных организаций, передовые деятели культуры, в общем, те, на кого навешен ярлык «инакомыслящих». Отдельные встречи и беседы составляют цельную картину. Она малоприятна, но ее надо знать.

I

— Хотите посмотреть, как живет обыкновенный австриец? Тогда милости прошу ко мне. Я найду за вами,—рокотал в трубке веселый бас.

Ровно в пять Томас Шенфельд ждал меня у входа в «Сент Джеймс» — гостиницу, где я остановился. Оказалось, что мы соседи, его дом тоже в южной части Вены. Отсюда минут двадцать ходьбы до Ринга — бульварного кольца, которое сооружено на месте старинного крепостного вала и опоясывает центр города.

Я немало слышал о Шенфельде, видном ученом, профессоре химии. Но у этого художавого мужчины есть еще одно глубоко человеческое призвание.

Когда в тридцатые годы фашисты захватили в Австрии власть, отец Томаса выступил против них. Его арестовали. И на место отца встал пятнадцатилетний сын. Он и другие члены молодежной подпольной группы расклеивали листовки, разоблачавшие нацистов, призывавшие к борьбе...

Женщина, которая открывает дверь, стройная, подвижная. Мария (Томас зовет ее Миа) проводит через небольшую, с добротной, но в то же время скромной мебелью комнату и приглашает к столу.

— Очень рекомендую пирожки. Их готовила мама Томаса, она прекрасная кулинарка, несмотря на свои девяносто два года,— хлопчет Мария.

Она не только внешне похожа на мужа, судьбы их тоже сходны. Ее родители были антифашистами и погибли в концентрационном лагере. В годы войны она, как и Томас, входила в подпольную группу.

Как раз в районе Виден, где живут Мария и Томас, находится штаб-квартира национал-демократической партии — крупнейшей неонацистской группировки в Австрии. Я видел этот дом 74/2 по улице Принц Ойгенштрассе. Видел плакаты на здании: «Не верьте коммунистам!», «Освенцим — большая ложь». Видел и тех, кто заходил туда: мужчины самого разного возраста — от безусых юнцов до дряхлых развалин, несомненно, бывших гитлеровцев.

Уже несколько лет Мария в числе руководителей антифашистского комитета в Видене. Члены комитета — писатели и ученые, рабочие и студенты.

Помнить об уроках минувшего — это значит преграждать путь и другим маньякам, милитаристам. Шенфельд стоял в сорок пятом у

УБИЙСТВА БЕ

истоков создания Австрийского совета мира, сейчас он заместитель председателя совета. Дел невпроворот: Западная Европа, не исключая и Австрию, охвачена антивоенным движением. Одновременно усилилось психологическое наступление на борцов за мир.

Если верить буржуазным, прежде всего заокеанским пропагандистам, голос поднимают не желающие жить под чистым небом люди, а... Москва. Да, якобы Москва стоит за антивоенными выступлениями, щедро оплачивает их и дирижирует ими. Французская «Орор» высказалась следующим образом: «Девятый вал подрывной деятельности Кремля...»

Подобными пассажами дело не ограничивается. Налицо «дифференцированный подход». Если ты военный — тебя зачисляю в предатели, если верующий — доказывают, будто твои заявления противоречат религиозным принципам, если член социалистической или социал-демократической партии — объявляют оппортунистом, ведь ты встал в одну колонну с коммунистами! Ну, а с «зачинщиками беспорядков» вообще все ясно, они «платные агенты Кремля»...

Однако движение за мир, если прибегнуть к лексике французской «Орор», действительно стало «девятым валом», только вал этот исходит не из Москвы.

Я был на митинге в окрестностях Вены. Мы с Томасом Шенфельдом слышали в тот день с разных сторон: европейцам нужны не ракеты и бомбы, а работа, кусок хлеба, крыша над головой.

Одни считают так, другие по этому поводу испытывают ярость и злобу. И в иных органах прессы появляются призывы: «Надо арестовать Шенфельдов, они шпионы Москвы». В качестве доказательств приводят их поездки в Советский Союз, участие в антивоенном движении. Обыватели клеют на эту удочку: перестают здороваться с Томасом и Марией, бросают им в лицо оскорбления.

Томасу угрожают увольнением. Недавно его вызвал ректор университета. Он долго рассуждал о том, с каким уважением администрация относится к профессору, к его заслугам, а потом произнес:

— Однако сейчас из-за острой нехватки средств нам придется произвести сокращение штатов. Кое-кто в администрации настаивает, чтобы мы избавились от вас. Они мотивируют это вашими политическими воззрениями. Я, честно признаться, нахожусь под сильным нажимом.

— Решайте так, как сочтете нужным,— ответил Шенфельд и вышел.

На следующее утро его разбудил звонок в дверь. Открыл. На пороге — полицейские. Они предъявили ордер на обыск и долго рылись в вещах, перетряхивали белье.

— Что вы стараетесь найти? — не выдержал Томас.

— Не прячете ли вы, профессор, оружие? — сквозь зубы процедил полицейский.

Другой добавил:

— Такие, как вы, ждете не дождетесь, чтобы начать в нас палить, хотя изображаете из себя пацифистов.

Они, естественно, ничего не нашли. Но, уходя, пообещали:

— Мы еще вернемся...

— Убежден, что обе встречи — и с ректором, и с полицейскими — были спланированы заранее,— замечает Шенфельд.— Если не приму к сведению «стоящие перед ректором проблемы», то, может быть, испугаюсь полицейских?

Выбросить на улицу видного ученого пока не решились. Но его снова и снова предупреждают: сделаем это, когда введем закон о «запретах на профессии» по западнгерман-

скому образцу. Может ли это произойти? Правые добиваются такого развития событий. Они устроили в Зальцбурге сборище и потребовали отстранить от работы всех сторонников мира, запретить их митинги. Свое требование подкрепили «делом» — взорвали бомбу в центре города.

Однако, несмотря на обыски, запугивания, клевету в прессе, Шенфельды продолжают борьбу. Знаете, куда мы первым делом направились, когда Томас и Мария предложили мне посмотреть Вену? Нет, не к летнему дворцу Шенбрунн — шедевру австрийской архитектуры. И не к другому дворцу — Хофбург, который семь столетий принадлежал династии Габсбургов, а ныне музей и одновременно резиденция президента республики. И не в великолепный парк Бельведер метрах в ста от дома Шенфельдов.

Томас и Мария привезли меня на Шварценбергплац. На площади в окружении стройных серебристых елей стоит русский парень в солдатской каске, с автоматом на груди. В его руке древоко знамен. Он смотрит на город с высоты своего постаменты, на котором высечены имена советских воинов, павших в апреле сорок пятого за освобождение Вены...

II

Одна из самых знаменитых площадей Мадрида — Пласа-Майор. Вымощенная брусчаткой и замкнутая со всех сторон, она идеальное место для, выражаясь современным языком, всякого рода шоу. Здесь сражались на турнирах рыцари, устраивались корриды, пылали костры инквизиции. На Пласа-Майор были провозглашены королями Филипп V, Фердинанд IV, Карл IV. Ныне тут много кафе под открытым небом.

Часто на Пласа-Майор проводятся митинги. Однако происходившее в тот день вряд ли назовешь митингом — человек шесть развернули простыню, на которой зеленой краской было выведено: «Испанским рабочим не нужен Ортеги».

Ортеги? Кто это? И почему он не нужен испанским рабочим? Спрашиваю у стоящего рядом мужчины. Пожмает плечами, он турист из Франции.

Подхожу к тем, кто держит простыню.

— Ортеги — предатель. Он хочет, чтобы нас всех выгнали на улицу.— Девушка в джинсах жестулирует так, что простыня дергается.

Из ее быстрой речи выясняется следующее. В Мадриде есть завод «Пегасо». Завод очень крупный, он выпускает автобусы и грузовики, которые колесят по дорогам многих стран. Неделю назад на нем началась забастовка. Хозяева отказываются выполнить требования рабочих и повысить зарплату. Более того, позавчера они заявили бастующим: если через три дня не вернетесь к станкам, будете уволены. Мануэль Ортеги, заваривший всю кашу, ответил: «Мы не выйдем на работу, пока не добьемся своего» — и настаивает, чтобы стачка продолжалась.

— А вы намерены закончить забастовку? — интересуюсь я.

— Да. Иначе потеряем и те небольшие деньги, что получаем.

Неожиданный поворот сюжета. Митинги забастовщиков доводилось наблюдать не раз, а вот такое...

Мои мысли прерывает вопрос девушки:

— Вы сами-то кто?

— Журналист.

— Из какой газеты?

— Из советской.

Ее лицо становится каменным, отчужденным. Обычно простой рабочий реагирует по-другому — с энтузиазмом, интересом...

Вернувшись в гостиницу, я разыскал в телефонной книге номер Ортеги. Когда он снял трубку, представился и предложил встретиться.

...Издали Ортеги похож на школьника — дуплый, маленького роста, с легкой походкой. Но вблизи заметно, что ему за пятьдесят: морщины, седые волосы.

Внешность Мануэля не сообразуется с сильным, хорошо поставленным голосом и уверенной манерой держаться.

— Сегодня на Пласа-Майор состоялся митинг. Вы были там?

— Еще чего не хватало! — отмахивается он. — Таких сборищ за последние дни прошло штук пятнадцать. Каждому участнику заплатили три тысячи песет.

— Сумма приличная.

— Разве это деньги для хозяев «Пегасо»? А вот за день забастовки они теряют миллионы. Потому покупают любого, кто покупается.

— И много таких?

— Не очень много, но есть. Однако большинство рабочих, уверен, завтра не появятся на заводе.

Мы идем по бульвару Кастьяна, и Ортеги рассказывает о себе. Он двадцать пять лет в компартии. И столько же на «Пегасо». Не без его участия на заводе в конце пятидесятых годов родились одни из первых в Испании рабочие комиссии — профсоюзы. Не обошлись без него и последние забастовки. Хозяйка «Пегасо» неоднократно пыталась избавиться от «смутьяна», но товарищи стеной вставали за Мануэля.

— Сейчас особенно тревожный момент, — замечает Ортеги. — Меня засыпают угрозами и оскорблениями. Вчера бандиты напали на мою младшую дочь, ей девять лет. Они били ее и повторяли: «Это тебе за отца!» Через несколько часов раздался телефонный звонок. Жена сняла трубку и услышала: «Теперь очередь за другими твоими ублюдками». У нас трое детей. Когда вы позвонили и назвали себя, я подумал: не очередная ли ловушка?

Мануэль нервничает, и это понятно. Но с еще большей тревогой говорит он о том, что адские темпы производства заставляют людей «Пегасо» работать на износ. А зарплата нищенская, и инфляция растет на 20 процентов в год. Если же рабочие поднимают голос, с ними беспощадно расправляются: за последнее время уволено около двухсот человек...

Вчера, продолжает Мануэль, к нему пожаловал помощник управляющего. На заводе он не замечал Ортеги, а теперь улыбался, гладил по голове младшую дочку, хлопал по плечу сына, причмокивая от удовольствия, потягивал вино. Затем, оглядевшись по сторонам, тяжело вздохнул и сказал:

— Вы плохо живете, разве это квартира! И зарплата у вас мала для такой большой семьи. А вы квалифицированный специалист. Мы могли бы перевести вас на должность с окладом в полтора раза выше.

Гость принялся рассуждать о том, с каким уважением администрация относится к Мануэлю, а потом произнес:

— Но мы будем разочарованы, если вы и на новом месте не угомонитесь.

— Я не собираюсь, как вы выразились, угомониться, — ответил Ортеги. — И, пожалуй-ста, запомните, что я не продаюсь.

— Ну-ну, посмотрим, что с тобой будет. — Визитер сразу перешел на «ты». — Пойдешь по миру со своей семейкой! — И он громко хлопнул дверью.

— Откровенно признаюсь, — замечает Мануэль, — мы еле сводим концы с концами, и зарплата побольше не помешала бы. Но мы с

3 ВЫСТРЕЛОВ

товарищами ее обязательно добьемся. Конечно, другим путем.

Они ее добились. Правда, не все. Ортеги стал получать... пособие по инвалидности. Незадолго до отъезда в Москву я, открыв газету «Паис», прочитал, что забастовщики одержали победу. А на другой странице была такая информация: «Донья Антония де ла Фуэнта вчера вечером возвращалась домой. В подъезде она наткнулась на мужчину, лежащего в луже крови. Донья Антония немедленно позвонила в полицию. Выяснилось, что раненый — Мануэль Ортега, лидер забастовщиков на заводе «Пегасо». Ортега находился в бессознательном состоянии, у него сотрясение мозга и перелом бедра. Ведется следствие».

В тот день телефон Мануэля молчал. Лишь спустя три недели, уже из дома, удалось дозвониться и узнать о его здоровье. Правда, не от самого Ортеги, а от жены: он уже был на очередном профсоюзном митинге.

III

Мы долго колесим по узким улочкам. Потом Джулиан останавливается.

— Вот в этом доме лечили Сольди.

Дом обыкновенный — двухэтажный, коричневого цвета. Правда, обнесен высоким каменным забором.

— А почему нет таблички у входа?

Джулиан усмехается:

— Эта психиатрическая больница, так сказать, закрытого типа...

Старый район Милана. Переулочки, приземистые здания, полно крохотных забегаловок.

— Теперь я покажу вам другое место, связанное с этой историей. Оттуда Сольди и угодил в психиатрическую лечебницу, — говорит мой спутник.

Джулиан, репортер миланской газеты, уже несколько лет занимается «делом Сольди». Он собрал массу фактов, свидетельства, улики, и пока мы едем по городу, щедро делится ими со мной.

Милан — столица Ломбардии, самой густонаселенной, самой большой по площади и, пожалуй, самой живописной области в Италии. Особенно хороша Ломбардия утром: водная гладь озер, окружающих лесами, блестит под солнцем, вдали окутанные дымкой горы.

Одно из озер называется Комо. А отель на его берегу — «Беллано». Отель как отель, в нем останавливаются любители рыбной ловли, поскольку в Комо разводят форель. Но с середины семидесятых годов туда стали навеваться рыбаки, которые ловили на крючок отнюдь не форель. Главным среди них был Дуглас Брей. Широкоплечий, высокий Брей — крепкий мужчина, он может допрашивать сутки кряду. Опыт по этой части у него большой: американец, консультант ЦРУ.

— Отель «Беллано», — продолжал рассказ Джулиан, — заокеанские психологи облюбовали для «групповых тестов», которые, по сути дела, были допросами. Брей и его команда прощупывали претендентов на работу в нефтехимическом концерне «Монтэдисон».

«Монтэдисон»... Это название мне уже бросилось в глаза в Милане.

...Наверное, целый час я любовался «Тайной вечерней». Сколько раз видел репродукции, сколько читал о картине, а все не мог отойти от стены монастырской трапезной (по-нашему, трапезной), на которую наложены краски. Они потускнели, некоторые части картины нелегко разглядеть (вскоре начнутся реставрационные работы), однако именно здесь осознаешь все величие творения. Поистине гениально переданы драматизм момента и характер каждого из апостолов, услышавших слова учителя: «Один из вас предаст

меня». Леонардо да Винчи говорил: «Движения должны быть вестником души», — и это подтверждает его картина.

Взволнованный, выхожу из церкви Санта Мария делла Грацио. И замечаю рекламу на соседнем доме: «Монтэдисон» производит продукцию такого же высокого качества, как Леонардо да Винчи».

Во время поездки по разным странам Западной Европы, за годы работы в Англии я привык, что реклама «подаёт» и обыгрывает буквально все. И в Италии успел наглядеться на леонардовскую «Джоконду», которая делает паблисити крему для кожи. Тем не менее с возмущением подумал: владельцам «Монтэдисона» отказало чувство меры!

Но вернемся к тому, о чем говорил Джулиан...

В отеле «Беллано» допрашиваемых делили на три категории. Первая — претенденты на место рабочего. С ними разговор покороче: главное — выяснить, не придерживаются ли левых взглядов. Вторая категория — инженеры, служащие. Помимо их политических воззрений, психологи из ЦРУ изучали, насколько быстро и старательно те способны выполнять приказы начальства.

Наиболее тщательной проверке подвергали претендентов на руководящие посты в концерне. Именно к ним относился сорока-трехлетний Джузеппе Сольди. «Глаза бегают, губы дрожат, надо с ним всерьез поработать», — решил Брей, взглянув на Сольди. Мысль о том, что итальянец — нервный, легко возбудимый человек, ему не пришла в голову. А может быть, и пришла, но сразу отбросил ее: экзекуция!

Вначале Брей проводил «тест Роршаха». Он предложил Джузеппе листы с цветными пятнами. Сольди должен был сказать, какие ассоциации вызывают у него пятна — при этом якобы мобилируются слои подсознания.

После долгой «беседы на свободные темы» приступили к «тесту Розенвейса». Американец залегивал Джузеппе, проверял его способность противостоять стрессовым испытаниям и неравному напряжению.

Когда пошел пятый час допроса, экзаменуемый вдруг резко дернулся и начал сползать со стула. Он потерял сознание. Сольди отправили в больницу, откуда он уже не вышел.

— Брею ничего не сделали? — спросил я.

— Конечно, нет, он продолжает проводить тесты.

— Но Сольди был не простым рабочим, а менеджером.

— Тем более нужен «свой» человек, — ответил Джулиан. — У нас особенно тщательно подбирают людей именно на командные посты. Они попадают туда отнюдь не благодаря своей гениальности. Они проходят через многолетнюю систему аттестаций и промывания мозгов. Чересчур чувствительные не выдерживают, их отправляют в больницы с язвой желудка или психическим расстройством, как Сольди. Зато самые жесткие и выносливые поднимаются вверх.

...На табличке возле входа в желтое здание написано: «Агентство Висконти».

Джулиан нажимает кнопку звонка. На пороге появляется милловидная женщина.

— Что вас интересует, синьоры?

— Мы хотим встретиться с синьором Висконти.

— К сожалению, синьор Висконти сейчас в Риме. Ему что-нибудь передать?

— К нему приходили два журналиста: один — из Италии, а другой — из России.

Эффекта, на который рассчитывал мой коллега, он добился: женщина оторопела.

— Может быть, вы сами расскажете о вашем агентстве? — продолжал атаковать Джулиан. — Кого вы ищете?

— Тех, за кого платят наши клиенты, — последовал неуверенный ответ.

— Сколько же они платят?

— По-разному. Это секрет.

— Секрет? Я написал статью о вашей конторе. Вы собираете информацию о рабочих. В первую очередь подслушиваете их разговоры. Что ж, техника у вас на высоте, хозяева не скупятся... Здесь, в вашем здании, установлена аппаратура, которая контролирует телефонные разговоры во всем Милане...

Когда мы садимся в машину, я говорю: — Ты сегодня очень уж агрессивен, так набросился на женщину. Но Джулиан не до шуток. — Сколько людей оказалось за бортом жизни из-за этого агентства? Взгляни. Журналист протягивает мне лист бумаги. Сверху крупно выведено: «Анкета». Чуть ниже: «Вам следует ответить на все вопросы». Вопросы двадцать шесть: «Какая твоя любимая песня?», «Какое блюдо ты предпочитаешь?», «В какую страну ты хотел бы съездить?», «Какие книги охотно читаешь?»...

— Вопросы вроде бы невинные, — замечает Джулиан. — Однако они привели к далеко идущим последствиям для миланских рабочих. Чуть ли не каждый второй их ответ показался хозяевам заводов подозрительным. В результате были уволены тысячи людей. Анкетирование проводило агентство синьора Висконти.

Страну охватило негодование. Итальянцы протестовали не только против увольнений в Милане. Они возмущались, что каждый находится «под колпаком».

На Апеннинах разрешается существование левых партий и организаций, здесь около двух миллионов человек объединены в Федерацию профсоюзов. Внушительные цифры? Несомненно. Потому с особым размахом поставлена система слежки. В учреждениях и на предприятиях заведены карточки на любого сотрудника, а также на тех, кто пришел выяснить, нет ли вакантного места. Платные оглядатаи, частные детективы, агенты сыскных фирм ищут и ищут «крамолу». Они устанавливают скрытые фотокамеры, приобретают все более «современные» детекторы лжи, подслушивают телефонные разговоры.

Особенно активны спецслужбы в Милане, где сосредоточены банки, концерны, заводы. В Рим по-прежнему ведут все дороги, однако прежде всего дороги туристов, стремящихся увидеть Форум, Колизей, прочие величественные памятники старины. Дороги же деловой жизни страны ведут в Милан.

В статье Джулиана приводятся многочисленные случаи подслушивания разговоров. Рассказывается и о мерах наказания итальянцев, которые говорили в трубку «не то, что следует». И еще об одном сообщении в статье: подслушивание разговоров на Апеннинах «курируют» спецы из Англии и США.

Что считается самыми тяжкими преступлениями? Членство в компартии, участие в профсоюзном движении, поддержка антивоенных выступлений. На карточке уволенного — соответствующее объяснение, к примеру: «Читает «Униту» (газету коммунистов).

Далеко не каждого можно сломить с помощью угроз, увольнений, шантажа, полицейского «колпака» и прочих способов психологического террора, который подчас перерастает в физический. Люди передовых убеждений, несмотря на ужестокающиеся репрессии, смело бросают вызов «демократическому» обществу, всеми своими буднями утверждающему бесправие.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Советский подготовительный комитет

XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов

поддержал инициативу

журнала «Смена»,

о которой мы вам

сейчас расскажем.

Перевернув журнальную

страницу,

вы обнаружите

один из фестивальных

разворотов «Смены».

Первый выпуск.

В дальнейшем мы предполагаем

печатать их регулярно.

Аккуратно раздвиньте скрепки,

соединяющие страницы,

и в руках у вас —

готовый фестивальный плакат.

Что с ним делать?

Пионер! Школьник!

Покажи плакат, содержащий

информацию об истории

Всемирных фестивалей

молодежи и студентов,

своим товарищам, друзьям,

родителям,

дедушкам и бабушкам.

Посоветуйся с вожатым,

где и как поместить плакат

в школе и классе,

в пионерской комнате,

чтобы его увидели все.

Комсорг!

Комсомольский руководитель!

Найди видное место для плаката

в комнате комитета ВЛКСМ,

на доске агитации в цехе,

в красном уголке

ударной стройки

или сельской фермы,

в Ленинской комнате

воинского подразделения.

Плакат —

помощник пропагандиста,

агитатора,

помощник каждого,

кто включился в подготовку

к фестивалю.

Празднику молодежи мира

в Москве

посвящаются трудовые вахты

советских юношей и девушек,

субботники и работа

в фонд фестиваля,

концерты и митинги

под фестивальным девизом.

Эти праздники

украсят плакат.

Прибавляйся каждые

две недели,

с каждым новым

номером журнала,

фестивальные

плакаты «Смены»

составят целую серию,

которая станет активным

пропагандистом миролюбивых,

гуманистических

идей фестиваля.

Навстречу XII Всемирному

ЗА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ
СОЛИДАРНОСТЬ,

МИР

И
ДРУЖБУ!

XII

ВСЕМИРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
МОЛОДЕЖИ
И
СТУДЕНТОВ

27 ИЮЛЯ — 3 АВГУСТА 1985 ГОДА.

МОСКВА '85

Плакат
художника
Игоря СУСЛОВА

БИОГРАФИЯ ФЕСТИВАЛЕЙ

1947 I Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоялся в Праге с 25 июля по 17 августа. 17 тысяч юношей и девушек представляли 71 страну. Лозунг фестиваля: «Молодежь, объединяйся в борьбе за прочный и длительный мир!»

1949 II Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Будапеште с 14 по 28 августа. В нем приняли участие 20 тысяч юношей и девушек из 82 стран. Лозунг фестиваля: «Молодежь, объединяйся! Вперед, за прочный мир, демократию, национальную независимость народов и лучшее будущее!»

1951 В III Всемирном фестивале, который состоялся в Берлине с 5 по 20 августа, приняли участие 26 тысяч юношей и девушек из 104 стран. Лозунг фестиваля: «Молодежь, объединяйся против опасности новой войны — за длительный мир!»

1953 IV фестиваль проходил в Бухаресте со 2 по 16 августа. В нем приняли участие 30 тысяч делегатов из 111 стран мира. Лозунг фестиваля: «Нет! Наше поколение не будет больше служить смерти и разрушениям!»

1955 V Всемирный фестиваль проходил в Варшаве с 31 июля по 15 августа. В столицу Польши съехалась 31 тысяча делегатов из 114 стран мира. Лозунг фестиваля: «За мир и дружбу!»

1957 В год десятилетия фестиваля в Москве с 28 июля по 11 августа прошел VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В нем приняли участие 34 тысячи юношей и девушек из 131 страны. Лозунг фестиваля: «За мир и дружбу!»

«Сегодня, когда реакционные и милитаристские круги подталкивают человечество к пропасти ядерной катастрофы, молодежь и студенты планеты решительно требуют прекратить, безумную гонку вооружений, развертывание на европейском континенте и в других частях мира ракетно-ядерного оружия. Мы выступаем за отказ от применения, за запрещение и полную ликвидацию ядерного оружия, против разработки еще более чудовищных видов оружия массового уничтожения, за всеобщее и полное разоружение. Молодое поколение требует прекратить безрассудное наращивание материальных и человеческих ресурсов, поглощаемых гонимой вооружений, и использовать их для решения таких глобальных проблем человечества, как голод, нищета, неграмотность.

...Фестиваль — это представительный форум, на котором будут обсуждаться насущные проблемы современности, вырабатываться совместные действия в целях обеспечения мирного будущего молодежи и студентов. Да здравствует XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов! За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»

Из Призыва Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов
Куба, Гавана, 11 февраля 1984 г.

1959 На VII Всемирный в Вена съехались 18 тысяч участников. Фестиваль проходил с 26 июля по 4 августа. Лозунг фестиваля: «За мир и дружбу!»

1962 В столицу Финляндии Хельсинки на VIII Всемирный фестиваль из 137 стран приехали 18 тысяч делегатов. Фестиваль проходил с 28 июля по 6 августа. Лозунг: «За мир и дружбу!»

1968 В IX Всемирном фестивале молодежи и студентов, который проходил в Софии с 28 июля по 6 августа, приняли участие 20 тысяч человек, представлявших молодежь 138 стран. Лозунг фестиваля: «За солидарность, мир и дружбу!»

1973 На X Всемирный фестиваль, проходивший в Берлине с 28 июля по 5 августа, собрались 30 тысяч посланцев молодежи из 140 стран мира. Лозунг фестиваля: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»

1978 Куба — первое социалистическое государство в Латинской Америке — с 28 июля по 5 августа принимала у себя 18,5 тысячи делегатов XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов из 145 стран. Лозунг фестиваля: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»

**ДО ВСТРЕЧИ
В МОСКВЕ,
МОЛОДЕЖЬ
МИРА!**

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ПЛАКАТЫ
«СМЕНЯ!»

доверие

24 ФЕВРАЛЯ — ВЫБОРЫ
В ВЕРХОВНЫЕ СОВЕТЫ
СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК
И МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

объединения «Большевичка» Надежда Вахрушева, избранная в 1982 году депутатом Сокольнического райсовета столицы, а теперь выдвинутая кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Молодому депутату нелегко вдвойне: прежде всего потому, что нет опыта и порой не хватает знаний, а еще потому, что не склонны люди доверять свои заботы девчонке: молодо, мол, зелено. И все же те, кто приходил к Наде на депутатский прием, ни разу не ошиблись. Со всей привычной аккуратностью и добросовестностью Наде старалась решать проблемы избирателей.

— Мне кажется, самая главная сторона депутатской работы — это конкретная помощь человеку. И если потом услышишь «Спасибо!», сразу как-то чувствуешь, что ты действительно нужна людям. Депутатская работа помогла мне осознать свою человеческую ценность, — признается Наде и вдруг замолкает. Не так-то просто говорить о себе, о своей работе.

Ей во много раз легче рассказывать, к примеру, о Вере Казаковой — наставнице, ставшей ближайшим помощником и на работе, и в депутатских делах.

— Когда я пришла на фабрику, меня поставили комплектовщицей к Вере — она режет, а я за ней детали собираю. Чуть передышка — учила меня на ленточной машине работать, так я раскройщицей и стала. Вера у машины вся в движении, быстро кроит, оглянуться не успеешь — уже готово.

Многому научила Вера Казакова свою подопечную. И ни разу Наде не подвела наставницу, с любой работой, с любыми обязанностями справлялась отлично.

Вот «анкетно-цифровой» портрет народного депутата, который, думается, и без комментариев будет достаточно красноречив.

Надежда Вахрушева, комсорг смены, член Сокольнического РК ВЛКСМ, была делегатом XXVI конференции Московской городской комсомольской организации. Ей 22 года, на фабрике — с 1980-го. Ударник XI пятилетки, задание которой выполнила к 1 Мая 1984 года, план I квартала обязалась завершить к Дню выборов.

Очень тепло говорит о Наде Вахрушевой председатель постоянной комиссии Сокольнического районного Совета по социалистической законности и охране общественного порядка Станислав Павлович Бойков:

— Наде — удивительно вдумчивый, грамотный депутат. Членам нашей комиссии при подготовке к очередной проверке приходится изучать специальную литературу, знакомиться с законодательством, с нормативными актами. Не знаю уж, как ей на все времени хватало, но она всегда готовилась к каждой новой проверке очень обстоятельно.

О времени Станислав Павлович упомянул не случайно: ведь на «Большевичке» две смены, и, чтобы успеть к началу первой, Наде встает в пять утра, а со второй возвращается около часа ночи. Но даже и при таком напряженном ритме жизни она не боится никакой работы, ее, наоборот, иногда пугает мысль, что не оправдает людского доверия, что делает слишком мало. Однако каждый, кто с ней знаком, кто видел ее в работе, уверен — она достойный кандидат в депутаты высшего органа государственной власти России. А времени у нее хватит на все — даже на техникум легкой промышленности, куда она уже сейчас твердо решила поступать.

Татьяна ОЧАКОВСКАЯ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Член-корреспондент
АН СССР

Владимир МИГУЛИН

Можно ли различить в науке сенсации подлинные и мнимые? Ведь человек всегда будет стараться познать неизведанное, таинственное, и на этом пути его ждут не только радости открытий, но и ошибки, и разочарования. В последние годы ведется много споров по поводу неопознанных летающих объектов. Как объясняют ученые уже собранные сведения по наблюдению за НЛО? — спрашивают в своих многочисленных письмах читатели «Смены».

Наш собеседник — директор Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн член-корреспондент АН СССР В. В. МИГУЛИН.

— Владимир Васильевич, когда впервые появились сведения о таинственных «летающих тарелках»? Как эта информация менялась со временем? Когда появился термин НЛО, на смену которому пришло теперь другое название: АЯ — аномальные явления?

— Термин НЛО появился в конце сороковых годов, когда ученые уже всерьез занимались созданием космических аппаратов. Но так называемые «очевидцы» появления кораблей инопланетян находились и раньше. Одно из таких сообщений появилось почти двести лет назад, вскоре после первого управляемого полета на воздушном шаре братьев Монгольфье.

Межпланетные корабли инопланетян в восприятии «очевидцев» меняли свое обличье. Сначала они виделись воздушными шарами, потом, после полетов дирижаблей, — в виде серебристых сигар, а в начале 30-х годов стали похожими на винтовые самолеты. И, наконец, теперь — на летающие космические аппараты. По словам «очевидцев», инопланетяне всегда похожи на людей, только их рост, прически и костюмы меняются в зависимости от нашей, земной моды. Например, в 1897 году некоему наблюдателю обитатели корабля привиделись маленькими, с монгольскими чертами лица, бородами. А уже в 70-х годах нашего века «очевидцы» настаивали, что посланцы космоса высокие, белокурые, длинноволосые, одеты в обтягивающие блестящие комбинезоны...

Я не стал бы столь подробно останавливаться на этих давно разоблаченных мифах, если бы они были безобидны и не возрождались с удивительным постоянством. Еще недавно читались безграмотные лекции об НЛО, показывались слайды, которые на девяносто восемь процентов были фальшивками, подтасовывались факты. Лженаука, как правило, неразборчива в выборе средств и очень агрессивна.

Утверждения, будто НЛО так или иначе связаны с инопланетянами, создают настроения: дескать, исследователи, успешно объясняющие многие эффекты на основании известных законов природы, — ретрограды.

Впрочем, есть немало искренних приверженцев внеземного происхождения НЛО просто потому, что люди эти не обладают достаточными знаниями. Но как сказал Спиноза: «Незнание — не довод, невежество — не аргумент».

И уже налицо «жертвы тарелочного бума». За рубежом целые группы людей входят в секты «проповедников НЛО», вещающих от имени новых космических богов. В ФРГ некая перепуганная приближающейся войной с пришельцами семья пряталась долгое время в бункере, но не выдержала страха ожидания и покончила жизнь самоубийством...

— Но ведь существуют специальные центры для наблюдения за аномальными явлениями?

— Да, существуют. Их сотни. От общественных комиссий и мелких групп до серьезных исследовательских центров во многих странах. Ведутся такие на-

КЛЮЧИ ОТ ТАИН В РУКАХ НАУКИ

блюдения и у нас. Например, в отделе физики и астрономии Академии наук разрабатывается специальная тема «Галактика», руководителем которой я являюсь, сосредотачивающая все подобные наблюдения за аномальными явлениями. И никаких расхождений в трактовке АЯ в мнениях ученых разных стран нет. От девяноста до девяноста восьми процентов наблюдаемых АЯ объяснено известными природными процессами или технической деятельностью человека. От двух до десяти процентов наблюдений не удалось разгадать, или, как говорят ученые, опростовастовать. Это нормальный процесс в науке. Мы далеко еще не во все тайны природы проникли. И чем больше знает человек, чем более совершенными исследовательскими приборами обладает, тем больший горизонт поиска раскрывается перед ним.

— В свое время писалось об аномальном явлении, которое наблюдалось в районе Петрозаводска, сравнительно недавно подобное произошло на Украине. Нашли ли они объяснения ученых?

— Петрозаводский случай объяснен абсолютно точно. В то время наш институт, ИЗМИРАН, как раз вел наблюдения и эксперименты на севере страны, под Архангельском. (Институт изучает возмущения в магнитосфере, полярные сияния, которые как раз наиболее удобно наблюдать именно в этом районе.) В то время произошла мощная солнечная вспышка, в результате которой сложилась сложная геофизическая обстановка: магнитные бури, красные протонные северные сияния наблюдались вплоть до Москвы, что бывает редко, нарушилась радиосвязь.

Подобная геофизическая обстановка и нужна была исследователям, чтобы провести эксперимент с новым прибором, при помощи которого изучаются неустойчивости в магнитосфере. Побочные последствия эксперимента наложились и на без того сложную геофизическую обстановку. Так совпало, что другая исследовательская группа — тоже на севере — запустила в это время аппарат для изучения космического пространства. Отдельные его элементы, сгорая в атмосфере, были отчетливо видны в небе. На естественную сложную геофизическую обстановку наложились последствия технической деятельности людей, связанной с изучением магнитосферы, космического простран-

ства. И все это, вместе взятое, дало наблюдаемые над Петрозаводском аномальные явления.

Аномальными явлениями на Украине занималась Украинская Академия наук, и полученную фактическую информацию мы пересылали туда. Насколько я знаю, здесь тоже наблюдаемые явления отождествлялись с природными процессами и горением в атмосфере Земли частей исследовательского объекта.

Так что оба эти наблюдения АЯ четко входят в число разгаданных учеными случаев. Вот почему я считаю, что гораздо надежнее, если наблюдения энтузиастов за АЯ будут поступать в серьезные научные центры, располагающие соответствующей информацией. В нашей стране этот адрес известен всем: Москва, Академия наук СССР.

— Однако ведь бывали случаи, когда и истинные ученые заблуждались относительно того или иного явления. Например, французский химик Лавуазье утверждал, что камни не могут падать с неба. А теперь никто не будет спорить против падения метеоритов...

— Что ж, ошибка — нормальный путь научного поиска. И кипящие страсти — свойство увлеченного человека. Это не имеет ничего общего с подтасовкой, фальсификацией, выдумкой, невежественным упрямством. Шаг за шагом идет в науке накопление фактов, которые всесторонне осмысливаются и объясняются с помощью известных законов природы. Бывает, что факты пока не поддаются объяснению. Идет период накопления знаний. Факты всесторонне осмысливаются, систематизируются, изучаются соотношения между ними. И так постепенно (причина — следствие, причина — следствие) познается механизм явления. Соотношения между фактами, между следствием и причиной систематизируются с помощью упрощенной модели. Это уже путь к стройной системе представлений — теории. А исходя из новой теории можно и объяснять известное, и предсказывать новые явления.

Полезны ли сведения наблюдателей непрофессионалов? Очень полезны. Скажем, о шаровой молнии, еще не полученной в лаборатории. Но систематизировать и объяснить их могут только профессионалы, обладающие определенными знаниями. Ученые не отрицают существование не разгаданных еще ано-

мальных явлений. Предполагается, что они связаны, скажем, с технической деятельностью человека в космосе, атмосферным электричеством и многими другими причинами, но считать их космическими кораблями инопланетян... Мы не имеем на это достаточных оснований.

В истории науки можно назвать немало случаев, когда новая теория ученого встречала протесты коллег. Буквально на наших глазах постепенно отпадали возражения оппонентов академика Амбарцумяна по поводу его теории звездных ассоциаций и взрывов галактик. Или оппонентов другого удивительного ученого современности, смелого новатора в науке академика Капицы по поводу открытой им сверхтекучести. Споры были чрезвычайно бурными. Но я что-то не слышал, чтобы для выяснения истины привлекались неспециалисты. Такими «мелочами» неспециалисты в науке не интересуются. Они вторгаются туда, если речь идет лишь об изучении глобальных проблем. Им кажется, что их решить проще.

Повторю, специалист тоже может ошибаться. Нильс Бор сказал однажды примерно следующее: «Специалист — это тот, кто знает некоторые привычные ошибки в данной области и умеет их избегать». Стремится их избегать, уточнил бы я. Увы... избегать ошибок не умеют и профессионалы. Но они при этом не теряют добросовестности в науке и остаются профессионалами.

— Владимир Васильевич, недавно в издательстве «Прогресс» вышла увлекательная книга Гельмута Хефлинга, журналиста из ФРГ, с вашим послесловием — «Все чудеса в одной книге». В ней собраны все сенсации нашего времени, начиная от летающих тарелок и кончая снежным человеком и английским чудовищем Несси... А какие открытия вы могли бы назвать подлинной сенсацией?

— Это действительно интересная работа. Я рекомендую ее прочесть всем любознательным людям. Она отлично издана, в ней прекрасные иллюстрации и фотографии. Может быть, только Хефлинг многовато внимания уделил разбору сообщений о «чудесах», рассказам «очевидцев» о встречах с «летающими тарелками», оставив в тени действительно интересные наблюдения явлений. Это не упрек автору, а скорее пожелание читателям задуматься над реально сенсационными открытиями, во

многом меняющими наши привычные представления о том, как устроен мир.

А вот подлинной сенсацией в области науки, которую я изучаю, можно, наверное, назвать открытие магнитосферы Земли. Еще недавно ученые предполагали, что атмосфера вокруг Земли постепенно разряжается и начинается космос. Но все оказалось гораздо сложнее. Вокруг нашей планеты находится плазменная оболочка. Процессы, происходящие в ней, пока почти неизвестны, но они оказывают огромное влияние на нашу Землю, на солнечно-земные связи. От них зависят магнитные бури, полярные сияния, радиосвязь на Земле. В изучении этих сложнейших явлений делаются лишь первые шаги. Вот где действительно почти все тайна. От наблюдений ученые перешли к экспериментам.

Несколько лет назад был проведен один из таких первых «фантастических» экспериментов, в котором принимали участие ученые СССР и Франции. На острове Кергелен вблизи Антарктиды была запущена космическая ракета с ускорителем на борту. Ускоритель выпустил в пространство заряженные электроны, а в другом полушарии Земли, на севере нашей страны, в Архангельской области, чуткие приборы исследователей зарегистрировали возмущение в магнитосфере, вспышку полярного сияния — сияния по заказу.

Недавно я был в Австрии на очередном заседании Международного совета по изучению космического пространства. Мы докладывали о двух спутниках, «Интеркосмос-18» и «Интеркосмос-19», запущенных с целью исследования магнитосферы по проекту МИМ — международного изучения магнитосферы. Это один из новых экспериментов, полученные данные еще обрабатываются.

Подлинной сенсацией является и начавшийся недавно эксперимент по изучению Венеры и таинственной кометы Галлея, раз в семьдесят шесть лет приближающейся к Земле. Кроме Советского Союза, в нем принимают участие еще несколько стран. В декабре с советского космодрома ушли на встречу с кометой две межпланетные станции, насыщенные сложнейшей исследовательской аппаратурой. Ученые ждут их «репортажей» с космической трассы.

— Владимир Васильевич, часто приходится слышать, что некоторые наблюдаемые очевидцами аномальные явления ученые отождествляют с шаровой молнией, пока не полученной в земной лаборатории...

— Фраза академика Арцимовича о том, что плазма капризна и таинственна, как женщина, уже давно стала ходячей среди физиков. Странное, непредсказуемое поведение шаровых молний во многом, считают некоторые ученые, объясняется тем, что шаровая молния представляет собой плазменные образования. Правда, сейчас существует несколько гипотез о природе шаровой молнии. Гельмут Хефлинг, например, в своей книге приводит интересные высказывания ученых о том, что иные НЛО обладают свойствами, позволяющими предположить, что они имеют плазменную природу. В цветовой гамме шаровых молний преобладают красные, яркие сине-белые и зеленые огоньки. Те же цвета часто замечают наблюдатели аномальных объектов. К тому же шаровые молнии часто издадут шипящий или жужжащий звук. Этот признак тоже часто присутствует в сообщениях об НЛО.

Возвращаясь к проблеме АЯ, хочу подчеркнуть, что в окружающем нас мире происходит немало явлений, еще не до конца понятых, и собирать всевозможную информацию о них нужно и очень полезно. Но информацию объективную, без домыслов. Тогда на ее основе специалисты смогут сделать реальные шаги к пониманию истинной природы таких явлений.

Беседу вела
Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

ТАЛАНТЫ ВОКРУГ НАС

Зроза была похожа на весеннюю, хотя срывала уже пожелтевшие кое-где листья, швыряла их в быстрые ручьи, бежавшие по узкому Армянскому переулку со множеством деревянных заборов, за которыми реставрировались старинные особняки и здания стиля «модерн». Ручьи огибали заборы, забирали с собой строительный мусор и, подхватив какой-нибудь листок, мчались к улице Чернышевского и пропадали в водостоках.

Из-за грозы наша беседа затянулась несколько дольше рабочего времени Лидии Андриановны Заботиной, если ее рабочий день измерять определенными часами. Ее красивое, с тонкими чертами лицо, обрамленное легкими голубоватыми седыми волосами, напоминало портреты английских мастеров времени Гейнсборо, казавшиеся мне ранее художественным вымыслом. Теперь же, глядя на нее, с удивлением понимаю, что такие лица могли быть реальностью.

У Лидии Андриановны не только редкая внешность, но и редкая, несколько неожиданная для пожилого человека специальность — методист по куклам.

— Создать куклу, — говорит она, — не так просто. Кукла должна быть не только мастерски сделана, она должна иметь свой характер, настроение, душу, если хотите. И это еще не все: она должна «знать» свое предназначение.

**УРОЖАЙ.
ТАК НАЗВАЛ СВОЮ РАБОТУ
ВЛАДИМИР КОМАРЧУК,
МЕХАНИЗАТОР
ИЗ ЖИТОМИРСКОЙ ОБЛАСТИ.**

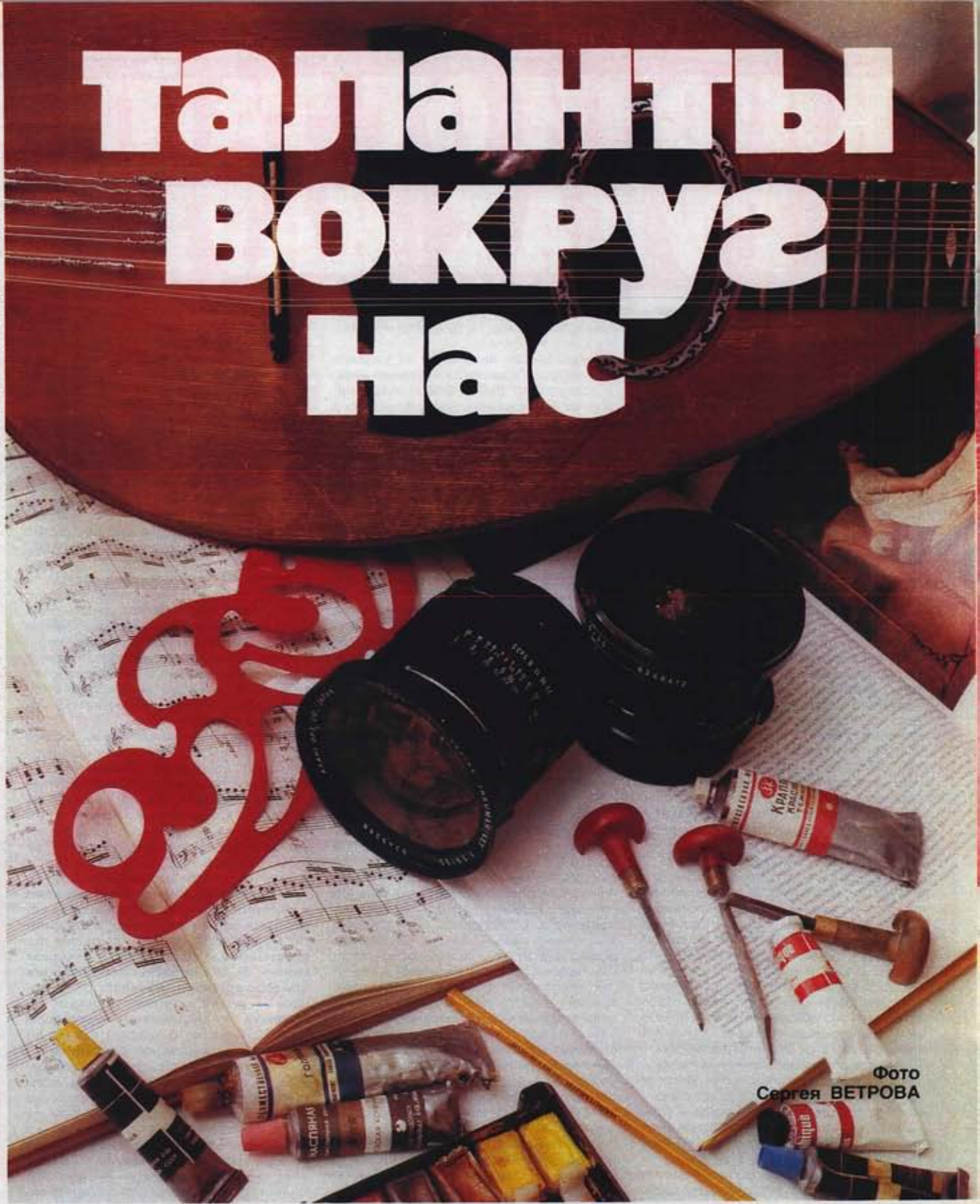

Фото
Сергея ВЕТРОВА

**С ЭТЮДНИКОМ И КИСТЬЮ НА ПРИРОДЕ —
НЕ ТОЛЬКО ТРУД, НО И ОТДЫХ.**

**ИВАН СЕЛИВАНОВ.
АВТОПОРТРЕТ.**

Предназначение! Не каждый человек может легко определить свое место в жизни. Жизнь не проторенная дорога и часто складывается не так, как ее задумал. И не всегда, а вернее, крайне редко удается человеку осуществить, реализовать все свои способности.

Не для того ли и создан этот заочный Народный университет искусства? Здесь занимаются люди разных возрастов — те, кто еще сидит за школьной партией, и те, за чьими плечами годы войны и даже годы революции (среди студентов немало людей, которым за восемьдесят). Люди различных специальностей — строители, учителя, военнослужащие, актеры, колхозники — расширяют и углубляют здесь свои знания, приобретают новую специальность.

Бывает, человека непреодолимо тянет, например, играть на рояле, но годы войны, всякого рода неурядицы, заботы о семье, работа, учеба в институте или техникуме — все это не позволяло

попробовать себя в любимом занятии. Записаться в кружок? Но там, как правило, занимаются с маленькими, с вундеркиндами (возраст обучения все молодеет, как в гимнастике), да и не везде есть такие кружки. И вот тут приходит на помощь заочный Народный университет искусств. Вот тут и появляется возможность узнать, способен ли ты еще на что-нибудь. Но это касается человека.

— А кукла должна точно соответствовать той цели, для которой ее создали. И для того, чтобы было так, — говорит Заботина, — нужно сначала создать сценарий спектакля, в котором кукле будет отведена определенная роль.

Я разглядываю куклы и стараюсь понять, кто, какой человек делал ее и какое он отвел ей место в спектакле.

Гроза закончилась неожиданно, как и подбает грозе, которая похожа на весеннюю. Уже можно выйти на улицу, но еще текут ручьи.

Я беру в руки письмо, присланное из Чернигова. «Без тренировки, с непривычки, — пишет студентка, — очень уставали руки. И от этого страдала кукла. Она не так двигалась, как хотелось, а иногда даже «умирала», то есть переставала двигаться вообще, потому что, когда думаешь о том, что устала рука, забываешь о роли. И только работа, работа и еще раз работа помогает достичь ощутимых результатов».

— Народные кукольные театры соз-

даны нашими учениками в разных уголках страны. Лучшие из них в Перми, Киеве, Душанбе, — с гордостью говорит Заботина. — Сама я училась у Сергея Владимировича Образцова на Высших режиссерских курсах. Правда, была вольнослушательницей. До этого окончила театральное училище имени Щепкина. А сейчас наш ученик Всеволод Канаш первым в стране начал вести куклу «открытым путем». Его спектакли «Что едят тигры на завтрак?» и «Я цыпленок — ты цыпленок» отмечены дипломом в ГДР на фестивале самодеятельного искусства. Участники этого киевского коллектива начинали с нуля — сами занимались оборудованием театра, сами обивали деревом стены, строили декорации, шили костюмы. А ведь Канаш был артистом и ушел из профессионального театра. Учился у нас в университете именно для того, чтобы создать народный театр.

Более двадцати лет отдал любимому делу Всеволод Канаш. Да, характер куклы создают люди с характерами.

— А вы видели работы Селиванова, Леонова, работы Кулябко? — спросили меня. На вопросы об этих учениках факультета изобразительного искусства, заданные мной Борисом Михайловичу Долотову, директору университета, он прямо ответил: «Посмотрите сначала, потом поговорим».

Выставку в Подольске, приуроченную к 50-летию основания университета искусств, я уже пропустила. Но можно было посмотреть работы учеников в различных выставочных помещениях Москвы. Например, в кинотеатре «Зарядье» экспонировались работы четырех самодеятельных художников.

День выдался теплый, и проглядывало солнце, но то и дело, теперь уже

ИНТЕРЕСНО «ИГРАТЬ В КУКЛЫ» НЕ ТОЛЬКО РЕБЯТАМ ШКОЛЬНОГО ТЕАТРА, НО И МАМЕ ПОГРЕБЕНСКОЙ, ВЫПУСКНИЦЕ УНИВЕРСИТЕТА, А ТЕПЕРЬ РУКОВОДИТЕЛЮ КУКОЛЬНОГО КРУЖКА.

совсем по-осеннему, моросил дождь.

Я шла на выставку несколько настроенной. Живопись — самый трудный из всех видов изобразительного искусства. Она требует не только «живописного глаза», который дает человеку от рождения, как дается певцу голос, но и большого мастерства. Песня еще может удаться, если в ней, как говорят в народе, есть душа и такт исполнителя. В живописи одного такта мало, и душа выявляется на основе совершенной техники. А это тяжелейший «тренинг», который можно сравнить с репетициями в балете или тренировками в спорте.

Мастера величайшего мирового уровня вечно жаловались на недостаточное владение техникой. «Нельзя не признать, что в живописи, как ни в каком другом виде искусства, мастерство имеет решающее значение», — говорил Репин. «Эта проклятая техника все время подводит», — жаловался уже старый Моне. А Сомов утверждал, что, выполняя очередной портрет, он испытывает перед мольбертом такое чувство, словно сдает экзамен.

Кроме того, я уже видела в Музее морского флота выставку Виктора Павлова, ученика университета искусств, самодеятельного художника-мариниста, судомеханика из Прибалтики. Что мож-

СО ВСЕХ КОНЦОВ СТРАНЫ ПРИСЫЛАЮТ СВОИ СОЧИНЕНИЯ СЛУШАТЕЛИ МУЗЫКАЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА.

ДАЖЕ ОПЫТНЫМ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ НЕ ТАК-ТО ПРОСТО ОТОБРАТЬ КАРТИНЫ ДЛЯ ВСЕСОЮЗНОЙ ВЫСТАВКИ: МНОГО ДОСТОЙНЫХ РАБОТ.

но сказать о его работах? В них есть чувство цвета, поразительно переданы светящиеся блики моря. Фосфорический блеск воды напоминает Куинджи, однако без подражания ему.

Эти блики напомнили мне рассказы о толпах первых зрителей у полотна Куинджи «Ночь на Днепре». Зрители думали, что картина имеет какой-то фокус, и маленькая лампочка спрятана на месте луны с задней стороны холста. Так и мне хотелось подойти поближе к работам Павлова, чтобы увидеть, какими красками написаны эти светящиеся волны. Но ведь они исполнены самими обыкновенными красками: охрой, умброй, кобальтом, белилами. И «фокус» заключается в сочетании этих красок и в сочетании тонов: «нужный цвет — на нужное место» — в этом и есть «фокус» живописца. Но дается это далеко не каждому. Тем более жаль, что в картинах Павлова все же есть налет «самодеятельности»: иными словами, неумения. Возможно, это заключается в чрезмерной витиеватости, красивости рисунка волн, некоторой умозрительности. Ведь есть красивое и красивенькое, так говорили еще передвижники. Красивенькое идет от недоверия художника себе, из-за боязни, что зритель не заметит тонкостей восприятия автора. Но у Павлова все впереди, учеба его еще продолжается, ему всего 34 года, а для живописца это юный возраст.

Сейчас мне предстояло не только увидеть работы, но и встретиться с художницей Любовью Ивановной Кулябко. Ей 66 лет, и живописью она начала заниматься только 8 лет назад.

Красная площадь была вымыта дождем. Небо бликами отражалось в блестящих камнях, выложенных ритмичными рядами. Яркие купола Покровского собора удивляли иностранцев. Темно-красные стены древнего Кремля составляли с храмом единый ансамбль, представляя яркую и в то же время строгую красоту.

«А ведь мастеров храма Василия Блаженного тоже можно назвать самостоятельными художниками...» — вдруг подумала я. — И проект храма обвинить в излишествах и чрезмерности. Где же та грань, что отличает подлинное произведение искусства?.. Но здесь есть гармония, — возразила я сама себе. — Это архитектура, и она строится по четким инженерным расчетам, а красота выявляется соотношением пропорций, выраженных в форме. Чуть-чуть не так — и уже нарушаются пропорции, возникает диссонанс...»

Это чуть-чуть и есть та грань, которая определяет искусство или красоту.

Но художники — народ самолюбивый, каждый понимает красоту по-своему, и говорить об этом с ними сложно. Красота и природа едины, только различные их формы проявления. Как и природа, красота может быть буйной и мягкой, сдержанной и яркой, кому что нравится, на все вкусы, выбирай сам! Но и красота, и природа подчиняются внутренним законам, а художнику остается учиться, точнее, им следовать.

О человеке, с которым мне предстояло встретиться, я знала уже немало. Кулябко — хирург, пенсионерка, но продолжает работать врачом «Скорой помощи». Живописью начала заниматься, выйдя на пенсию, когда появилось свободное время: вырастила сына, он живет теперь отдельно, внуки только приезжают в гости. Она участник Московской городской выставки самостоятельных художников, посвященной 60-летию образования СССР, Всесоюзной выставки «Самостоятельные художники — Родине».

Конечно, взять в руки карандаш в первый раз, даже в 58 лет, само по себе еще немного, но писать картины и притом выставлять их на зрительский суд — это смело. Конечно же, хирурги должны обладать мужественным характером и смелостью.

Но вот и картины. Выставка была снабжена краткой аннотацией, в ней сообщались скромные сведения: Павел Леонов — из Чимкента, по специально-

сти штукатур. Селиванов Иван Егорович — печник из Кемеровской области, живописью начал заниматься в преклонном возрасте. Коробейников Иван Иванович, капитан речного флота, организовал плавучую изостудию «Юность»; плавает с картинами по Иртышу (своего рода передвижная выставка). Его работы — это сплав в графике космической фантастики с четким рисунком. Так и кажется, что, оставаясь наедине с огромным куполом звездного неба, с уснувшими по берегам реки бескрайними сибирскими лесами, он видит свои картины, и они сами просятся на бумагу, темные по колориту, с причудливым рисунком. Картины-фантазии: «Тунгусский метеорит», «Зарождение смерча», «Триада»... Да, это интересная, грамотная, индивидуальная графика.

Но Селиванов! Но Леонов! Их картины — это чудо. Утверждаю, не боясь громких слов, потому что они не могут быть громче их живописи. Не увидеть их картин, чуть было не пропустить их! Прав был Борис Михайлович: не видя их, невозможно составить полное представление о факультете изобразительного искусства университета.

Павел Леонов — мастер, который может стать гордостью нашего искусства. Я чувствую: Леонов — это Пироманишвили наших дней, это то же, что примитивист Руссо для французской живописи. Картины Леонова совершенны в своей манере.

Иван Селиванов — это самородок, автор с такой индивидуальностью, которого даже и сравнить не с кем. Разве что его автопортрет написан, несомненно, в традициях народной живописи. И с большой художественной силой.

Любовь Ивановна Кулябко ходила рядом и поясняла свои картины — светлые, радостные по колориту, написанные мазочками множества оттенков. Архитектурные пейзажи, горы, цветы и деревья.

— Вот «Кирка Бад Эльстер», написанная в ГДР прямо с природы. Эти березы я рисовала очень давно, с ними пришла поступать в университет. Эта картина называется «Из старых веков»: ветвящийся корявый ствол рядом со старой часовой поразил меня. Это «Мамонтово», написанное зимой по памяти.

Работы сделаны в разное время и, несомненно, потому несколько различны по стилю, но всегда живописны (следует учитывать недолгую — 8 лет, но плодотворную — 200 работ — художественную практику). Есть и ошибки, ведется поиск, но многое, очень многое уже найдено. И главное — такой радостный колорит. Таким радостным видится мир! А ведь за плечами Кулябко работа хирурга в военные годы. И в наши дни работа на «Скорой помощи» — напряженный труд, связанный с несчастьями людей.

— Когда я начала заниматься живописью, — рассказывает Любовь Ивановна, — я словно родилась второй раз. Я испытываю настоящую радость у холста. Особенно после дежурств. Привыкнуть к горю не могу. Тяжелобольные смотрят на нас, врачей, как на богов, и если сможешь им помочь — такая радость на сердце!

Эта радость и выражается в картинах. — А что, — спрашивает я, — если бы вы занялись живописью раньше, помнили бы профессию врача на профессию живописца?

— Ни в коем случае. Единственное, о чем я жалею, что раньше не начала рисовать. Живопись не мешает, а помогает моей работе. Я рисую потому, что это мне нравится. И на работу прихожу полная сил, как после хорошего отдыха. Помните, говорил Павлов, что перемена работы и есть отдых.

Снова, теперь уже вдвоем, мы подошли к Красной площади. Купола храма Василия Блаженного улыбка светлого, чуть причудливого творчества неизменно притягивали взгляд.

— А знаете, как я чувствовала себя на первой моей выставке, устроенной в Доме медицинских работников? — рас-

сказывала Любовь Ивановна, шагая легкой походкой. — Я все время улыбалась. Я улыбалась, потому что не могла не улыбаться, просто не могла закрыть рот. Мне казалось, улыбка словно навсегда приросла к моему лицу.

Радость творчества! Не в этом ли сила народного искусства? «Пишу потому, что мне это нравится», — говорит Кулябко. «Пишу потому, что не могу не писать», — говорят художники-профессионалы. Такие ли уж это разные формулы? Я оглядываюсь на купола Василия Блаженного, вспоминаю Палех, прикладное народное творчество. Радость — вот что их объединяет. А работы Селиванова и Леонова? В них та же радость и удивление перед красотой, которой художник заражает зрителя. — Ну, как выставка? Понравилась? — спрашивает меня директор Дологов.

— Удивительная, — отвечаю я. — Но что будет с картинами потом?

— Они составляют неприкосновенный фонд университета. Этот фонд дает нам возможность делать выставки такие обширные, как в Подольске. Подлинные работы Селиванова и Леонова были засняты в художественном фильме «Серафим Полубес и другие жители земли». Сам образ Серафима Полубеса, художника-самородка, хотя и собирательный образ, списан в основном с Селиванова. Художник стал прототипом героя фильма.

Федор Ильич Ткачев был студентом режиссерского отделения университета, потом ездил по стране, ставил спектакли в клубах. Один из них завоевал диплом на конкурсе художественной самостоятельности, после этого его и пригласили в университет педагогом на отделение художественного чтения. Он показал мне письма учащихся, присланные с острова Диксон и Камчатки, из глухой сибирской деревни, Ташкента, Тбилиси...

— Понимаете, — говорит он, — чем отличается наш университет от других учебных заведений? В нем учатся по индивидуальному плану, сообразно наклонностям и способностям ученика. У нас учатся даже студенты института культуры. Студенты художественных вузов также занимаются на отделении изобразительного искусства. А почему? Они могут получить подробный разбор их учебных работ.

— Заметьте, — поддерживает его Ярослав Марковский, методист факультета фото и кино, — не критический разбор, а разбор-консультацию, где тут же предлагаются средства для исправления ошибок. Наши педагоги не только очень квалифицированы (сам он окончил МГУ, факультет журналистики, работал в АПН), они обладают особой выдержкой, педагогической гибкостью, умеют понять наклонности студента, разобраться и в его духовном мире.

— Думаете, легко обучить пожилого человека? — продолжает Ткачев. — Он имеет уже сложившиеся привычки, а иногда и просто упрямый характер, вот и ищешь форму, в которой исподволь все же убеждаешь его в правильности нашего совета. А на это надо терпение.

Читаю письма. Тон их доверителен. А много ли в нашей жизни доверительных бесед? В институте, школе учителю порой некогда вникать в детали. Прочитал лекцию, рассказал урок, потом потребовал пересказа. Понял ученик, выучил урок — ставится одна оценка, не понял или не выучил — другая.

— У нас оценки не ставятся — говорит Ткачев, — это еще одна особенность университета. Хочет студент — учится, бросил учебу — никто не заставляет ее продолжать. Они ведь еще и деньги платят за свое обучение. Правда, небольшие, в среднем 37 рублей в год. Мы высылаем им пособия и книги, которые достать трудно.

— Это самая сознательная система — система самообразования, — включился в беседу Геннадий Павлович Самолихин, заведующий изобразительным факультетом. — «Научить нельзя — на-

учиться можно». У нас не только индивидуальная программа для каждого, но часто студента передают от одного учителя другому, выискивая нужный профиль обучения, лучше подходящий учащемуся.

— Самообразование — мощная воспитательная сила, — продолжает Ткачев. — Я бы открыл в нашем университете еще курс этикета и общения с людьми, чему вообще нигде не обучают, а это так необходимо в жизни! Сейчас мы думаем над этой проблемой и разослали анкеты с вопросами: чему еще хотели бы обучаться наши студенты? Многие из них переходят с отделения на отделение, лишь бы подольше продолжать учебу. А после окончания университета долго еще нам пишут.

Беру пачку писем. В это время открывается дверь, и входит круглолицая девушка с букетом красных гвоздик. Она приехала из подмосковного города на первую встречу со своим педагогом Ольгой Александровной. Учится она на отделении художественного чтения около года, по специальности техник-строитель. Все это выяснится позже, сейчас я читаю письма.

«Обучение в университете научило меня работать над собой, объективно оценивать происходящие события...» «Главное — я очень благодарна вам за постоянно доброжелательный, поддерживающий и ободряющий тон ваших консультаций...» «Особенно понравились задания по этнодной работе. Они, на мой взгляд, представляют наибольшую сложность, ибо здесь необходимо проявить юмор, большую творческую фантазию. Мне кажется, надо удлинить срок обучения и ввести еще несколько заданий по сочинению этюдов...» «Учебный процесс меня вполне устраивает. Я, хоть и заочно, познакомилась не только с прекрасным педагогом, но и хорошим человеком. И надеюсь, что все-таки как-нибудь вырвусь в Москву, и мы с вами встретимся...»

На улицу мы вышли с Ярославом Марковским. Он предложил показать фотоработы учащихся факультета. Готовится выставка к 40-летию Победы. Факультет молодой, ему только шесть лет, но работы студентов уже завоевали международные призы в Испании, Болгарии, Чехословакии. Ярослав рассказывал мне о направлениях, которые существуют сейчас в фотографии: универсализм, репортажность, реалистический романтизм...

— В фотографии деление на профессионалов и любителей неверно, — говорит он. — Это идет от непонимания специфики фотографии (разумеется, здесь не в счет тот, кто просто не знает техники фото). В фотографии все решает личность. Поэтому в нашем деле личность педагога, воспитывающего ученика, самое главное.

Ярослав молод, но такую же молодую увлеченность я видела в глазах и пожилых педагогов, и студентов. Поистине молод тот, кто вечно в поиске совершенства. И как жаль тех, кто убивает свое время впустую. Шататься по подворотням с бутылкой портвейна или часами дуться в домино — значит не ценить те короткие часы, которые отведены человеку жизнью. Ведь человек — это написано в учебнике по физике для школьников — не проживает на земле и миллиарда секунд. Хорошо, если он употребит свободное время на совершенство своей души. Любовь к прекрасному — пусть это будет резьба по дереву, игра на гитаре, съемки фильма — воспитывает в человеке личность. Свободное время Маркс определял как «богатство социалистического общества». И нельзя, чтобы это богатство разбазаривалось попусту.

Вспоминаю слова Кулябко: «Живопись? Она не мешает, а помогает работе. Я как будто родилась второй раз!» Когда я дописывала эти строчки, раздался телефонный звонок. Звонили из университета: «Приезжайте. На ВДНХ в павильоне советской культуры выступают наши музыканты!..»

От общих размышлений о сущности и происхождении этикета, о его истории, нравственных и психологических основах, с которыми читатель имел возможность познакомиться в №№ 2 и 3, перейдем теперь к конкретным советам, как поступать в той или иной ситуации, что прилично, а что является проявлением невоспитанности, что принято и что недопустимо. Однако правила и назидания, поучения и наставления, даже самые полезные, всегда немного скучноваты. Давно известно, что слова учат, а убеждают примеры. Вот мы и решили показать «этикет в действии» на примере двух молодых людей, через те проблемы и различные коллизии, с которыми они, а следовательно, и каждый из читателей сталкиваются в жизни.

Для начала познакомим наших героев. Пусть они встретятся в гостях у общего знакомого.

Он вошел в прихожую, где Она в это время снимала зимние сапоги, чтобы сменить их на туфли.

— Привет, — сказал хозяин. — Знакомьтесь, ребята.

— С удовольствием, — ответил Он, протянул руку и представился: — Толик.

— Лена, — сказала Она, испытывая некоторую неловкость оттого, что на одной ноге у нее был еще сапог, а на другой — туфля.

— Очень приятно, — улыбнулся Он.

На первый взгляд знакомство Лены и Анатолия прошло вполне благополучно: приличная ситуация, общий знакомый, определенный ритуал. Но для тех, кто хочет постичь этикет более тонко, заметим, что было допущено несколько ошибок. В частности, не следует знакомить людей в прихожей. Здесь гости только здороваются, а хозяин предлагает: «Проходите, сейчас я вас познакомлю». Молодой человек не должен первым подавать руку девушке. Да и привилегия оценить факт знакомства — «очень приятно», «рада познакомиться» — всегда принадлежит слабому полу. В устах мужчины эти слова не очень приличны, они напоминают снисходительное похлопывание по плечу. И уж совсем нехорошо, когда рослый, плечистый, взрослый юноша называет себя по-детски. Тут необходимо полное имя, обязательно фамилия и неплохо бы хоть какие-то дополнительные сведения (например: «Анатолий Северцев. Мы с Игорем учимся на одном курсе»).

Лена и Анатолий понравились друг другу. Весь вечер он оказывал ей различные знаки внимания: ухаживал за столом, приглашал танцевать, подал пальто, когда они уходили. Лене было это, естественно, приятно. Но и в тот вечер, и впоследствии ее беспокоило одно обстоятельство. Всякий раз, когда Анатолий открывал перед нею дверь, поднимал оброненную вещь, придвигал или отодвигал стул, не позволял нести нагруженную сумку, ей очень хотелось сказать, как горячо и искренне она ему благодарна. В то же время она понимала, что нет тут ничего особенного и ей оказывают элементарные услуги, какие любой мужчина обязан оказывать даже незнакомой женщине. За что же тогда благодарить? Эти сомнения Лены разрешились однажды довольно своеобразно. Она ехала в трамвае и увидела, как молодой человек уступил место солидной даме. Та восприняла это как нечто само собой разумеющееся и уселась поудобней. «Извините, — склонился к ней юноша, — вы что-то сказали?» Она взглянула удивленно: «Нет, ничего». «Простите. Мне показалось, что вы сказали спасибо».

Вот тогда Лена поняла, что за услугу благодарят. Всегда. Даже за самую маленькую. Даже очень близких людей. Словами, взглядом или улыбкой, но благодарят обязательно.

Еще одна проблема у Анатолия и Лены возникла со свиданиями. Когда Анатолий в первый раз провожал Лену, она всю дорогу терзалась: «Если он предложит встретиться, соглашаться или отказаться? Если сразу соглашусь, подумает, гордостью нет. Откажусь — еще обидится». Короче говоря, когда Анатолий, уже попросившись, все же вернулся и спросил, не пойдет ли она с ним завтра в кино, Лена, потерявшая было всякую надежду, согласилась быстро и радостно.

Подруги после нещадно ругали ее и учили умному: «Соглашаться надо так, как будто ты одолжение делаешь. И вовремя не приходи, он подумает, что ты за ним бегаешь. Посматривай на часы, вроде торопишься. Не показывая виду, что он тебе нравится. Пару раз вообще не являйся — пусть поволнуется». И много еще подобного и в таком же духе.

Диву даешься, как живучи некоторые обывательские, мешанские представления об этикете. К сожалению, многие девушки думают, что жеманство, кокетство, напускное равнодушие, подчеркнутое пренебрежение крепче привязывают юношу. Большие заблуждения трудно придумать.

Вспоминаю одну свою встречу с десятиклассницами, пригласившими меня на «девичник». Когда я

закончила свое выступление, поднялась сначала одна рука, потом другая — и пошло.

— Скажите, разве неприлично, если девушка первая предложит парню встретиться?

— Когда выходит новый фильм, я всегда беру билеты и приглашаю своего друга. Мама говорит, что это не принято. А почему?

— Я встречалась с одним парнем два месяца. Мне захотелось познакомиться с его родителями, и я предложила прийти к нему домой. Он повел себя так, словно я сделала что-то неприличное. А что тут такого?

— Я гуляла со своим знакомым и взяла его под руку. Он растерялся и стал пугливо оглядываться по сторонам. Прямо смешно. Разве это рыцарь?

Отвечаю девушкам: «Бывают случаи, когда молодой человек застенчив и нерешителен; можно помочь ему, первой сделать шаг навстречу. Ничего крамольного в том, что вы приглашаете друга в кино, нет, хотя действительно привычнее, когда это делает мужчина. Вы, конечно, погрешили против этикета: приглашаться в гости вообще некрасиво, а девушке к молодому человеку тем более; но при хороших и искренних отношениях это не такой уж большой грех. Случается, что женщина или девушка возьмет своего спутника под руку, но лучше все же, чтобы инициатива исходила от него». Как видим, ответы на все эти вопросы найти не так уж и трудно. Но вот что настораживает. Не слишком ли активно проявляли себя девушки в описанных ситуациях? Согласитесь, неприятно бывает видеть, как возле небрежного парня суетится девушка: «Ты есть хочешь? Давай я за пирожками сбегу. Слушай, ты завтра на вокзал не ходи, я сама съезжу, расписание спишу и тебе позвоню. И не бери с собой ничего. Я все приготовлю. Ну ладно, пойдем, я тебя провожу».

ПРАВИЛА

Беата БУШЕЛЕВА, кандидат педагогических наук

ДЛЯ ДВОИХ

Тут явно утеряна та грань, где самоотверженность и забота о любимом теряют пристойные формы и превращаются в угодничество, раболепие, неприличную навязчивость. Под угрозу ставится будущее этой пары. Судите сами. Если юноша, попавший в зону обожания и погребенный лавиной безудержной заботы, принимает ее как должное, можете поверить: впоследствии он пополнит собой ряды мужей, которые не станут пить чай, пока жена не размешает сахар в стакане.

Хорошо, что нашу Лену вовремя предупредил об этом пожилой друг семьи. «Веди себя спокойнее, — сказал он ей. — Я в молодости без памяти любил одну особу. Красавица была, умница, общительница и очень активная. Даже в танце старалась меня вести. По телефону звонила, какая погода и что надеть. Проверяла, не пропускаю ли занятия боксом, и так далее. Решил я на ней жениться, честное слово, но только хотел добиваться ее согласия, страдать, надеяться, атаковать и победить. Но я не желал, чтобы все делало за меня. И потому испугался. Передо мной возникла улыбая перспектива: муж-мальчик, муж-слуга. Вот и все».

После этого разговора Лена поняла, что этикет отношений мужчины и женщины выстроен не только на традициях рыцарства. Он отразил в себе особенности мужской и женской психики. И этим не стоит пренебрегать, как бы далеко ни продвинулись мы в области эмансипации и равноправия.

С равноправием, кстати, тоже непросто, особенно когда дело касается такого неромантического предмета, как деньги. Лена работает. Живет она с родителями и в средствах не стеснена. А Анатолий — студент. Получает стипендию, иногда подрабатывает. Лена понимает, что два билета в театр — это десятая часть стипендии, а три гвоздики зимой — это студенческий рацион одного-двух дней. Пока Анатолий платил за кино, мороженое, в транспорте, она

молчала. Первый конфликт произошел в кафе, где они отмечали месячный юбилей своего знакомства.

— Сегодня плачу я, — сказала Лена.

— Интересно, это почему же?

— Потому что у меня есть деньги, а у тебя нет. И вообще у нас равноправие. Имею я право заплатить?

— Нет, — сказал он. — Я заплачу сам.

— Но это глупо. Это старорежимность какая-то.

— Пусть! Но я не этот, как его... альфонс! Вот.

Лена не очень ясно представляла себе, кто такой альфонс, но почувствовала, что быть таковым для Анатолия оскорбительно. Поэтому она перестала настаивать, а впоследствии старалась так регулировать программы развлечений, чтобы они не требовали больших расходов. Иногда, конечно, бывало, что и она покупала билеты в театр или вносила свою долю, когда собирались в складчину. Но все ее попытки превратить это в систему Анатолий пресекал категорически.

Были у них проблемы, которые решались трудней. Однажды, например, Лена почувствовала, что от Анатолия пахнет вином. Она промолчала. Когда это случилось в третий или в четвертый раз, Лена очень огорчилась. Анатолий был естественно оживлен и суетлив. И все же он заметил, что Лена грустна и молчалива. Вскоре она сослалась на головную боль, холодно простилась и ушла. При очередной встрече Анатолий выглядел виноватым и сказал: «Знаешь, Лен, в прошлый раз я был не совсем в порядке. Ты не обижайся, а?» «Я не обиделась, — тихо ответила Лена, — но, знаешь, у меня появилась... извини, пожалуйста, какая-то брезгливость. И стало страшно, потому что если я еще увижу тебя таким, то не смогу больше лю... хорошо к тебе относиться». Она постаралась смягчить жестокость слов улыбкой, но Анатолий понял: так и будет. Он не стал рисковать.

Вообще же в роли «учителя» чаще оказывалась Лена: мелких неловкостей Анатолий совершал довольно много. Например, при выходе из автобуса галантно пропускал Лену вперед, вместо того, чтобы выйти первым и подать ей руку. В вестибюле кафе занимался своим пальто и шапкой, предоставив Лену заботам гардеробщика. Как-то он вручил Лене цветы, обернутые газетой, да к тому же подал ей руку в перчатке.

Поначалу Лена рьяно взялась за его воспитание, стала одергивать: «Ну, кто так делает... Неужели трудно запомнить... Как можно не знать таких простых вещей...» Но однажды, после особенно щедрой порции наставлений, да еще и выданной в присутствии общих знакомых, Анатолий обиделся и, не простившись с Леной, ушел. С тех пор все замечания Лена дипломатично облекала в форму шуток или вопросов, никогда не делала их в присутствии других людей и вообще старалась предупредить ошибку, а не констатировать ее. Эта тактика дала хорошие результаты.

Например, когда пришло время познакомить Анатолия с родителями Лены, было проведено тщательное обсуждение всех деталей предстоящей встречи. Ребята единогласно утвердили идею принести цветы матери и отвергли предложение Анатолия порадовать отца бутылкой коньяка. Было оговорено, что, если в комнату войдет кто-то из родственников, Анатолию придется встать и стоять, пока его не представят и не предложат садиться. После всех этих разговоров вконец запуганный Анатолий взмолился:

— Может, не будем эти церемонии разводить? Давай лучше заявление в загс подадим, перед фактом родителей поставим и пригласим на свадьбу.

— Нельзя, — сказала Лена, — нехорошо, обидно и неприлично. Этот обычай держится веками, значит, есть в нем смысл. Так что, миленький, готовься.

После встречи с родителями Лена сказала Анатолию:

— Знаешь, что мне в тебе больше всего нравится? Во-первых, ты не болтун. Ужасно противно, когда парень дружит с девушкой и направо и налево трезвонит всем об этом, подробности излагает, фотографии демонстрирует да еще и присочинит кое-что для красоты. А ты не такой, я знаю. И характер у тебя не вредный. Помнишь, ты хотел пойти на футбол, а меня прямо заклинило: в лес, и все. Ты увидел, что я уже злюсь, и согласился. Я думала, всю дорогу будешь изображать из себя несчастную жертву, а ты ничего...

Анатолий остановил ее:

— Да ну, Леноч, нашла что вспоминать. Вот ты у меня действительно молодец. Я посмотрел, как некоторые ребята мучаются. Одного жена все время ругает: ты невнимательный, ты нечуткий, ты обо мне не думаешь. Он уж и на себя стал непохож: ходит какой-то виноватый и съезженный. Другому «проверки любви» устраивают, прямо шантаж настоящий: если ты меня любишь... У третьего и того хуже — вечное выяснение отношений: то она ревнует, то дуется, то капризничает. Железные нервы надо иметь. Нет, Леноч, ты у меня — человек!

Скоро у наших героев свадьба.

ИВАР КАЛНЫНЬ
В ФИЛЬМЕ
«ДВОЕ ПОД ОДНИМ ЗОНТИКОМ».

ГАЛИНА БЕЛЁВА
И МИХАИЛ ПУГОВКИН
В ФИЛЬМЕ
«АХ, ВОДЕВИЛЬ, ВОДЕВИЛЬ!...».

ВЕСЕЛОЕ СЕРЬЕЗНОЕ КИНО

Как это ни покажется странным, на простой вопрос, что такое музыкальный фильм, пока нет ясного ответа...

Критикам еще предстоит разобраться в сущности этого трудного и необходимого людям жанра. Виды музыкального кино разнообразны: музыкальные кинокомедии, фильмы-балеты, фильмы-оперы, кинооперетты и их разновидности — мюзиклы. Однако это лишь начало возможностей музыкального кино. Разве невозможны музыкальная киноповесть, музыкальная кинодрама?

Музыкальный фильм, это мое убеждение, должен строиться по законам его музыкальной основы. Монтаж, цветовое решение и даже драматургия диктуются характером музыки. Ведь, к примеру, фильм, в основе которого лежит музыка Моцарта, не может ни по одному компоненту даже напоминать фильм, основа которого — современные ритмы. Герои, поющие в оперной манере, не могут выглядеть так, как исполнители современных песен. Мне довелось снимать разные музыкальные ленты. «Опасные гастроли» выстраивались как героико-романтический фильм, но в первую очередь он был музыкальным, и потому в главной роли я увидел не просто актера, а актера-певца — Владимира Высоцкого.

Поиски были продолжены в односерийной телевизионной музыкальной картине «Весна двадцать девятого», снятой по сценарию Марка Захарова, по пьесам Николая Погодина. И для меня возможность разработки в музыкальном жанре серьезной темы стала окончательно доказанной. А тема действительно была серьезнейшая — первые пятилетки!

В бытность студентом художественного факультета Ташкентского театрально-художественного института мне довелось в качестве конферансье (и такое было) побывать на строительстве города с самостоятельным, организованным нами самими для этой поездки ансамблем «Юность». Участниками были

Музыкальный фильм... Когда на афишах кинотеатров или в телевизионных программах появляется сообщение о новом, именно музыкальном фильме, то и кинозалы, как правило, полны, и у телевизоров собираются «семейные» аудитории. Уже через день-два запомнившиеся песни выходят в жизнь, их поют, а журналы и газеты заваливают просьбами опубликовать слова... Почему мы так любим музыкальные фильмы? Только ли за музыку и песни? С этими вопросами корреспондент «Смены» обратился к режиссеру-постановщику музыкальных фильмов «Опасные гастроли», «Весна двадцать девятого», «Туфли с золотыми пряжками», «Ах, водевиль, водевиль!...», «Двое под одним зонтиком» Георгию ЮНГВАЛЬД-ХИЛЬКЕВИЧУ.

студент режиссерского факультета Батыр Закиров, его сестра Луиза и младший брат Науфаль. Все они впоследствии стали популярными исполнителями песен, ансамбль же «Юность» — лауреатом Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Хорошо помню ту давнюю поездку. Ноябрь. Слякоть. Бесконечный зимний азиатский дождь, промокшие палатки. Пронизывающий холод и жаркие разговоры о стране, о ее заботах, о счастье, о будущем. Именно тогда я буквально «пощупал руками», осознал необходимость веселого, доброго искусства для людей-тружеников.

Помню, как строители (и мы, артисты, вместе с ними) шли ночью разгружать товарняки с кирпичом, чтобы ребята могли скорее построить каменные дома для вновь прибывших рабочих. Не для себя! А для тех, кто будет жителями нового города.

Эта поездка очень помогла при создании картины «Весна двадцать девятого». Может быть, именно поэтому комсомольцы двадцатых в своих письмах после просмотра фильма обращались ко мне как к своему сверстнику. И, наверно, потому, что вся съемочная группа — от плотника до исполнителя главной роли Валерия Золотухина — горела удивительным энтузиазмом, который был сродни временам незабываемых двадцатых.

— В ваших фильмах последних лет нет так называемых отрицательных героев...

— Мне кажется, что значительно большее воспитательное значение приобретает киногерой, который может и ошибиться, даже запутаться в сложных жизненных ситуациях, но, в сущности, является хорошим человеком.

Задачу показать «нормального» героя, не «розового» и не «черного», мы ставили в картине «Двое под одним зонтиком» с автором повести и сценария Сергеем Абрамовым.

Наш герой, Дан, — неплохой парень. У него мужественная внешность, он нравится женщинам, у него есть друзья, любимая работа, в которой он, правда, не достиг особых высот, но все же потому, что не способен, а потому, что хотел, как он сам говорит: «...есть вволю, пить, гулять, развлекаться».

Вот тут и загвоздка. Желание жить легко привело к тяжелым последствиям. Дан утратил духовность, потерял способность страдать и любить, лишился чувства ответственности перед жизнью. И когда на него «свалилась» фантастическая возможность исполнения любых желаний, желания Дана оказались мелкими, под стать его жизни: достать дефицитную книгу, получить телефон... А когда он встретился с настоящей, явившейся как в волшебной сказке любовью, Дан растерялся и ретировался. Оказалось, «не по Сеньке шапка». Но так как наш герой вовсе не отрицательный, с которым, как говорят, «все ясно», он вдруг понимает, что перед ним разверзлась бездна

А ТВОЯ ПОЗИЦИЯ?

Когда я прочел в «Смене» №22 за 1984 год письмо молодого рабочего из Новосибирска Сергея Уланова о так называемых середняках, а рядом — статью Юрия Рагозина «Удобная позиция. Для кого?», я понес журнал в школу рабочей молодежи, где преподаю, чтобы обсудить эту тему со старшеклассниками.

Мнения учащихся разделились. Один из столбцов автокомбината недовольно проворчал: «И что это журналисты к середнякам привязываются!.. Если человек не прогуливает, план выполняет, замечаний не имеет, зарплату жене приносит добросовестно, — чего же от него хотят?..»

«С такими мыслями мы больших успехов не добьемся, — ответил ему ударник коммунистического труда, депутат горсовета Николай Павлов, работающий на том же предприятии. — Если уж взялся за дело, так работай с душой и в полную силу!»

Вот позиция настоящего передовика, задающего тон в работе.

В жизни мне приходится видеть немало середняков. Они договоров не получают, но делают все «от и до», без желаний, и в общественной жизни они пассивны. Правильно пишет Сергей Уланов: они все время в тени.

Нельзя их оставлять в тени!

Валентин Чупырин,
учитель русского языка и литературы,
г. Шумерля Чувашской АССР

ЕЩЕ РАЗ О СЕМЬЕ

Материалы о проблемах семьи, публикуемые в «Смене», всегда вызывают живой интерес у читателей. Хочется поделиться своими наблюдениями и мыслями. Вот и я хочу рассказать вам одну историю.

...Смолodu выпало этой женщине счастье познать яркое, сильное чувство. Было оно, как выяснилось много позже, взаимным, но в ту пору казалось ей безответным. Учились они в разных городах, встречались на каникулах, смущались,

краснели, но вот слов, которых хочется услышать любой девушке, он не говорил. И тогда она вышла замуж за другого. Надеяться: пройдут годы, забудется первая любовь. Одна за другой родились две девочки. Но первая любовь не забывалась, мешала радоваться тому, что предлагала жизнь.

Прошло пятнадцать лет. Обстоятельства сложились так, что семья этой женщины вернулась в ее родное село. Она не знала, что ее первый избранник по-прежнему живет там же. Встретились они случайно в пригородном поезде. Оказалось, что он тоже женат, у него двое детей, и тоже несчастлив, потому что память не дает ему покоя.

И вот эти люди, уже далеко не первой молодости начинают тайком встречаться, чтобы сказать друг другу два-три слова, взглянуть в глаза и разойтись. Счастливые минуты выпадают им нечасто, но они оба живут ими. Живут, не позволяя себе разрушить две семьи, причинить боль близким людям.

И так уже десять лет.

Не знаю, как оценят эту историю разные люди. Я же отношусь к ним с большим уважением, преклоняюсь перед подвигом самоотречения. Мне кажется, такой подвиг доступен человеку, который считает невозможным устраивать свой душевный комфорт за чей-то счет, и прежде всего за счет детей. Потому что этот счет неоплатен.

Так сохранять ли семью ради сына или дочери? Да, думаю я, сохранять, если хватит душевных сил и благородства никогда никого не попрекать принесенными жертвами. Да, сохранять, если считаешь, что способен принести эту жертву, если готов все нерастраченное тепло отдать тем, кто в нем особенно нуждается, тем, кто еще растет, кому нужен родительский дом. Да, сохранять, утешая себя тем, что мало есть на свете радостей, которые могут сравниться с радостью вырастить, поднять детей, а потом и встретить внуков под своим кровом. Убежден, что эта радость стоит тех усилий, которые нужно приложить в какой-то очень трудный, переломный момент жизни. Подумайте об этом.

А. Осадчий, юрист,
Краснодар

После выступлений «Смены»

«ТАНЦЫ
НА ПУСТЫРЕ»

В статье, опубликованной в №18, справедливо отмечены недостатки в организации досуга молодежи города Белореченска. Подобное положение стало следствием серьезных просчетов в работе горкома ВЛКСМ, его пассивности в решении многих вопросов.

На совместном расширенном заседании бюро горкома партии г. Белореченска и выездного бюро краевого комитета ВЛКСМ с участием секретарей парткомов и комсомольских организаций города рассмотрены стиль и методы работы горкома комсомола по коммунистическому воспитанию молодежи. На заседании заслушаны отчеты первого и второго секретарей горкома комсомола, заведующего отделом культуры горисполкома.

За бездеятельность в устранении недостатков, имеющих место в городской комсомольской организации, личную недисциплинированность, слабый контроль за работой аппарата ГК ВЛКСМ первому секретарю Г. А. Ушакову объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку члена ВЛКСМ, за некритичное отношение к своей работе, безынициативность он освобожден от занимаемой должности.

В принятом постановлении указано на необходимость горкому комсомола глубже анализировать процессы, происходящие в юношеской среде, активнее участвовать в решении вопросов, волнующих молодежь. Разработан план практических действий по устранению недостатков, отмеченных в статье.

В настоящее время в городе создан координационный совет по организации досуга молодежи, который возглавляет заместитель председателя горисполкома Т. Е. Королева, с участием всех заинтересованных организаций. Советом разрабатывается совместный план мероприятий по организации досуга.

Закончено строительство танцевальной площадки, на которой проводятся вечера отдыха. Каждую субботу и воскресенье для молодежи организуются вечера отдыха в городском Доме культуры. В настоящее время ДК укомплектован

кадрами, и это сыграло определенную роль в повышении профессионального уровня культурно-массовых мероприятий. В подготовке тематических вечеров принимают непосредственное участие комсомольские активисты города.

Конечно, решение имеющихся проблем организации свободного времени зависит не только от проведения танцевальных вечеров, но и от многих других форм массовых занятий молодежи — работы клубов по интересам, кружков художественной самодеятельности, спортивных секций и др.

В городе прошел конкурс художественной самодеятельности, посвященный 40-летию Победы, принято постановление об участии молодежи в реконструкции стадиона, которая должна закончиться к июню 1985 года.

Статья «Танцы на пустыре» рассмотрена также на заседании бюро краевого комитета ВЛКСМ. В постановлении, принятом по этому вопросу, отмечается, что подобное положение существует и в некоторых других городах и районах края. Адыгейскому обкому, горкому, райкомом ВЛКСМ рекомендовано обсудить статью на заседаниях бюро, рассмотреть вопросы улучшения организации досуга юношей и девушек, добиваться повышения роли самодеятельного художественного творчества, полнее использовать и развивать материальную базу досуга.

Совместно с управлением культуры создано и действует межвузовское отделение факультета общественных профессий по организации дискотек и проведению дискотек. Молодые специалисты, получившие здесь общественную профессию, смогут квалифицированно организовать и провести дискотеку, танцевальный вечер.

В Краснодаре создано и действует объединение творческой молодежи «Радуга». Одна из задач объединения — оказание помощи комсомольским организациям, непосредственное участие в организации свободного времени, проведение творческих встреч в молодежных аудиториях, других мероприятий, позволяющих интересно, познавательно организовать досуг.

Владимир ШЕЙКО,
секретарь Краснодарского
крайкома ВЛКСМ

бессмысленного существования. Поняв это, Дан как бы заново рождается.

Мы надеемся, что кому-то наш фильм поможет разобраться в своих проблемах, как Дану (актер Ивар Калнынь) помог его учитель Тиль, которого сыграл замечательный актер Иннокентий Смоктуновский.

Я твердо убежден в том, что корень почти всех человеческих несчастий — безнравственность, и музыкальный фильм ненавязчиво, без морализации и поучений может и обязан затрагивать важные нравственные проблемы.

Но возможно это только в том случае, если есть талантливая музыка. Если эта музыка несет в себе время, большие чувства, если эта музыка способна эмоционально воздействовать на зрителя.

Мне повезло: в моих фильмах звучала музыка гениального Шостаковича, тончайшего мастера киномузыки, лирика и веселого философа Исаака Шварца, смелого экспериментатора Максима Дунаевского.

— А ведь учились вы на художественном факультете...

— Художником я работал и продолжаю работать, но в основном в театре. Кроме этого, пишу портреты людей, в которых ярко выражена индивидуальность.

Кстати, тема «Весны двадцать девятого» затронула меня настолько глубоко, что получила развитие в моей театральной деятельности. В 1976 году я был соавтором либретто и художником-постановщиком балета «Мечтатели» Д. Шостаковича в Московском академическом театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Счастливая жизненная встреча с выдающимся художником, лауреатом Ленинской премии Б. И. Пророковым способствовала тому, что, поступив на Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР, я не бросил свою первую профессию — художника, а лишь добавил к ней новую, режиссерскую.

Учеба на курсах была необыкновенно счастливым периодом в жизни. Нам преподавали такие люди! Леонид Трауберг, Михаил Ромм, Юлий Райзман, Александр Мачерет, Сергей Юткевич! И тридцать слушателей, причем один талантливее и неожиданнее другого, а приобрести одновременно друзьями таких интереснейших людей — чудо! Назову некоторых из них: Глеб Панфилов, Константин Ершов, Василий Ливанов, Толомуш Океев, Гизо Гебескирия, Николай Рошеев — они уже известны своими фильмами не только в нашей стране. И если кто-то из ребят еще не снял свою главную картину, я уверен, обязательно снимет, потому что хорошо знаю их способности и высокие душевные качества.

— И последний вопрос. Ваш трехсерийный телевизионный фильм «Д. Артаньян и три мушкетера» вызвал весьма разноречивые оценки. Как думаете, почему?..

— После первого показа фильма в 1979 году критика в основном отнеслась к «Мушкетерам» прохладно, хотя, судя по огромному количеству писем в редакции, на Центральное телевидение и другие организации, а также нам, создателям фильма, зрители в большинстве своем приняли картину. Причем через четыре года, после повторного показа фильма, отношение критики к нему несколько изменилось. Многие из тех, кто фильм сначала не принял, с удивлением отметили, что на этот раз им картина понравилась. Но, даю слово, что это те же самые «Д. Артаньян и три мушкетера», до единого кадра. В чем дело? Мне кажется, суть метаморфозы в том, что первый раз каждый зритель хотел увидеть тот фильм, который он создал в своем воображении, прочитав любимый роман, а увидел нашу версию. То есть она не попала в некое общее ощущение романа. Во второй раз, когда страсти улеглись и все увидели без предвзятости то, что предлагала большая, влюбленная в материал съемочная группа, оказалось, что и такой вариант может представлять интерес.

Картина «Д. Артаньян и три мушкетера» для меня знаменательна тем, что позволила в течение целого года общаться с плеядой замечательных советских актеров. Это человек исключительной скромности, прямо пропорциональной таланту, — Алиса Фрейндлих, это настоящий мушкетер по характеру, принципиальная, честная и преданная своему делу актриса, которой по плечу любая, самая сложная роль, — Маргарита Терехова. Это встречи с удивительным актером и режиссером Олегом Табаковым, страстным Львом Дуровым, значительным Александром Трофимовым и, наконец, мушкетерами Валентином Смирницким, Игорем Старыгиным и Вениамином Смеховым во главе с Михаилом Боярским. Дружба наша, к счастью, продолжается. Именно с этого фильма началось длительное творческое сотрудничество композитора Максима Дунаевского и Михаила Боярского.

После этой ленты меня пригласили на киностудию «Мосфильм», где я снял телевизионный музыкальный фильм «Ах, водевиль, водевиль!...». Рад, что песни из этого фильма стали добрыми друзьями молодых.

Словом, избранный мною жанр принадлежит молодым и тем, кто сохранил задор молодости...

Беседу вел Сергей НИКОЛАЕВ.

ИСКУССТВО

Воспитаи радость жизни

В двадцатые годы моя теть Лиза (она была учительницей) ездила в Москву, присутствовала на большом заседании, где сам Луначарский был председателем, и слышала, как выступала совсем юная тогда Наташа Сац. Теть Лиза вернулась назад в Ивановскую область в деревню Мальчики и рассказала всем, как Наташа интересно и правдиво говорила, что ребятам нужна жизнь творческая, что нужно для них ставить спектакли, самих их учить быть выдумщиками, как вырастить детей, не доставляя им творческих радостей, нельзя. Очень теть Лиза Наташей Сац восхищалась и устроила в деревне детский театр, и много полезного сделал этот театр для детей нашей деревни. Все это было еще до войны...

Я теть Лизу в жизни застала, когда была еще совсем маленькой, но ее рассказы о Наташе запали мне в сердце. И после смерти тети Лизы я начала собирать газеты, фотографии, все про этого яркого человека, как-то являлась в моих мыслях Наташа.

Подростла я, вышла замуж за офицера. Начались у нас переезды из одного города в другой, а я, как и обещала тете Лизе перед ее смертью, завела большую коробку, и все, что с 20-го года теть Лиза накопила, а потом собирала я, так и следует со мной по жизни. Наступили годы, когда телевидение и радио стали рассказывать нам о многих замечательных людях. Уже Наташу называли по имени и отчеству, а я так жалела, что с нею лично не познакомилась.

И вот недавно знакомство наше состоялось: купила в Москве книжку в двух томах — Наталия Сац «Новеллы моей жизни» (издательство «Искусство», Москва, 1984 г.). Она там просто и интересно рассказывает и про детство, и про всю свою жизнь, и в какие игры в детстве играла, как музыку и театр любила, обратила их к сердцам детским. Многих людей Наталия Сац научила воспитывать детей.

Муж мой демобилизовался в чине майора, сын — инженер-механик. Мы с мужем рады, что сумели в сыне воспитать радо-

Дорогие друзья! Мы всегда считали, что наш «Экслибрис» — это книжный знак и всех читателей «Смены». Конечно, не у многих из вас есть собственный книжный знак, но в том, что абсолютное большинство наших читателей — книголюбы, мы не сомневаемся. И вот вы ставите на полку или возвращаете в библиотеку только что прочитанную книгу. Если возникло у вас желание поделиться своими мыслями о ней, если захотелось что-то узнать у автора, если, наконец, просто хочется услышать чье-то мнение, прочитать рецензию, — пишите нам. На этой странице сегодня вы найдете «читательские рецензии». Мы будем рады, если голоса читателей в самых разных формах зазвучат в нашем «Экслибрисе». Ждем ваших писем, вопросов, советов!

стную любовь к своим детям — нашим внучатам. И вот читаю я книгу Наталии Сац и думаю: «Сколько же она людей заразила своей любовью к искусству великой волей своей!» Я знаю, что люди театра говорят с любовью и гордостью о великом их учителе Станиславском, благодарны ему за то, что он их по верной дороге повел. И так же, как в театре есть система Станиславского, мне кажется, в жизни мы должны воспитывать наших детей по системе Наталии Сац. Не только люди самых разных профессий, но, уверена, и наша молодежь с большим интересом и пользой прочтет книгу Наталии Сац и постарается открыть нашим детям радость жизни. Шутка сказать, ведь Наталия Ильинична Сац за руку с великим ученым мира здоровалась — с самим Альбертом Эйнштейном, а пишет об этом просто, без всякого чванства, которое некоторых людей гложет, а потому и детей их от хорошего отвращает.

По образованию я радист, а сейчас временно поваром работаю — кулинарию тоже знаю. И если в этой профессии пользу приношу, радуюсь. И хотите верить, хотите нет, когда в жизни бывает трудно и грустно, открою свой ящик, где у меня материалы р Наталии Сац собраны, а теперь уже и книгу открываю и думаю: «Не такие она трудности преодолевала». И опять хорошо на сердце становится.

Про книгу Наталии Сац в нашем Наро-Фоминском районе много говорят. Только люди обижаются — мало где ее продают, раскупается сразу, а книжка нужная.

Прошу тебя, любимый мой журнал, освети путь этой книжке, чтобы она дошла до сердец многих людей так же, как дошла до моего сердца.

Галина ВОЛЬСКАЯ, пенсионерка, Московская обл.

ПРОЗА

Есть романтики!

Дистанция в шесть лет отделяет первую книгу молодого прозаика Олега Мальцева, «Движение к сердцу», от второго сборника рассказов «Желтое воскресенье» (Мурманск. Книжное изд-во, 1983 г.). Время, достаточное для того, чтобы спокойно взвесить удачу и, скорректировав курс, пойти дальше — к сердцу читателя.

Чем же стала вторая встреча с автором, живущим и работающим в Мурманске, — повторением первой, или она приоткрыла новый, неведомый пласт? Тут мы вплотную подходим к

существенному для книги моменту. Кроме реальной достоверности происходящего, она наполнена особым, почти неведомым, волнующим ароматом романтики и мечты. Той мечты, которая ведет Лобова («Полет металлста Лобова») сквозь непонимание окружающих, помогает в трудный час другим героям книги — Брагину, Сухову.

Не так уж часто встречается сегодня в книгах герой-романтик. Все больше атлетических или, напротив, мятущихся натур. А романтик эпохи НТР, человек с душой совестливого крестьянина, живущий в современном, непросто мире, — обнадеживающая находка О. Мальцева.

....Лобов. Он сразу озадачивает своим присутствием. Чудаковатый, занимающийся голоданием столь яростно, что буквально сваливается у станка, Лобов тайно конструирует какую-то нелицеподобную штуковину для полетов... Зачем?! Чтобы каждый мог вырваться из плена обыденных представлений, повседневной суеты и жить по-новому: с максимальным напряжением души. Привлекают «негероические» герои «Желтого воскресенья» своей бескомпромиссностью, поступками не всегда правильными, может быть, но идущими от искреннего желания кому-то помочь, что-то исправить в себе или в других.

Приглядимся к одному из действующих лиц сборника — механику Громоткову. Уже сама фамилия Гро-мот-ков и не больно складная фигура — сутулая, длиннорукая — предвещают встречу с ординарным, «невыдающимся» человеком. Иной читатель, жаждущий острозюжести, будет разочарован этим «антисуперменом».

Жена в сердцах называет мужа «нулевкой»: с образованием и опытом лишь четвертый механик на небольшом паровичке, совершающем местные рейсы. Но Громотков живет сознанием того, что делает свое дело по совести. Не следует думать при этом, что, открыв эти истинные однажды, Громотков живет припеваючи. Он отыскивает свою правду трудно, без скидок для себя. Это удел каждого живущего по чести. Поступки, а не намерения определяют истинную ценность человека. Поэтому Громотков, по разумению автора (и мы с ним согласны), не нуль, а самая что ни на есть боевая единица.

Герой литературы, действиями, а не словами утверждающий высшее и вечное, активно отстаивающий свое мировосприятие жизни, сегодня нужен, как никогда. Именно такие люди, противостоящие в самых обычных буднях воинствующему практицизму и бездушию, неовещизму, благотворно влияют на общественное сознание. Они рядом живут: ловят рыбу, пекут хлеб, строят, водят автобусы, воспитывают молодых и хранят чистоту души в самом высоком смысле.

«Человек без мечты — как птица без полета...»

Человек и мечта не могут жить порознь. Ибо без большой мечты, маяющей, зовущей, человек не живет — блуждает и отбывает. Никакие соображения «тактического» свойства, дела-делушки не должны заслонять, в первую очередь, живую душу человеческую.

«Но острое сожаление вновь кольнуло грудь, когда он (Громотков.—И.К.) понял, что этот огромный, полновесный, счастливый день — самый счастливый в непрерывной череде дней его жизни — больше не повторится...»

Но он был, этот день! ...Свойство литературы — будоражить, пробуждать от спячки, стучаться в сердца людей, чтоб не проглядели хотя бы один свой счастливый день...

Игорь КАЛИНИН, режиссер, Мурманск

Дорог футбол правдой...

Сборник повестей, рассказов, миниатюр и стихов Владислава Бахревского (Москва, издательство «Детская литература», 1984 г.) называется несколько неожиданно — «Футбол». Наверняка кто-то, прочитав первую повесть сборника, сокрушенно вздохнет: «Ну, какой же тут футбол? Так, ребячья беготня...» И по-своему будет прав. Но одновременно и неправ!

Конечно же, повесть вовсе не о футболе, весьма модной теме в наши дни. И, конечно, ребячьи сражения, в которых главным оружием утверждения служит всего-навсего кожаный мяч, назвать футболом в его истинном значении нельзя, да в этом, собственно, и нет надобности. Но дело-то в том, что как раз высокий смысл футбола и заключается в его решительном воздействии на характеры. Тем более в ту пору, когда эти характеры только определяются. Спешу пояснить: не формируются, не происходит еще их становление, а именно определяются. В этом смысле знаменательна фраза в конце повести: «Мальчишкам дорог футбол правдой. Они играют без судей, играют без времени, без оглядки, потому что он дорог им правдой». И чуть раньше: «Мы, сцепившись мизинцами, сжали пальцы до хруста, до боли, чтоб ничто не могло разорвать нашего договора». И еще раньше: «Давай с тобой поклянемся если играть в футбол, то только по-честному...»

Вот в чем дело: футбол многолик, он может служить и как воспитатель. Об этом повесть. И написана она с подкупающей искренностью, порой непосредственной, но чаще мастерской. Футбол в ней не только нечто далекое, огромное, все-

властное, но и основание ребячьей обиденной и ко всему довольно хлопотной жизни.

«Садимся на скамейку. Уже темно, а расходиться не хочется. Сейчас мы как одна семья, а завтра всех словно подменяют. Я уже знаю», — это ведь житейская наука на будущее, на долгую завтрашнюю жизнь, но настоящая, определяющая наука. Во все не обязательно она создаст характеры только положительные, вовсе нет. Повесть и сделана таким образом, чтобы именно в этом убедить читателя.

Рабочий поселок со своими неизбежными заботами, страстями, нравами и типами. И все это раскрывается через восприятие того самого ребячьего футбола. «Неужто выиграли?! — Дядька улыбнулся и каждому из нас пожал руку. — Утешили». Этот ребячий футбол помогает показать Мурановскую улицу такой, какой она есть. Вероятно, в каждом городке, в каждом поселке.

Если говорить о рассказах, включенных в сборник, то все они, каждый по-своему, любопытны. Представьте себе ситуацию: председатель колхоза пообещал сельским ребятам построить бассейн и не сдержал обещания. Ребята отдыхали на море, но плавать никто из них не умел, над ними смеялись, и они оскорбились. Витек Парамонов из четвертого класса даже прозвал председателя «начальником-обещальником». И вот председатель решает, хоть на время, посадить этого Витьку... в свое председательское кресло. «В виде эксперимента», — говорит он. Белоборыский Витек начинает председательствовать. Рассказ так и называется — «Государственный человек». Конечно же, шутка, но если оценивать ситуацию по большому счету, то у белоборыского Витьки было важное преимущество в сравнении со стареющим председателем, и не только будущее. Он знал много такого, чего не мог знать председатель. В самом деле, не мог же тот знать, например, что у Барбашей, от которых решила уйти невестка, «забр самый высокий битое стекло». Между прочим, такого рода тонкие детали буквально рассыпаны по сборнику, и это производит впечатление. Иного слова не найду.

Еще две повести, а также три рассказа объединены как бы общим названием — «Волшебника не подглядывай». Автор назвал их сказками. Можно спорить о жанре современной сказки, то есть о сказочном сюжете на нынешнем жизненном материале, мнения тут могут быть разные, но то обстоятельство, что необходим литературный опыт, оспаривать ни к чему. Другое дело, удачен ли он. Однако даже неудачный опыт всегда поучителен для литературы в целом, особенно для адресованной юношеству. А В.Бахревскому эти повести-сказки и рассказы-сказки явно удались. И отнюдь не «в виде эксперимента».

Книги, которые открывают юношам весь наш «блистающий» мир или помогают им его открывать, всегда были желанными и потому прекрасными. Хорошо, что есть такие книги, которые сами по себе высокая педагогика.

Борис ФОМИН, журналист, Никополь

ВИЛЛА В ЛОЗАННЕ

Глава седьмая

В этот же ранний утренний час из подъезда лозаннского отеля вышел низенький крепыш с квадратными плечами и рыжевато-седыми прокуренными усами. На спине у него висел плащ, во рту торчала кривая дымящаяся трубка. Мужчина постоял на пустынной мостовой, пощурился из-под рыжеватых кустиков бровей на яркое солнце, поднявшееся над дальними горами за озером, потом быстрой валкой походочкой пересек улицу.

Фонтэн спешил на женевский поезд, везя с собой написанный ночью Леонидом доклад для Центра. В Женеве капрал пошлет это сообщение через своего радиста и дожидется из Москвы инструкций.

Ночью, когда Рокотов пришел к Луи в отель, они мучительно размышляли над тем, как вытащить Кинкелей из капкана, как парализовать действия германской агентуры и сохранить лозаннскую группу. Хотя общая задача им была ясна, однако положение было сложным, силы и возможности противостоящих сторон столь неравны, что в своем донесении руководству Леонид наряду с конкретными предложениями по делу откровенно высказал и сомнения в успехе операции. Без дополнительного подключения людей Папаша Рокотов считал борьбу обреченной и просил у Центра помощи.

Свое ночное свидание с Папашей Леонид провел с предельной осторожностью. Прежде чем подойти к отелю Луи, он покружил по улицам, проверяя, нет ли кого позади. — синий сумеречный свет маскировочных фонарей помогал не только ему, но и преследователю. Возвращаясь к себе уже на рассвете, он опять мобилизовал весь свой опыт и внимание — ничего подозрительного не заметил. По-видимому, ночью наблюдения за ним не было. Теперь Рокотов знал, чье задание выполнял тот красивенький хлыщ, крутившийся возле кафе на набережной, а потом тащившийся за ним всю дорогу до «Централь-Бельвю». Следить незаметно этот тип явно не умел, и Леонид, решивший после того, как его сфотографировали на вилле Кинкелей, что им заинтересовалась швейцарская полиция или контрразведка, подивился, до чего непрофессионально их агент ведет наблюдение. Наверно, новичок. Уйти от него не составляло труда, но Рокотов не стал этого делать. Пусть следят — главное, что он это знает. Все равно он обязан остаться в Лозанне.

Сообщив Фонтэну о начавшейся слежке, Рокотов решил сократить с ним контакты до минимума. А чтобы сбить противника с толку, он еще накануне завел знакомства с постояльцами «Централь-Бельвю»: с пожилым приветливым господином, оказавшимся юристом из Берна, и привлекательной молодой дамой, поселившейся в номере на том же этаже, что и Леонид. Пусть агенты гадают, кто из них его помощник. Главное — полностью изолировать от слежки Папашу.

Позавтракав в ресторане, Рокотов зашел в бар, в бильярдную, прогулялся по улице. Давешнего красавчика, которого он засек по пути от кафе к гостинице, не было. Значит, наблюдение передали другому. Если он еще не появился, то вскоре появится. Природная наблюдательность, отточенная за годы работы, почти никогда не подводила Леонида: «хвосты» за собой, если они были, он обнаруживал безошибочно. Надо постараться «наколоть» их агента, как только тот начнет наблюдение.

Около часа дня Рокотов позвонил Кинкелям. В двенадцать Вера Сергеевна должна была встретиться с курьером для получения свежей информации и теперь, очевидно, уже дома. Трубку, однако, взял «заболевший» Герберт: в университете профессор, конечно, не ездил. Леонид справился о его здоровье, Герберт поблагодарил, сказав, что чувствует себя гораздо лучше, жена вернулась из города, выполнив поручение, вечером они ждут господина Шардона, как условились. Леонид обещал быть ровно в восемь вечера. Учитывая, что подслушивающая аппаратура

на вилле не только записывает их диалог слово в слово, но и фиксирует интонации, они провели разговор в нужном ключе. Рокотов знал, что сведения, принесенные сегодня Верой Сергеевной от Хосе, уже выхолщиваются теми, кто сидит в подвале, ценная военная информация превращается в дезинформацию, и пока этому помешать нельзя. Вечером Зигфрид покажет ему уже измененный немцами текст, они оба притворятся, что все в порядке, и отправят по радио всю эту чушь в Москву. Сознать такое было горько. Одно утешало: теперь Центр знает, что его обманывают, что враг руками Зигфрида ведет с ним радиопроигру.

***

Они столкнулись лицом к лицу в холле гостиницы. Она стояла у конторки портье, подав свой паспорт и ожидая, пока служащий впишет в книгу регистрации ее фамилию. А он подошел, чтобы вручить портье ключ от своей комнаты. Они смотрели друг на друга несколько дольше, чем позволяли нормы приличия для незнакомых людей. Какие-то секунды. Потом оба отвернулись. Он направился к выходу из отеля, она протянула руку за своим паспортом.

Хильда-Сюззи задержала взгляд на мужчине потому, что сразу узнала в нем Шардона-Ришара: точная копия фотографии, лежавшей у нее в сумочке. Она прекрасно запомнила лица. Хильда успела заметить, на какой гвоздик повесил ключ портье: ключ с блестящей еще покочивался под № 83. Да, так и есть — комната господина Шардона. Без сомнения, это он! Высокий брюнет, густая шевелюра волос. Лицо худое, смуглое, темные смелые глаза. Зевнув, Хильда обернулась, как бы рассматривая холл и посетителей. Ее «объект» широким энергичным шагом пересекал вестибюль, приближаясь к выходной двери. Вот и руки — длинноватые даже для такого роста, узкие в запястьях, отметила Хильда. Да, конечно, он! Сфотографировал его Франц, правда, в другом костюме — в спецовке электромонтера, но это один и тот же человек: господин Шардон-Ришар. Хильда обрадовалась: зверь выбежал прямо на лова! Хотя в первое мгновение она испугалась: только вошла в отель, а он тут как тут — нос к носу. Мелькнула даже мысль, не следят ли за ней его люди. Пустяки, просто удар по нервам...

Внутренне возбужденная, довольная удачей, Хильда в сопровождении горничной, подхватившей с готовностью ее новенький чемодан, поднялась в лифте на третий этаж, и тут судьба одарила ее новым приятным сюрпризом. Предназначенный для нее № 80 оказался на той же стороне коридора, что и комната Шардона, почти рядом — через две двери. А когда вошла к себе и, расстворив балконные двери, выглянула, то от восхищения рассмеялась: внизу сияла под солнцем голубая чаша Женевского озера, а через два балкона от нее находился балкон ее подопечного. Нынче ей необыкновенно везет!

Отблагодарив горничную чаевыми, Хильда достала из чемодана платье, купленные сегодня, и попросила девушку как следует отутюжить. Заперев дверь, Хильда вынула из сумочки фотографию Шардона-Ришара и, убедившись, что не ошиблась, сожгла карточку на огне зажигалки. Так спокойней. Потом заказала разговор с Берном, назвав номер телефона загородного дома господина Эссена: вероятней всего, шеф еще там. Она доложит, что приступила к выполнению задания и что начало успешное. Но что-то беспокоило Хильду, словно предчувствие какой-то опасности. Она ходила по комнате с сигаретой во рту, расставляла по-своему мебель, складывала из чемодана туалетные принадлежности, примеряла новое белье, шелковый ночной халатик (пижамы она не терпела). Руки привычно делали свое дело, но прежнее ощущение радости пропало. Что же ее тревожит — ведь все идет хорошо? Ах, вот оно что! Его взгляд, когда он посмотрел на нее там, у конторки портье. Почему он посмотрел так внимательно? Что было в его глазах: вопрос, удивление? Может, я на кого-то похожа? Или понравилась? Нет, этого в его взгляде не было: Хильда безошибочно угадывала, произвела ли она

впечатление на мужчину. Допустим, он «наколот» нашего Нарцисса, когда тот шел за ним до отеля, и он сейчас насторожен. Вполне возможно. Но при чем здесь я? Он видит меня впервые! Ах, глупости! Морочу сама себя... Но тогда почему в его глазах мелькнуло удивление? Просто я напомнила ему какую-то знакомую женщину, а я воспринимаю все обостренно. Нет причин волноваться!

Так рассуждала, успокаивая себя, Хильда. Но если бы она могла знать то, о чем думал сейчас, выйдя из гостиницы, мсье Шардон, то поняла бы, что проиграла свою партию уже после первого хода. Но не по своей вине.

Рокотову же показалось, что внешность встреченной им в холле ярко окрашенной молодой особы удивительно совпадает с обликом немки, нарисованной супругой профессора. Госпожа Кинкель называла ее Магдой. По словам Веры Сергеевны, это рослая крашеная блондинка, с пышным бюстом, довольно вульгарная, косметикой пользуется сверх меры. Похожа, очень похожа... Дама явно не жительница Лозанны (объемистый чемодан, паспорт для регистрации), видимо, только что приехала. Во всяком случае, в «Централь-Бельвю» Леонид ее не видел. Конечно, может быть, это и не Магда. Разве мало высоких крашеных блондинок с дурным вкусом? Явление довольно ординарное... Почему-то у нее в глазах был испуг. Когда он подошел и она взглянула на него из-под наклеенных ресниц, в ее голубых глазах метнулся испуг. Чем мог напугать случайный мужчина незнакомую женщину? Женщины никогда меня не боялись, скорее наоборот... Посмотрела она пристально. И что-то еще было в ее глазах... Узнавание, что ли... Да! Узнавание знакомого. Вот что было! Впрочем, у меня, наверно, был такой же взгляд. Ну, я — другое дело: почувшись, скажем, что встретил близкую знакомую... бывшую любовницу, обознался... А вот она напугалась. Если это Магда и ее приставили ко мне, внезапность встречи, да к тому же лицом к лицу на миг ошеломила ее. Выдержки не хватило. Вполне... Агент она, судя по рассказу Веры Сергеевны, не из лучших: нервна, вспыльчива... Итак, нужно установить, действительно ли это Магда. Как? Ну, это не так уж сложно, если показать ее госпоже Кинкель. Если удастся... Значит, сделаю так... Познакомиться с ней, максимум внимания, ухаживать — выложиться целиком, но добится благосклонности. Погулять, повезти в город, к озеру, в ресторан. Где-нибудь там показать ее госпоже Кинкель. Только с предельной осторожностью: Магда не должна ничего заподозрить, тем паче увидеть Веру Сергеевну. Ну, а если это не Магда, — найти того, кому поручено наблюдать за мной в отеле.

***

— Что вы предпочитаете пить? — спросил он.

— Я бы предпочла в данную минуту бокал шампанского, — в тон ему, с легкой усмешкой сказала она.

Он улыбнулся.

— Вы совершенно правы. Мне надо было самому догадаться.

Они сидели в баре, куда он пригласил ее, вдвоем за маленьким столиком. От круглых крутящихся кресел у стойки она отказалась. «Не люблю, когда мне смотрят в спину», — сказала она. «Я тоже», — согласился Леонид.

Их знакомство состоялось полчаса назад. На этот раз случай благоволил мсье Шардону. Он поднимался по лестнице на свой этаж (лифт был занят), а она спускалась вниз. И вдруг споткнулась (длинный каблук туфли зацепился за ступеньку) и упала бы, не успей он поймать ее. Если бы не кровотокающая ссадина на колене, можно было подумать, что блондинка намеренно выкинула этот фортель: почти прыгнула в его объятия. На секунду она прижалась к нему телом, судорожно схватившись рукой за шею. Но ее испуг был так натурален, а стукнувшаяся о перила нога так болела, что об умысле не могло быть и речи. Господину Шардону, однако, это было на руку. Дама, хромая, едва ступала, и он, предложив помощь и

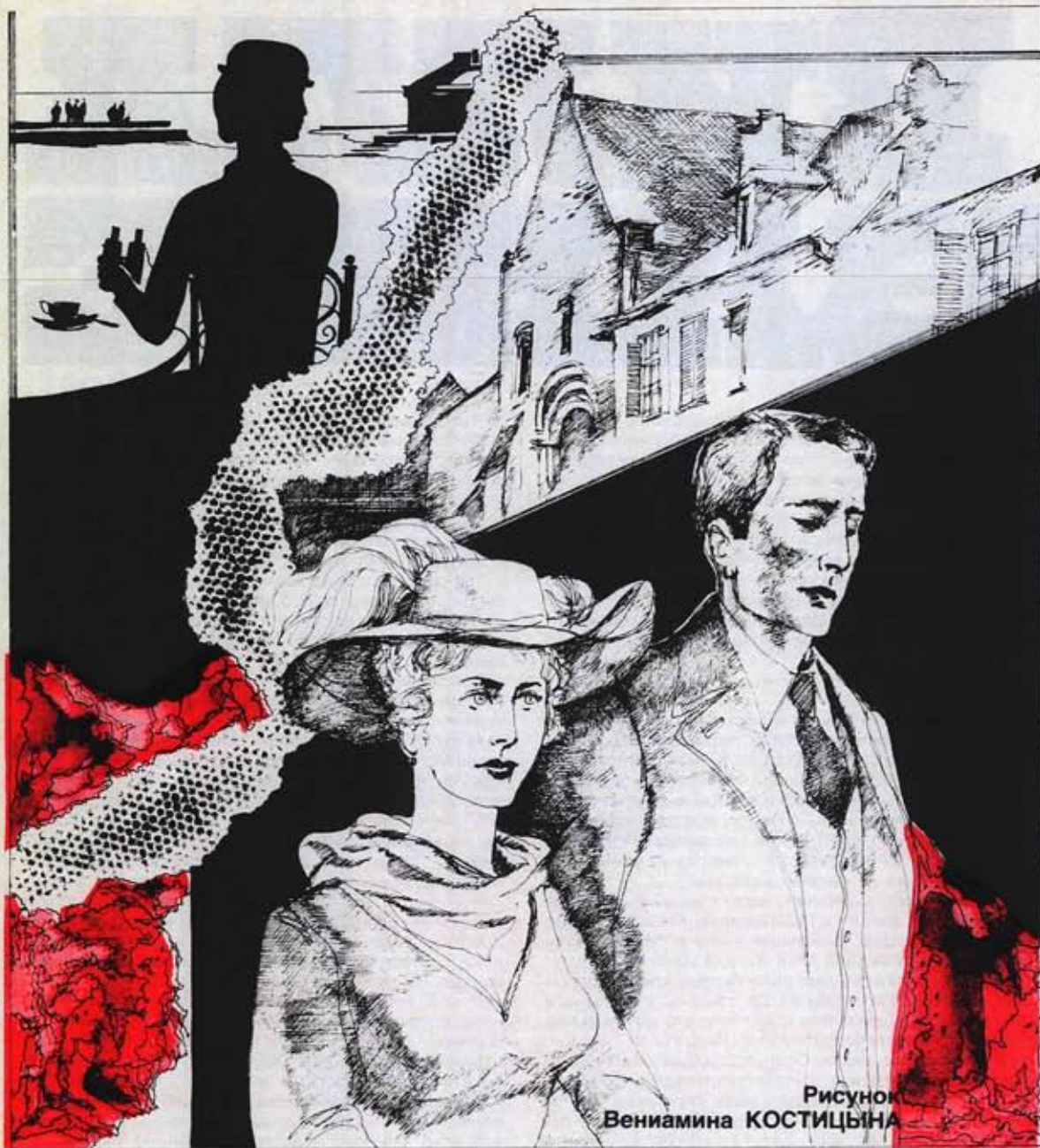

Рисунок
Вениамина КОСТИЦЫНА

крепко поддерживая ее под руку, отвел пострадавшую в медпункт отеля. Разумеется, как истинный джентльмен, он подождал, пока сестра промыла ей рану и наложила повязку. Когда молодая женщина вышла, господин спросил, не желает ли мадам снова воспользоваться его услугами — он с удовольствием выполнит любую ее просьбу. Она ответила, что хотела бы полежать, и он помог ей дойти до номера. А минут через десять в его дверь постучали. На пороге стояла улыбающаяся потерпевшая. Так они познакомились.

Искренне поблагодарив, Герда Дижон как она назвалась, посидела у него в номере, ведя разговор в том ключе, в каком проходят все разговоры желающих познакомиться людей. Она рассказала что-то о себе, он о себе. Говорили по-французски, как это принято в Лозанне и во всей французской части Швейцарии, хотя мадам Дижон не скрывает, что она немка, сказав об этом с оттенком горечи.

«Ее французский сильно хромает, особенно на мягких согласных», — отметил Леонид и сказал с веселой улыбкой на губах:

— По-моему, нам надо отметить это событие — выпить за столь счастливое ваше спасение на лестнице! Тем более что спасать пришлось такую красивую женщину!

Герда лизнула кончиком языка полные ярко-красные губы и рассмеялась.

— А вы, мсье Жан, как видно, большой поклонник женщин! Я это заметила еще у конторки портье, когда мы столкнулись с вами.

— Вы преувеличиваете мои возможности, мадам. — Он смущенно потер ладонью гладко выбритую щеку. — Я не пользуюсь успехом у женщин.

Она игриво погрозила ему пальчиком с лакированными ногтями.

— Так я вам и поверила! Такой интересный мужчина...

— Знаете, Герда, вы удивительно похожи на одну мою приятельницу, — сказал он, касаясь рукой ее руки. — Я был изумлен! Согласитесь, встречаются поразительные сходства лиц...

Болтая, они спустились в бар. Шардон вел прихра-

мывающую даму под руку, но теперь уже на правах знакомого. Мужчины в вестибюле, расступаясь, оглядывали статную голубоглазую блондинку.

В баре, наполовину уже заполненном любителями горячительных напитков, среди которых были и женщины разных возрастов, на них также сразу обратили внимание. Дамы придирчиво разглядывали туалет и драгоценности на мадам Дижон, кривили губы и усмехались, наблюдая, какой всеобщий интерес вызвало ее появление у представителей сильного пола. Два соседа, сидевших с рюмками за стойкой бара, развернув свои поворачивающиеся кресла, тупо уставились на нее осоловелыми глазками.

Они пили шампанское, стараясь не замечать взглядов подвыпивших посетителей.

— Мужчины бывают очень навязчивы, — сказала мадам Дижон, делая маленький глоток из своего бокала. — Это меня раздражает! Мой бывший супруг, хотя у него была масса недостатков, учтивый и деликатный человек. В интимных отношениях он был рыцарем. А большинство мужчин смотрят на женщину, как на скаковую лошадь! Поверите ли, мсье Шардон, стоило мне переступить порог этого отеля, как здешние ловеласы воззрились на меня такими глазами, словно я появилась перед ними голая! Как хорошо, что случай свел меня с таким приятным и предупредительным господином, как вы, мсье Жан.

— Благодарю, мадам. Мне это слышать так же приятно, как быть возле вас, — ответил Леонид.

Герда подарила ему одну из своих коронных улыбок, которые обычно действовали на избранного мужчину неотразимо. Их знакомство развивалось стремительно: они уже многое рассказали о себе. Он знал подробности ее бегства из нацистской Германии, о ее замужестве и причинах развода. Она — о его жизни во Франции и о том, что сюда, кроме некоторых коммерческих интересов, он приехал отдохнуть и полечиться. Поэтому их беседа постепенно обрела ту свободу, которую позволяют себе доверившиеся друг другу люди.

— Вы долго пробудете здесь, мсье Шардон? — спросила она с оттенком смущения, опустив вниз острые искусственные ресницы.

— Еще не знаю. Покончив с делами в Лозанне, займусь собственной персоной. Врачи, наверное, назначат лечение в какой-нибудь курортной клинике.

— И как продолжительно будет ваше лечение?

— Это зависит от курса лечения, который они сочтут нужным определить.

«Трудным будет для тебя это лечение, дорогой ты мой! — усмехнулась про себя Хильда. — Не думаю, что тебе и твоим друзьям удастся выздороветь. А жаль, честно же, жаль: такой эффектный мужчина! Мне он даже нравится. Любопытно, кто он по национальности — русский, француз? На русского вроде не похож. Лицо смуглое, глаза темно-карие, волосы черные, как у южанина. Может быть, испанец — из тех красных ублюдков?»

— Я бы хотела, чтобы курс вашего лечения затянулся, — с легким кокетливым смешком произнесла Герда. — Тогда мы смогли бы иногда видеться с вами. Здесь или в вашей клинике, или у меня, в Женеве, где угодно... Я вовсе не хочу, чтобы вы болели, но...

— Мое желание целиком совпадает с вашим, мадам. Поправлюсь я или нет, свидания с вами будут для меня наградой, поверьте!

«Эта болтовня о лечении у нее явно двусмысленная, я это чувствую, — подумал Леонид. — Так многозначительно может говорить только Магда, знающая, кто я и чем озабочен. Или я настроил себя? Впрочем, она это или не она, мне все равно нужно следовать этой версии насчет приезда для лечения. В гостинице кое-кто уже знает об этом, ну, и отлично, тем более медицинское свидетельство у меня с печатью и подписью известного лионского врача».

Когда они вышли из бара, спутница вдруг предложила: если мсье Жан располагает временем, она покажет ему прелестнейшие уголки Лозанны. Можно поехать хоть сейчас — у нее свой автомобиль. «Ну, что ж, — подумал он, — прекрасно, она сама идет мне навстречу. Это будет началом наших прогулок по городу».

— Отличная идея! — воскликнул он. — Правда, в восемь вечера у меня деловое свидание, но до этого времени я свободен. С удовольствием принимаю ваше предложение, мадам.

Обрадованная, Герда крепко сжала его руку выше локтя и потащила к лифту, чтобы переодеться в своем номере для прогулки. Пока они плыли в лифте, мадам Дижон не спускала с мсье Шардона сияющих голубых глаз, а ее высокая грудь взволнованно поднималась и опускалась, упорно касаясь его груди. «У шефа челюсть отвиснет от изумления, когда я сообщу ему, что пила шампанское и каталась на автомобиле с Шардоном-Ришаром! — с восторгом думала Герда. — Каков успех!»

Глава восьмая

Рокотов вышел из своего отеля в девятнадцать тридцать и сразу увидел лощеного молодого человека с лицом витринного манекена. «А вот и мой знакомый, — отметил Леонид. — Значит, снова наблюдение поручено ему». Этот «хвост» неумело плелся за ним вчера от кафе у озера до гостиницы «Централь-Белью». Франтик стоял на противоположной стороне улицы у газетного киоска, листая журнал. Днем, когда Леонид и мадам Дижон садились в автомобиль, чтобы ехать на прогулку, его не было. Что ж, правильно: зачем две пары глаз, коль «объект» под присмотром напарницы в ее машине? Еще одно доказательство, что крашенная блондинка их человек.

«Мне надо вести себя так, чтобы этот хлыщ видел, что я строго соблюдаю конспирацию в сношениях с Кинкелями, как будто нет никакого провала». И Леонид вошел в телефонную будку, дабы продемонстрировать перед агентом разговор с радистом из уличного автомата. А чтобы донесение «хвоста» не расходилось с записью подслушивающей аппаратуры на вилле, мсье Шардон перекинулся несколькими словами с Гербертом, подтвердив, что прибудет с визитом, как условились, ровно в восемь. Он нарочно добавил, что звонит из телефонной будки и, чтобы не опоздать, постарается взять такси. С помощью этой фразы Леонид делал два обманных трюка. Он косвенным образом убеждал противника в версии, якобы радист и его связная не знают номера его телефона и не могут позвонить ему. Во время ужина за столом мсье Шардон громко сказал, что не сообщает по понятным причинам Кинкелям, где живет, и своего номера телефона, а будет при надобности звонить Яму. А упоминание же о такси, на котором за оставшиеся полчаса до встречи можно не только успеть к Кинкелям, но и объехать всю Лозанну, поэтому машина в действительности не требовалась, давало возможность Рокотову подготовить второй обманный ход, к которому он решил прибегнуть.

Войдя в остекленную будку и набирая нужный номер, Рокотов, ощущая спиной взгляд охотника, полуиронически комментировал: «Наблюдаешь? Ну, наблюдай, наблюдай! Смотри и хорошенько запомнай все, что я делаю. — И тут вдруг вспыхнула четкая

мысль:—Стоп, стоп! Какой же я к черту профессионал, да еще доверенное лицо Центра, если не замечаю слежки и привожу за собой «хвост» к радиоквартире?! Ненатурально. Фальшиво, совсем фальшиво. Ни один дельный сыщик не поверит. А надо, чтоб верили, чтоб в каждый мой шаг они верили. Значит, как?.. Мне не нравится этот модный щеголь, который уже вторично появляется у меня за спиной. Похоже на слежку. Неважно, чей это человек — швейцарской полиции или контрразведки.— для меня и моего дела он одинаково опасен. Возможно, мне это кажется от напряжения или усталости, но я разведчик, я послан сюда с важнейшей режиссией и обязан быть максимально осторожным. Следовательно, я должен сначала непременно избавиться от «хвоста» и только потом явиться на конспиративную квартиру. Вот это будет убедительно! Значит, я хватаю такси...» —И Леонид сказал Герберту в трубку про такси,—пусть они там, в подвале, запишут на пленку, а потом «хвост» подтвердит, как «объект» заметил слежку и удрал от него в такси.

Этот тонкий ход Рокотов сыграл блестяще. Пройдя с везаппальными поворотами несколько улиц, он скончался в появившемся из-за угла такси и умчался на глазах у растерявшегося агента. Леонид отпустил машину в районе пригородных дач и дальше пошел пешком: до назначенной встречи оставалось еще пятнадцать минут, а вилла Кинкелей была рядом.

Отворить калитку вышла Вера Сергеевна. Она была спокойна, но бледна, серые прозрачные глаза устали, тени под глазами. Она слабо улыбнулась, пропуская Рокотова, и на его вопрос о здоровье ответила, что плохо спала всю ночь, кроме того, исписала с десяток страниц — подробности к рассказу о случившемся, которые ей вспомнились и которые были упущены в их переписке вчера за ужином, это дополняет общую картину и, наверное, будет полезно для господина Шардона. Леонид поблагодарил, сказав, что любая частность в этом деле может оказаться важной, и попросил госпожу Кинкель и в дальнейшем сообщать ему обо всем происходящем как можно детальной.

Шагов полтора, отделявших уличную калитку от дома, они могли говорить свободно, зная, что их никто не слышит. Они шли медленно, сберегая время, а Вера Сергеевна еще проявляла чисто женскую находчивость. Она увлеклась разведением роз, вырастить прекрасные экземпляры разных сортов. Остановившись то у одного, то у другого куста, мадам Кинкель показывала яркие крупные цветы гостю, призывая его полюбоваться их несравненной красотой и гордась плодами своего труда. Любому чужому взгляду — агентам из окна виллы или прохожему с улицы — такое поведение хозяйки не могло показаться умышленным, и они успели кое о чем поговорить открыто.

Вера Сергеевна сообщила, что полученная ею новая информация уже обработана, выхолощена Францем и отдана Герберту для зашифровки. А второй агент, по кличке Пауль, угрюмый тип с медвежьими глазами, о котором мсье Шардон тоже знает, явился откуда-то около семи утра пьяный и о чем-то ругался по-немецки со своим напарником, разбудив ее и мужа. Впрочем, нет, еще раньше их разбудил долгий звонок междугородной станции. Вера Сергеевна сняла трубку, телефонистка соединила с Берном, послышался незнакомый мужской голос и смолк: дежуривший в подвале Франц переключил телефон на себя. А уже потом, вероятно, спустя час или больше, затрещал электрический звонок в передней, и сам Франц, опередив хозяйку, открыл уличную калитку тому пьяному медведю — прежде посетителей всегда впускала Вера Сергеевна.

Это заинтересовало Рокотова, он спросил, не слышала ли госпожа Кинкель, о чем говорили агенты.

— Окна в нашей спальне были растворены, — ответила Вера Сергеевна, склонившись к розовому кусту и делая вид, что рассматривает бутоны, — но, когда они шли по саду, лаял Джозеф, слов нельзя было разобрать. А когда вошли в дом, Пауль бранился, Франц его уговаривал не шуметь и быстро затолкал в подвал, но отдельные фразы я слышала. Упомянули шефа, видимо, какого-то их начальника, называли какую-то «бабенку Сюззи», город Берн, да, да! Пауль еще сказал что-то вроде: «Этот ублюдок Ришар Шардон свое получит...» А из подвала голосов не слышно, потом они спать, видно, легли. Медведь подобный спал до середины дня. А Франц перед моим уходом за информацией, около одиннадцати, как-то подозрительно на меня поглядывал через свои золотые очки и пригрозил: если я, мол, сегодня что-нибудь выкину, то очень пожалее потом.

Войдя в дом, госпожа Кинкель нарочно громко произнесла: «Прошу вас, мсье Жан, проходите, пожалуйста, муж наверху, в кабинете», — предупреждая об осторожности тех, кто в подвале: эта игра была равно опасна для всех — для немцев потому, что ошибка поломала бы их планы.

Герберта Кинкеля Рокотов нашел в лучшем состоянии, чем накануне. Профессор продолжал симулировать болезнь и не ездил в университет, и, хотя вчера

по понятным причинам он действительно чувствовал себя плохо, испытывая душевную муку, теперь вид его внушал Леониду уверенность, что он не спусвет в начавшейся борьбе. Он не мял от волнения пальцев, как в прошлый раз, умные глаза, страдавшие и растерянные тогда, смотрели за стеклами очков спокойно и прямо. Герберт был с гостем вежлив, предупредителен, но на лице не скользило и тени улыбки. За все время свидания оно было строгим, почти суровым. Леонид понимал его: ноша была слишком тяжела, а на карту поставлено все. Впоследствии Рокотов убедился, что в этом мягком, интеллигентном человеке сокрыто большое мужество.

Пока они беседовали о делах (в пределах уже известного немцам) и Шардон просматривал якобы подлинный текст сообщений от Хосе, сетуя вслух на худосочность данных, не идущих в сравнение с зимней информацией, Вера Сергеевна, занявшись приготовлениями на кухне, изредка появлялась в кабинете, вступая в разговор мужчин, и это давало возможность ей и гостю обмениваться записками.

Леонид прочел исписанные госпожой Кинкель прошедшей ночью странички с добавлениями к уже известному ему и в некоторых подробностях обнаружил недостающие прежде звенья в цепи минувших событий. Одновременно он получил ответы на свои вопросы, которые не успел задать хозяйке по пути к дому.

«Вчера вечером, сразу после вашего ухода, мсье Жан, часов, по-моему, в одиннадцать», — писала Вера Сергеевна, — кто-то говорил по телефону с «нашими» немцами. Я не успела подойти, они быстро переключили связь на свой аппарат — в подвале, но, судя по длине звонка, вызывала междугородная. Потом, примерно через час, был обычный звонок, через городскую АТС, кроме того, звонили сослуживцы Герберта по университету, справались о его здоровье, и моя бывшая ученица, но один звонок предназначался им. Я сняла трубку и услышала женский голос — это была Магда, она извинилась за позднее время, и тут они отключили мой аппарат. После этого звонка Пауль сразу же ушел, я слышала, как хлопнула дверь и залаял Джозеф. Как вы знаете, Пауля не было всю ночь, а в семь утра он появился».

За всем этим крылось что-то важное. А чтобы понять действие противника, важно было учесть каждую мелочь, и Леонид решил поразмышлять над сцеплением всех этих звонков на виллу, уходов и приходов позднее, в гостинице. Однако ответ на следующее сообщение Веры Сергеевны он написал немедленно.

«Чуть не забыла еще одну вещь», — писала она. — Дело в том, что вчера, как раз перед вашим приходом, Герберту позвонила Магда и повторила свое прежнее предложение. Это предложение они уже делали нам до вашего приезда. За молчание и помощь в обмане Центра они обещают вернуть нам дочь сразу же после окончания радиопрограммы с Москвой. Сулят щедрое вознаграждение. Конечно, они требуют подписку о сотрудничестве. Как поступить, Жан? Ведь мы не предатели, вы это знаете. Что же делать? Словом, как вы скажете, так мы и сделаем».

Вера Сергеевна, отдав листок, сразу ушла — слишком была взволнована. Ее волнение передалось Леониду. Он стиснул челюсти. Да, хитрая задачка! Но в данной ситуации решать ее нужно однозначно. Дать подписку, дать! Объясняться с Центром будешь потом. Там поймут. Слишком важен конечный результат. Ради конечного результата... Ради жизни наших людей... Ведь Кинкели идут на все... Дать!

Он острым, летящим почерком набросал: «Герберт, согласие на предложение немцев необходимо дать. Это убедит их в вашем молчании лучше всего другого. Скажете Магде так: вы всесторонне обдумали их предложение, вы понимаете, что положение ваше безвыходное, русские, мол, теперь вам не простят двойного предательства — дезинформации Центра и обмана его представителя. — вы боитесь мести и готовы сотрудничать с ними до конца. Для убедительности торгуйтесь насчет денег — требуйте побольше, их это впечатлит. Согласие дайте завтра, а саму бумажку — подписку о сотрудничестве — только при выполнении гарантий. Это докажет им серьезность вашего шага».

Исписанный листок Рокотов положил перед Кинкелем. Тот прочел, внимательно посмотрел в глаза гостя и энергично кивнул головой.

Затем они покончили с подготовкой свежей информации для Москвы. Полученные от Хосе листки с машинописным текстом (искаженным и наново отпечатанным в подвале немцами) сложили вместе, захватив скрепкой. К ним Герберт присоединил сообщение Ришара для Центра. «Сегодня днем», — писал Леонид, — связанная имела очередную встречу со связным Хосе. Встреча прошла нормально. Просмотренная мной информация, принесенная Анжеликой, по ценности невысока, носит общий характер, полезных сведений почти не содержит. Радиохозяйство Зигфрида в полном порядке, в помощи он не нуждается. На

радиоквартире все благополучно. Считаю проверку здесь законченной. Жду дальнейших указаний. Ришар».

По инструкции Анфилова, если бы в лозаннской группе действительно все обстояло благополучно, фразу «на радиоквартире все благополучно» Ришар должен был повторить дважды. Написанная один раз, как это сделал Леонид, она означала тайный сигнал бедствия. Рокотов не сомневался, что руководство в Москве уже получило его сообщение о случившемся: при всех условиях у Папаша хватало времени отправить из Женевы радиogramму не позднее середины дня, помешать этому могли лишь поломка передатчика либо какое-то иное маловероятное событие. Поэтому сигнал бедствия, хотя и был полезен как подстраховка для предупреждения Центра, в большей степени выполнял теперь другую важную функцию: слова «все благополучно» снова убеждали агентов в подвале, а также службу радиоперехвата в Германии, имевшую шифр Герберта, что русский ревизор не обнаружил ничего подозрительного на конспиративной радиоквартире. Это давало определенный выигрыш. Через несколько часов Зигфрид свяжется с Москвой, отлучит ключом свои радиogramмы, и немцы проглотят горькую пилюлю в обманной обертке.

За ужином и гостю, и хозяйка вели оживленную беседу на разные отвлеченные темы, почти не касаясь деловых вопросов. Мсье Жан был в веселом настроении и давал понять, что не хочет серьезных разговоров. Он рассказывал всякие курьезные случаи из своей жизни, Вера Сергеевна слушала с интересом, смеялась, и даже деликатно-молчаливый Герберт несколько раз улыбнулся краешками четко очерченных губ. Сегодня Леонид действительно чувствовал духовный подъем, бодрость и старался отвлечь Кинкелей от тревожных мыслей, внушить обим уверенность в собственных силах, вернуть утраченный из-за страданий вкус к обычной жизни. И это в известной мере ему удалось, в особенности после того, как он, продолжая болтать, написал и дал им прочесть записку, где говорилось, что он известил Центр о происшедшем, предположил план действий и запросил необходимую помощь: сегодня ночью или утром он получит из Москвы инструкцию, что надлежит предпринять в первую очередь.

Герберт одобительно покивал головой, потом, посмотрев в глаза Шардона, взял карандаш и написал: «Вы полагаете, Центр поддержит нашу радиопрограмму?» «Иначе и быть не может», — черкнул Леонид. — Радиобоман немцев — ключ к нашей операции, а в Центре есть большие мастера такого дела».

И с этого момента в душах хозяина и хозяйки что-то переломилось: исчезла нервная напряженность в глазах, появилось спокойствие в жестах. Очевидно, мучившие Кинкелей сомнения в возможности вырваться из капкана уступили место надеждам, приобретающим теперь реальные очертания. Присматриваясь к супругам, Леонид про себя порадовался такой перемене, ибо период изучения противника заканчивался, приближалось время схватки, а в бою больше всего необходима уверенность в своих силах.

В течение застольной беседы Рокотов, следя за тем, чтобы хозяйка не сказала чего-нибудь лишнего, направляя разговор, перебрался записочками с госпожой Кинкель. Сообщив о том, что его персоной интересуется в отеле некая Герда Дижон, удивительно похожая, по описанию Веры Сергеевны, на немку Магду, Леонид попросил помочь ему удостовериться, верно ли его подозрение. Получив согласие, он объяснил госпоже Кинкель свой план опознания этой женщины, написал условные фразы для последующей телефонной связи с ним и предупредил, чтобы Вера Сергеевна была на месте раньше назначенного часа. «Будьте предельно осторожны», — черкнул в заключение Рокотов, — она ни в коем случае не должна вас узнать».

Проводив гостя до калитки, Вера Сергеевна вернулась в дом, и почти сразу же позвонили по телефону. Это была Магда (агенты в подвале — Пауль или Франц, — видно, известили ее об уходе гостя). Она потребовала дать ответ на сделанное утром предложение.

— Что ж, у нас нет выбора, — тихо произнесла Вера Сергеевна (голос у нее дрогнул, и для игры это было кстати). — Мы с мужем решили принять ваше предложение. Сейчас я передам ему трубку.

Она не стала больше слушать льстиво-ласково заверовавшую о чем-то Магду, позвала Герберта. Он подтвердил, что согласен, но, памятуя о советах Шардона, сказал, что у него есть ряд условий, в том числе о значительном увеличении суммы, о чем необходимо договориться заранее и иметь твердые гарантии. Взвинченным тоном победительницы Магда заверила профессора, что его условия, несомненно, будут приняты ее начальством. Она проконсультируется и завтра же с позволения дорогих хозяина и хозяйки заглянет к ним на полчаса для окончательного разговора.

Положив трубку, Герберт взглянул на свою «Омегу». Почти ночь — половина двенадцатого, время про-

неслось, как одна минута. Но до сна надо еще кое-что сделать. Вера Сергеевна занялась уборкой со стола, а профессор отправился в кабинет готовить передатчик для работы: через четверть часа начнется сеанс радиосвязи с Центром.

***

Вера Сергеевна сидела за столиком в кафе, расположенном на открытой бетонной площадке над набережной. От площадки вверх и вниз шли чередой каменные лестничные марши, по которым можно подняться на одну из лозаннских улиц или спуститься к Женевскому озеру.

Одеться Вера Сергеевна постаралась как можно малоприметней: зеленое платье бледного тона из тонкой шерсти и шляпка с опущенной на лицо вуалью.

Она покрутила муфточки окуляров принесенного гарсоном бинокля, приспособив их к своим глазам, посмотрела вдаль на горы и озеро, перевела бинокль на прогуливающих по набережной людей и убедилась в четкости изображения. Сильные линзы позволяли рассмотреть даже морщины на лицах. Теперь не прозевать появление Жана Шардона с его спутницей. Шардон должен пригласить Герду Дижон на утреннюю прогулку и привести сюда, к озеру, они позавтракают в плавающим ресторане, походят по набережной, возможно, дама захочет покататься на лодке. Если прогулка почему-либо не состоится, Жан постарается устроить ее завтра.

Вера Сергеевна отлично сознавала, что грозит ей и Шардону, всей задуманной операции, если немецкие агенты узнают, чем она тут занимается. От дома она шла лешком, осторожно проверяя, нет ли за ней «хвоста». Как бы бесцельно прогуливаясь, то останавливаясь у витрин, то забредая в магазины, госпожа Кинкель слежки не обнаруживала. В кафе она вошла одна, лишь спустя минут двадцать появились новые посетители: седой господин и девочка — оказалось, дед с внучкой. Вера Сергеевна успокоилась.

Кавалер с дамой вышли к набережной недалеко от нее, слева, и госпожа Кинкель, наведя бинокль, тотчас узнала в высоком черноволосям мужчине мсье Шардона. Светлый костюм в полоску прекрасного туалета женщины, обтянутые шелковыми чулками стройные ноги, локоны крашенных волос, крутые бедра и большая грудь, ритмично колыхающаяся в глубоком вырезе платья. Дама чрезвычайно похожа на Магду, но, чтобы окончательно удостовериться, нужно увидеть лицо.

«Ну, поверните ее, Жан, поверните, чтоб я могла рассмотреть», — твердила про себя Вера Сергеевна. — Пока я вижу только ее шляпу». И в этот миг, будто повинуясь ее просьбе, мсье Шардон, останавливаясь, мягким движением развернул свою спутницу лицом к лестнице, по которой они спустились. Магда! Без сомнения, она! В испуге госпожа Кинкель быстро опустила бинокль, сбросила на лицо вуаль. Как не стыдно, сказала она себе, от тебя ждут помощи, а ты струсила! Ей удалось погасить вспышку страха, унять волнение. Она опять поднесла к глазам бинокль.

Он хорошо ее повернул: физиономия Магды будто в двух шагах. Разукрасилась, как кукла. Что за взгляд! Влюбленные голубые очи! Но она-то знает, какие они бываю, эти глаза, жестокие и холодные глаза садистки.

Глава девятая

Время приближалось к двум — часу условленной встречи, когда Рокотов подошел к старому пятиэтажному дому с тремя подъездами и множеством квартир, которые за высокую плату сдаются внаем на длительный срок. Таких доходных домов в центре Женевы насчитывалось немало. Хосе назначил ему свидание в этой пятиэтажке. Наверное, у него здесь конспиративная квартира.

Хотя Рокотов точно знал, что за ним нет слежки, он не стал сразу заходить в подъезд, прошагал дальше, поглядывая на номера домов, пересек улицу, вернулся назад. Прохожие как прохожие: спешат, озобоченные лица, некоторые прогуливаются, просто глазуют. Но вот тот коренастый господин в спортивном костюме, уже вторично профдефилировавший по тротуару против пятиэтажного дома, похоже, неспроста здесь. Слишком профессиональный взгляд. Но это не из моих опекунов, нет, подумал Леонид, скорее это человек Хосе. Что ж, пора! Полчасика назад хозяин сказал по телефону, что ждет. Итак, средний подъезд, третий этаж. Но глядеть в оба! Если спортивный

пиджак — не человек Хосе и пойдет за мной, можно подняться выше, позвонить в любую квартиру, извиниться, сказать, что ошибся адресом. Луи — молодец, справился с делом отменно: связь с Хосе установлена.

Вчера Фонтэн, вернувшись электричкой из Женевы, позвонил ему с Лозаннского вокзала около четырех часов дня. Рокотов тотчас отправился в отель к Луи. Они заперлись с Фонтэном в его номере и тщательным образом изучили предлагаемый Центром план операции, ответы на вопросы Ришара, инструкцию по связи с Хосе и прочее, что принял на исходе минувшей ночи радист Палаши.

И весь остаток этого славного дня Рокотову везло. Навестив вечером Кинкелей, он получил подтверждение от Веры Сергеевны, что она прекрасно рассмотрела у озера его спутницу и что та не кто иной, как Магда. Леонид ни словом не обмолвился о привезенных Папашей плане контрпропаганды и инструкциях Центра. Конечно, Герберт и Вера Сергеевна будут посвящены в замысел в той мере, в какой это необходимо, но пока еще рано. Очень многое зависит теперь от результатов поездки Фонтэна, который в этот вечерний час, когда Шардон сидел в доме Кинкелей, находился на пути в Люцерн. Там Палаша должен увидеться с Хосе.

Они не сразу пришли к такому решению. В инструкции Центра подключение к операции Фонтэна разрешалось лишь при крайней необходимости. Руководство возлагало на Рокотова особую ответственность за обеспечение полной конспирации Папаша, равно как и Хосе. Луи же доказывал, что если кому-то ехать к Хосе, то только ему. Леонид колебался. Вступить в контакт с майором контрразведки Анри Бурже (Хосе) должен именно Рокотов, так как план Центра основывался на прямом взаимодействии обоих, а для этого нужно познакомиться лично и установить надежную связь. Поэтому-то московское руководство дало и пароль для связи с Хосе, и его телефоны. Но звонить из Лозанны на квартиру Бурже вряд ли разумно: разговор по междугородной линии может быть подслушан кем-то — время военное. Мало ли что покажется странным в этой беседе некоего приезжего иностранца с офицером контрразведки! Конечно, Бурже по роду службы встречается с самыми разными людьми; господин Шардон, скажем, его агент либо связной, прибывший из оккупированной Франции. И все же рисковать при первом контакте с Хосе никак нельзя. Неизвестно к тому же, как он вообще воспримет попытку Центра установить с ним личную связь — такая связь обусловлена лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Что он за человек? Не напугать бы. Нет, телефонный разговор не годится. Надо ехать к Хосе в Люцерн. Лучше всего это сделать Фонтэну: за ним нет слежки. «Ладно», — сказал наконец Леонид, — ответственность за нарушение инструкции Центра беру на себя. Поезжай!» — «И правильно», — ответил с ухмылкой Луи, — только ты не нарушай инструкцию, а действуй по обстановке. Поехать тебе — значит совершить глупость: ты под наблюдением, а я чист». Через четверть часа Фонтэн ушел на вокзал.

От Кинкелей Рокотов вернулся в гостиницу на этот раз пораньше, в десятом часу. В светлых майских сумерках где-то на поддорожке к отелю он засек за собой «хвост». Опять тот же хлыщ с личиком витринного манекена. Агентов, видно, у них негусто: могли бы заметить, ведь знают, что этого он уже «расколос». А может, не хотят раскрывать других? Действительно, было бы глупо тащить за собой «хвост» к Хосе. Ну, этого смазливого красавчика он бы крутанул, как тот раз, когда схватил у него перед носом такси. А если его дублирует второй, более ловкий агент? Никто не застрахован от ошибки.

Вернувшись из Люцерна, Фонтэн подробно рассказал о свидании с Хосе. Оказывается, Хосе привез Луи на автомобиле, высадил его, а сам отправился дальше, в Женеву. Он произвел на Луи весьма благоприятное впечатление. «Смелый, толковый парень, — попыхивая кривой трубочкой, сказал капрал, — считаю, не подведет. Тут нам с тобой повезло». Леонид с облегчением вздохнул: Луи в проницательности не откажешь. Хосе согласился — это уже половина успеха! А ведь если взвесить строго, он многим рискует, другой бы на его месте, наверное, отказался.

Едва они с Бурже встретились, Луи так и ввелся, как он выразился, глазами в лицо майора: важно было уловить самую первую реакцию. Нет, этот человек не дрогнул — ни малейшего испуга. Он просто разразился бранью на чистейшем французском (потом выяснилось, они земляки — оба из южной Франции). Бурже очень эмоционален, ругался отборными словами: поносил немцев, а заодно и своих швейцарских коллег из контрразведки. Разговор происходил в доме Бурже — отдельный коттедж, в котором живет только его семья. Взрыв гнева у хозяина погас так же мгновенно, как и вспыхнул.

Не расспрашивая подробностей, Анри начал действовать. «Время сейчас дороже всего! Об остальном, мсье, вы расскажете мне в машине, мы сейчас же едем!» — решительно бросил он, выскочил из комна-

ты и очень живо, несмотря на свою грузную комплекцию, сбежал по лестнице вниз, в гостиную. Переговорил с женой, вернулся, позвонил своему подчиненному, отдав кое-какие распоряжения, потом вывел из гаража автомобиль — все это заняло не более десяти минут. «Такой быстрый, как бильярдный шар, — усмехнулся Луи. — Динамичная натура!» Выехав за пределы Люцерна, Бурже развил скорость на пределе возможного. Автомобиль он водит как гонщик. За время пути до Лозанны они успели обо всем переговорить. Конечно, Анри очень встревожен, но не сомневается, что удастся ликвидировать немецкую группу. «Он просил не предпринимать пока ни единого шага, — сказал под конец Фонтэн. — Я его насчет этого успокоил. Теперь, Жан, ты с ним должен все обсудить в Женеве. Главное, не приведи на квартиру «хвост», а там его люди, он сказал, будут страховать тебя».

***

В прихожей горело бра, но после яркого уличного света помещение казалось полутемным, а лица виделись смутно. Отворивший дверь рослый парень, отступив назад, молча смотрел на гостя.

— Вы ко мне, мсье? — Низенький толстый человек быстрыми шагами шел к Рокотову по коридору.

Леонид сказал пароль. Хозяин взмахнул короткими ручками.

— Очень, очень рад, прошу, мсье, прошу, проходите! — Толстячок крепко стиснул гостю руку и тотчас подхватил под локоть, потянув за собой. — Мы знакомы, правда, заочно, рад, очень, очень... Ваше посещение делает мне честь, прошу, прошу... — Он улыбался, блестя зубами, держась за согнутый локоть Рокотова и лукаво поглядывая снизу ему в лицо. Хозяин был импульсивен, необычайно подвижен. Его круглое, грузное тело словно каталось на маленьких ножках. Леонид улыбнулся, вспомнив слова Луи: «Действительно как бильярдный шар». Увлекаемый крепкой рукой толстяка, гость в два счета очутился в мягком кресле посреди просторной гостиной с наглухо зашторенными окнами. Бурже галантным жестом подкатил к самым его коленям сервированный столик с разной снедью и бутылками, молвив: «Прошу прощения, мсье», — и исчез, бесшумно скользнув по толстому ковру. Рокотов услышал, как хлопнула в коридоре входная дверь, и Бурже тотчас вернулся, сияя крупными белыми зубами. «Он отпустил агента, это правильно, — с одобрением отметил Леонид. — Значит, мы одни, можно говорить свободно».

Хозяин стоял в дверях гостиной, оперев кулаки в бока, молча весело улыбался и разглядывал гостя с откровенным любопытством. Леонид тоже улыбнулся: этот толстяк нравился ему.

— О, прошу прощения, мсье, — будто спохватившись, воскликнул хозяин дома, — мы так давно не виделись, что я уже забыл ваше имя!

В самой этой шутке и в произношении слов было столько чисто французского, что Рокотов с удовольствием подыграл:

— Увы, мсье, безжалостное время не щадит нашей памяти. Но я все-таки помню свое имя и могу вам твердо сказать — меня зовут Жан Шардон, так значится и в моем паспорте.

Толстяк хлопнул себя по бедрам и захохотал. Одним махом сбросив с себя пиджак на спинку кресла, он подскокил к гостю, протягивая для рукопожатия обе руки. В белой сорочке и брюках с подтяжками он выглядел еще более круглым, чем в пиджаке.

— Превосходно! Рад, коллега, очень, очень!.. Будем знакомы: Анри Бурже. А вы, значит, Жан Шардон — как в паспорте! Рад, очень, очень...

Смех у него был легкий, приятный. Блестели плотные зубы, черные с крупными белками глаза. «Какой заразительно веселый человек!» Леонид невольно улыбался, разглядывая хозяина. Он очень походил на цыгана: черная, с блеском, копна волос, брови тоже черные, толстые, даже коротким мускулистыми руками до пальцев густо заросли черным волосом. «Видно, большой любитель Бахуса и чревоугодник», — подумал Рокотов, наблюдая за подвижным толстячком с красными щеками и мясистым носом в лиловых капиллярах, который, подтянув рукава рубахи до локтей, словно катался туда и обратно по толстому ковру, что-то резал еще и размещал на столике, где уже почти не было места от обильной снеди. «Прошу прощения, мсье, — приговаривал хозяин, — еще минутку, минутку...» Ему явно доставляло удовольствие этим заниматься. А угощения были столь аппетитными, свежими и изысканными, что у Леонида выступила слюна во рту: черная икра и сардины, ломтики розовой ветчины и жареной телятины, форель в стрелках зеленого лука, маслины, дольки лимона, ноздреватый швейцарский сыр, брусок желтого сливочного масла... По военному времени царский стол!

Продолжение следует.

27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПЕРЕДАЙ
ХОД ПРОТИВНИКУ!

Ввиду крайней ограниченности шахматного материала в задачах-миниатурах вероятность достижения цели с помощью цугцванга весьма значительна. Напоминаем, что **цугцванг** — такое положение, при котором у одной из сторон (или у обеих) нет полезных ходов и любой ход ведет к решающему ослаблению позиции. Если при анализе начального положения вы не находите угрозы, приводящей в движение механизм задачи, следует искать позицию цугцванга у черных фигур. Эффектны задачи, в решении которых содержится промежуточные позиции взаимного цугцванга: черные спасаются благодаря тому, что в критической позиции очередь хода за белыми. Постарайтесь обойти подобные рифы в некоторых сегодняшних заданиях.

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «27-я шахматная олимпиада. 4-й тур». В заданиях сегодняшнего тура следует

указать все ходы решения. Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 15 апреля.

Четвертый тур

Белые: Kрд5, Cf5, Kh3, п. h2 (4)
Черные: Kрh4, пп. h6, h7 (3)
Мат в 4 хода (4 балла)

Белые: Kрb3, Фf3, Cf6, п. e6 (4)
Черные: Kрс5, п. d6 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

Белые: Kрд5, Cf5, Kh3, п. h2 (4)
Черные: Kрh4, пп. h6, h7 (3)
Мат в 4 хода (4 балла)

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

«ХОЧУ СЫГРАТЬ
С ГАНТВАРГОМ!»

Слова, вынесенные в заголовок, довольно часто встречаются в письмах наших читателей. Велика честь для любителя помериться силами с известным шашкистом.

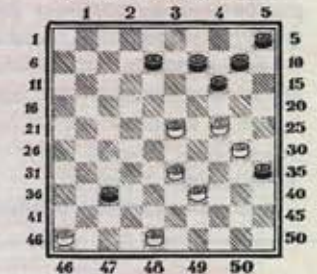
тем более с чемпионом мира. Каждый лелеет мечту получить и хранить бланк записанной — своей! — партии с автографом знаменитого гроссмейстера. Но как стать его соперником? С этим вопросом мы обратились к заведующему лекционным бюро Центрального шахматного клуба СССР Владимиру Евгеньевичу Дроздову.

Лекционное бюро Центрального шахматного клуба СССР получает множество просьб организовать такие встречи. Гроссмейстеров и мастеров ждут всюду. Достаточно лишь прислать заявку. Письмо-заявка отправляется на имя директора Центрального шахматного клуба СССР по адресу: 121019, Москва, Гоголевский бульвар, 14. Текст ее примерно такой: «Приглашаем гроссмейстера... (в данном случае Гантварга) выступить с лекцией и сеансом одновременной игры в шашки. Оплату гарантируем». Заявка должна быть подписана руководителем предприятия и главным бухгалтером и заверена печатью. Когда заявка поступает в лекционное бюро Центрального шахматного клуба, ее работники согласовывают время выступления с гроссмейстером и выписывают счет организации, пригласившей гроссмейстера. После выполнения всех необходимых формальностей ваш коллектив встречает чемпиона.

Любителям шашечной игры, инструкторам-общественникам, коллективу физкультуры к таким мероприятиям следует готовиться заранее. Желательно подготовить демонстрационную доску, на которой гроссмейстер продемонстрирует лучшие свои партии, комбинации, бланки для записи партий в

сеансе одновременной игры, одновременно договориться с фотографом — ведь многим захочется иметь на память снимок с чемпионом да еще за шашечной доской. Это позволит провести встречу с чемпионом в праздничной атмосфере. Все зависит от вас, уважаемые любители шашечной игры.

Четвертый тур Е. Ткаченко, Днепрпетровский. Публикуется впервые.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 4 балла).

Последний срок отправления ответов — 15 апреля (по почтовому штемпелю).

ПОДПИСКА
НА «СМЕНУ»
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА НАШ ЖУРНАЛ В ТЕЧЕНИЕ 1985 ГОДА, ТО МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ В ЛЮБОМ ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ, В АГЕНТСТВЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» ДО 1-ГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА (НАПРИМЕР, В ТЕЧЕНИЕ МАРТА ДО 1 АПРЕЛЯ — НА МАЙ И ДАЛЕЕ).

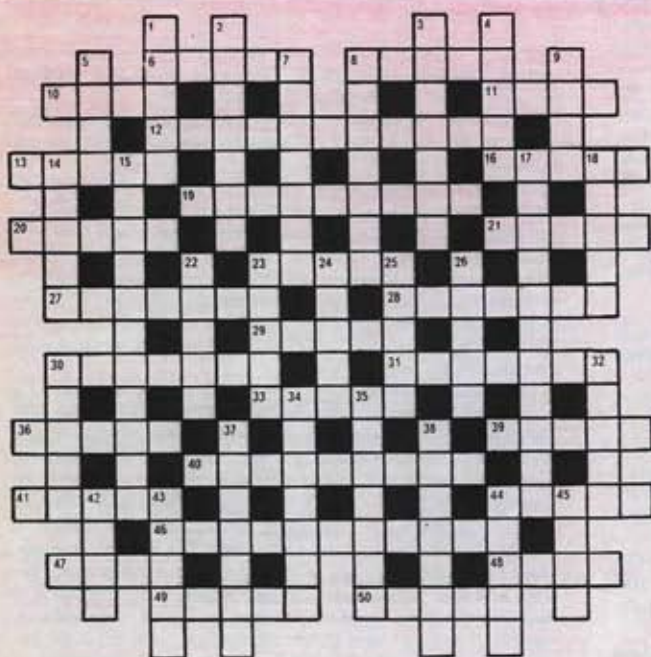
Подписка проводится свободно, без ограничений.

Цена номера 35 копеек.

Не забудьте при этом, что «Смена» выходит два раза в месяц.

К Р О С С В О Р Д

Составила
В. ЖАВОРОНKOBA,
Москва

По горизонтали:

6. Упрямство, характер с причудами. 8. Советский график, автор серии рисунков «О детях». 10. Порт на юге Кореи. 11. Герой нескольких романов Ж. Верна. 12. Светолечение. 13. Горнопромышленное предприятие. 16. Минерал, одна из разновидностей которого хрусталь. 19. Картина, которую П. М. Третьяков купил для своей галереи самой первой. 20. Плотницкий измерительный инструмент. 21. Мечта. 23. Большое ведро в старых колодцах. 27. Надпись на монете. 28. Бахвал. 29. Река в Бирме. 30. Народное празднество. 31. Сладкая настойка на фруктах, ягодах. 33. Объединение промышленных предприятий. 36. Вид ювелирной техники. 39. Коренное население автономной республики. 40. Полудрагоценный камень. 41. Японское трехстишие из 17 слогов. 44. Советский певец-бас. 46. Врач. 47. Кровельный материал. 48. Бревенчатый крестьянский дом. 49. Каменотес в романе Ж. Санд «Нанон». 50. Полная ответственность на землю в средневековой Европе.

По вертикали:

1. Героиня оперы Л. Яначека «Ее падчерица». 2. Энергичное возражение. 3. Сомневающийся человек. 4. Заросли берегового кустарника. 5. Популярный сорт картофеля. 7. Приток Волги. 8. Дикий абрикос. 9. Северное название белого медведя. 14. Смазочное масло. 15. Геометрическая фигура. 17. Автор оперы «Аскольдова могила». 18. Смысл, довод. 22. Одна из богинь в римской мифологии. 23. Вид искусства. 24. Французский график, живописец и скульптор XIX века. 25. Старинное название рубина и сапфира. 26. Болотная птица. 30. Хохлатая американская птица, объект охоты. 32. Комическая цирковая сценка. 34. Возвышенность на границе СССР и Польши. 35. Музыкальный интервал. 37. Американский писатель-реалист. 38. Персонаж оперы Д. Верди «Риголетто». 42. Канцелярский товар. 43. Китайский финик. 44. Щит Зевса в греческой мифологии. 45. Морское волнение в безветренную погоду.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

5. «Весна». 6. Рознь. 8. Речитив. 11. Цукат. 12. Вихрь. 14. Голубок. 17. Полигон. 18. Картинг. 20. Могар. 22. Тафта. 23. Сероулерод. 25. Контакт. 26. Зубатка. 27. Борозда. 28. Дворжак. 31. Лактоза. 33. Помяловский. 34. Чабан. 36. Округ. 37. Капитан. 39. Поганка. 40. Метоп. 41. Жерех. 43. Эрбий. 44. Тектоника. 45. Зеено. 46. «Егерь».

По вертикали:

1. Эстет. 2. Баритон. 3. Аргмак. 4. Извив. 7. Фурор. 8. Раритет. 9. Виртуоз. 10. Фронт. 13. Якопо. 14. «Головотяпам». 15. Калейдоскоп. 16. Щиток. 17. Пастернак. 19. Галлактика. 21. Агроном. 23. Скрап. 24. Дунай. 29. Вуаль. 30. Комитет. 31. Литавра. 32. Зазумь. 35. Навес. 36. Оксид. 38. Нейтрон. 39. Пойнтер. 42. Хедер. 43. Эклер.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.01.85. Подписано к печати 18.01.85. А 04511. Формат 70×108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. №348. Заказ №28. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125665, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Письмом Сергея Микулика, опубликованным в №17 «Смены» за 1984 год, редакция начала разговор о футбольных фанатах, точнее, о том нездоровом ажиотаже, который создают вокруг футбола и некоторых команд псевдоболельщики.

Тема вызвала сотни читателей на откровенность. Редакция получила немало писем, авторы которых высказывают свое отношение к появлению на зрительских трибунах одетых в цвета «своего» клуба молодых людей и к их вызывающему поведению. Однако болельщик болельщику рознь. Об этом тоже пишут наши корреспонденты. Волнует людей и состояние зрительской культуры на стадионе и вне его.

Мнения читателей неоднозначны. В этом легко убедиться, прочитав предлагаемую подборку.

«НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО!»

Не понимаем, кому мешают шарфы цветов любимых команд или значки с эмблемами спортивных клубов? Что в этом предосудительного? В Ленинграде или в Минске болельщики имеют право появляться на стадионе с соответствующей атрибутикой в одежде. А в других местах это вызывает косые взгляды, а то и запрет.

Алексей Киселев, Николай Нестеров,
Москва.

Мой стаж болельщика уже 40 лет. Я приверженец московского «Динамо». Команда доставляет мне немало радости, немало и огорчений. Что ж, спорт есть спорт. Но истинный болельщик никогда не позволит себе оскорбить спортсменов грубым возгласом. Настоящий болельщик — оптимист, воспитанный человек. Но это не значит, что на матче, глубоко тебя волнующем, следует сидеть тихо, как мышь. Нужно, порой очень нужно выплеснуть эмоции, конечно же, в корректной форме. Такова специфика стадиона, атмосфера самого зрелища.

Упомяну о матче, где благодаря действиям сотрудников милиции царил гробовая тишина на трибунах. Зато было хорошо слышно, как ругаются сами игроки, да и тренеры тоже.

Думаю, что жесткая опека болельщиков ни к чему не приведет.

О дебоширах на стадионах, а их заметить несложно, скажу так: их надо не только удалять с трибун, но и судить в соответствии с существующими законами о мелком хулиганстве.

Евгений Стариков,
бригадир электриков, Киржач.

Подавляющее большинство постоянных посетителей стадионов действительно любят футбол. И отличить хулигана от истинного болельщика легко. Считаю, что дать решительный отпор авторам безобразий на стадионе должны сами же болельщики.

Алексей Сергеев,
Ленинград.

Полностью согласен с тем, что нужно силами общественности, милиции пресекать любые хулиганские выходки как на стадионе, так и за его пределами, вплоть до того, что выводить с трибун нарушителей порядка.

Но если люди, одетые в майки и футболки цветов своей команды, дружно, организованно скандируют приветствие любимому коллективу, за это клеймить их позором просто абсурдно. Когда играет моя команда, я, наверное, превращаюсь в того самого «фаната», но не помню случая, чтобы от меня и моих товарищей шарахались в испуге болельщики или прохожие.

Михаил Ефремов, 20 лет.

Вспоминаю годы, когда в московских Лужниках работал клуб любителей футбола. Десять лет я был его активным членом. Мы устраивали встречи с тренерами, спортсменами, радиокомментаторами. К сожалению, все это в прошлом. Сейчас образовался своеобразный вакуум, разделяющий игроков и любителей спорта. И этот вакуум заполняется фанатами, любителями выпить. Причем надо сказать откровенно, что остальные болельщики не всегда урезонивают дебоширов, предпочитая терпеливо сносить их выходки. А ведь нас, людей,

которым по-настоящему дорог спорт, большинство. И мы сами сможем навести должный порядок на стадионах да и за их пределами.

Рафик Оганян,
Москва.

«А МЫ ЗА КЛУБЫ!»

Да, после игры фанаты и просто любители футбола собираются возле стадиона. Спорт, выдают свои прогнозы на очередную игру, обсуждают достоинства игроков. Конечно, улица не лучшее место для подобных сборищ. Но другого-то места нет. Короче, нужен футбольный клуб, где люди могли бы спокойно говорить о том, что их волнует, членством в котором они бы дорожили. Убедена, хулиганам вход в такой клуб будет закрыт настоящими болельщиками.

Галина Прибой, студентка,
Харьков.

Действительно, фанаты мешают футболу. Но давайте задумаемся, что порождает фанатизм? Мне кажется, дефицит общения футболистов и болельщиков.

Я не кричу на стадионах, но увлеченно собираю вырезки об игре «Спартак», фотографии игроков. Их в Краснодаре достать очень и очень трудно. Часто можно прочесть в газетах и журналах интервью с футболистами. Но речь идет преимущественно об игровых моментах, о футболе как таковом. А как хочется узнать, что думают спортсмены о жизни, что их интересует за рамками спорта, что они читают. Я предлагаю журналистам почаще спрашивать об этом игроков, тех, кто признан читателями и специалистами лучшим и достойнейшим.

Но кардинальное решение проблемы — клубы любителей футбола. Надо обсудить возможности их создания, их статус, диапазон общественного воздействия.

Алла Коотикова, студентка,
Краснодар.

Мне кажется, что нет ничего предосудительного в том, что фанаты собираются вместе на трибунах. Главное — зачем собираются. Если ради сомнительного удовольствия распить бутылку «борнотухи» — это плохо, если ради того, чтобы обменяться мнениями, футбольными табличками, фотографиями спортивных кумиров, — как говорится, на здоровье. Впрочем, если бы были футбольные клубы или хотя бы секции болельщиков, допустим, при ДК, трибуны не становились бы местом околосоportного общения.

Д. Борухов, учащийся техникума.

«ВОСПИТЫВАТЬ ЗРИТЕЛЕЙ»

Уже длительное время я читаю курс психологии спорта на факультете физического воспитания в пединституте. В лекциях, на лабораторных занятиях мы не только обсуждаем психологические аспек-

ты технической и морально-волевой подготовки в футболе, тактику игры, качество судейства, но и обязательно поведение зрителей.

Очень важно, чтобы учитель физического воспитания в общеобразовательной школе стремился не только показать своим питомцам красоту и психологические особенности различных спортивных дисциплин (этому мы специально учим студентов), но и старался воспитать в подростке культуру поведения на наших стадионах.

В равной степени это относится к занятиям факультативов, работе детско-юношеских спортивных школ, спортивных интернатов, ПТУ и техникумов, спортивных обществ.

Надо признать, что мы упускаем работу с родителями. В беседах классных руководителей, в родительских собраниях почти не говорят о том, что родители вместе со своими детьми должны бывать на стадионах, делить с ними радость захватывающего спортивного зрелища, воспитывать в детях зрительскую культуру.

К сожалению, на футбольных матчах нередки факты грубой игры спортсменов. Известно, что агрессивное поведение спортсменов или неточные действия арбитров на футбольном поле нередко повышали и агрессивность некоторой части зрителей.

Вот почему одно из важных условий нормальной обстановки на стадионе — целенаправленная и систематическая воспитательная работа в футбольной команде, где культивируется чувство уважения к сопернику, уважение к зрителям.

Семен Равикович, старший преподаватель кафедры психологии Ворошиловградского педагогического института имени Т. Г. Шевченко.

«ЕСЛИ НАЧИСТОТУ...»

За московский «Спартак» я болею семь лет, а сейчас мне уже восемнадцать. За это время я увидел, узнал и испытал немало. Если начистоту, то

УТОЧНИЛИ ДИАГНОЗ

автор письма «Диагноз: фанат» попал в самую точку давно наболелшей темы.

Расскажу немного о себе. Вы только не подумайте, это не исповедь, а скорее история одного из бывших фанатов.

На свой первый матч я попал в яркий, солнечный день. Мне было тогда одиннадцать лет. Как сейчас помню: забитые до отказа трибуны, в основном это были молодежь, одетая в красно-белые майки. Тогда я еще не понимал, зачем болельщики кричат, размахивают флагами, выбивают чечетку. Постепенно, от матча к матчу, я начал втягиваться в эту атмосферу и сам не заметил, как стал поклонником московского «Спартак».

Мои родители мне говорили: «Вот ты болеешь за «Спартак» только потому, что он сейчас занимает лидирующее положение, а когда он будет проигрывать, то ты перестанешь за него болеть». Но этого не произошло. Я остался верным своей команде до конца. Ездил на матчи в другие города — Минск, Киев, Ленинград, Тбилиси. Появились у меня и «спартакосские» атрибуты — красно-белый шарф, шапка, флаг, значки и многое другое. Я вырос, рос и стаж любви к клубу. Были и потасовки с болельщиками других команд, были поездки в другие города, когда садился в поезд или на самолет под песня и речевки. Были и пресловутая трибуна «Б» сектор «19», и ряд что повыше. Были и приходы в отделение милиции. И вот настал день, когда меня за мои «подвиги» поставили в милицию на учет. Вот здесь я и приздумался.

Я по-прежнему продолжал болеть за свой любимый клуб, но уже по-другому. Я понял, что криком своей команде не поможешь...

И вот это письмо в журнале. В письме есть горькая доля правды. Я никого не хочу защищать и тем более выгораживать. Но ведь всегда легче написать статью, чем заглянуть в душу ребят. Они не такие уж плохие, какими могут показаться с первого взгляда. У каждого свой характер, свои интересы, своя личная жизнь. Но их пыл нужно направить в правильное русло, вот тогда из этих ребят выйдет толк.

Да, создаются клубы болельщиков, где можно сообща обсудить то, что волнует молодежь, но этих клубов так мало, что приходится всю свою преданность команде выплескивать на трибунах стадиона, на улицах города, в метро и даже на стенах домов.

Вот взять, к примеру, наш район, Чертаново. У нас о таких клубах и не слышали, и результат налицо: всюду, где только можно, намалевана символика различных команд.

Энергии у молодых — через край! Куда ее деть? Нашли ребята коробочку для хоккея, так жэк ее быстро ликвидировал под предлогом, что здесь ей не место. И как взрослые не могут понять, что без них, без их помощи ребятам худо?

Почему, скажем, не создать клуб болельщиков у нас в Чертаново? Как приятно будет ребятам, когда к ним в гости придут их любимые игроки, их кумиры! Ведь можно же устраивать такие встречи, да и не только встречи. Радостно было видеть, как однажды в Москву приехали болельщики «Шахтера». Организовано, на автобусах, у них не было проблем с жильем, как у наших ребят, которые по своей инициативе приезжали как-то в Тбилиси. В самом деле, если учесть интересы молодежи, подхватить их, то, думаю, интерес части болельщиков мог бы вылиться в организованный туризм, в поездки в новые города с посещением не только спортивных зрелищ...

Болельщик «Спартака» Слава К., Москва.

ШЕ НОВА

«НЕТ, МЫ
НАСТОЯЩИЕ БОЛЕЛЬЩИКИ»

Среди моих учеников (я веду в школе русский язык) немало фанатов футбола, то есть ярых его приверженцев. Но они не похожи на тех, кого описывает С. Миклулик. Да, они сохраняют в одежде цвета своей команды, но не более того. Ребята дружно ходят на матчи, любят поговорить о футболе, знают его. И я не могу их не уважать. Потому что в жизни вне спорта они интересные собеседники, гармонично развитые люди, честные и добрые.

Считаю, что их «болезнь» — продукт правильно организованной пропаганды спорта. На мой взгляд, пусть «болеют», пусть спорят, ходят на стадионы. Во-первых, это помогает многим найти себя в спорте; во-вторых, лучший стадион, чем сомнительная компания и вышивки.

Благодаря моим фанатам я тоже приуныл к футболу. А моя сестра увлеклась им не на шутку. Когда Гаврилов не реализовал пенальти в игре с «Андерлехтом», у восемнадцатилетней девушки случился сердечный приступ. Вот ведь какие страсти!

Н. Астахова, 26 лет, Туапсе.

Для Сергея Миклулика фанат — синоним хулигана. А для меня — преданности своему клубу, команде. Общался ли С. Миклулик с настоящими болельщиками? Не с разнузданными юнцами, а с нормальными, дисциплинированными ребятами, прекрасно разбирающимися в футболе.

Среди моих друзей много образованных, начитанных людей, для которых футбол — серьезное увлечение. Да, мы иногда кричим на стадионе, переживая за свой «Зенит». Но это естественно, можно ли равнодушно принимать игру?! Причем ничего плохого от нас услышать нельзя. Мы сами не допускаем, чтобы кто-то рядом оскорбил судей или игроков.

С. Миклулик справедливо замечает, что после игры фанаты собираются вместе. Да, собираемся. Но что в этом дурного? Хочется, пока страсти не остыли, поговорить о футболе, поспорить...

Ольга Русакова, Ленинград.

Откуда у фанатов берутся деньги для поездок на футбольные матчи в другие города? Я тоже болельщик. Когда учился в СПТУ, вечерами подрабатывал, чтобы собрать средства на билеты. Вот откуда деньги. Считаю, что настоящий болельщик обязан поддерживать свою команду, когда она играет на выезде.

И еще. Стадион не театр, где нужно сидеть, затравив дыхание. Футбол — игра эмоциональная, темпераментная. Она вызывает соответствующую реакцию у зрителей. Кстати, в театре, если актер талантливо исполняет свою роль, зрители тоже выражают свое одобрение не всегда одними аплодисментами.

Александр Левченко, Чита.

Фанаты — истинные поклонники футбола, искренние в тонкостях игры, многие и сами неплохие спортсмены. Думается, пора перестать бичевать фанатов позором, сваливать их в одну кучу с хулиганами. Решение проблемы простое — надо дать возможность нам, молодым болельщикам, создать свои клубы, где мы могли бы свободно обсуждать футбольные новости, встречаться с любимыми игроками.

Саша Л., Барнаул.

Почему бы болельщику не выплеснуть свои эмоции на стадионе? Тогда удастся избежать эксцессов на улицах после матча. Болельщик идет на матч, чтобы в кругу единомышленников поддержать своих любимцев, сделать что-то для победы своей команды. И, поверьте, многие фанаты разбираются в футболе. И любят его. В любую погоду они приходят на игру, предпочитая мокнуть под дождем, мерзнуть на трибунах, нежели спокойно сидеть у телевизоров.

Николай Смирнов, рабочий, Москва.

«ОНИ ПОДРЫВАЮТ АВТОРИТЕТ СПОРТА»

Я не фанат, хотя горячо болею за «Спартак». И не только болею, а и сама активная спортсменка. Было время, когда я носила на шее красно-белый шарфик. Теперь ограничиваюсь значком с эмблемой клуба. Считаю, что честь болельщицы «Спартака» и самой команды надо поддерживать не только на стадионах, но и вне их. Мне, например, стыдно сидеть в автобусе, если рядом стоит пожилой человек. Что он обо мне подумает, увидев на моей груди к тому же значок «Спартака»!

Деятельность фанатов из рода хулиганов мне чужда. Не понимаю, зачем им нужно устраивать дебоши на стадионах, выпивать (бывает и такое)? Ведь они подрывают авторитет спорта, наносят ему моральный урон.

Как остановить фанатов? Я думаю, что сделать это можно. Нужно почаще организовывать выступления наиболее известных спортсменов (таких, как Дасаев, Черепков, Родионов, Крутов, Макаров, Ларионов, Тарханов, и других) по телевидению, в кинотеатрах, клубах, школах. Пройдет нездоровый азимотаж вокруг имен этих игроков. К тому же сами спортсмены помогут и деликатно унять фанатов из числа наиболее агрессивных молодых людей, растолковав им, что такого рода «болезнем» они вовсе не помогают команде.

Юлия П., 15 лет, Москва.

Сам я тоже когда-то был фанатом. Но вовремя, как говорится, остановился. Увидел, что к нам все больше привыкло людей, не дорожащих спортом, находивших удовольствие в хулиганстве на стадионах. Они-то и подорвали авторитет настоящих болельщиков. Чтобы свить проблему спортивного фанатизма как таковую, считаю, что нужно создать клубы болельщиков и вести строгий учет членов этих клубов. Правильно было бы доверить наблюдение за порядком на стадионах самим фанатам, но не хулиганам из их числа. К последним применить самые строгие меры административного воздействия, лишить членства в клубе.

Петр Клиничук, Ярославль.

Фанаты своим присутствием и выходами на стадионах не только не помогают команде, а, наоборот, мешают. Из-за визга, шума и грохота игроки на поле не всегда могут расслышать друг друга, до них не доходит и советы тренеров. Фанаты оскорбляют

судей, игроков, тренеров. Им не место на футбольных трибунах.

Считающие себя избранными, элитой спорта, фанаты скорее похожи на футбольных «поганок», обильно разросшихся на трибунах.

Владимир Маркин, Калуга.

Мне 22 года. Футболом я «заболел» давно, хожу почти на все матчи высшей лиги. Каждая игра для меня праздник. Фанаты появились в нашем городе года два назад, ребята с яркими бело-голубыми шарфами и шапочками — безобидными, казалось бы, свидетельствами своей приверженности футболу. Однако ведут себя они по отношению к основной массе зрителей в высшей степени высокомерно, вызывающе. Синхронное хлопанье в ладоши смениется душераздирающими воплями, что, конечно, мешает наблюдать игру остальным. Кстати, работники милиции реагируют на это очень пассивно.

Согласен с теми, кто считает, что многие из этой публики плохо разбираются в футболе, в деталях игры. Объединяет фанатов слепое поклонение своим фаворитам. А за ним — душевная пустота. Я был однажды свидетелем даже шутовского шествия в честь победы футбольного клуба. Стоит ли после этого удивляться столь «безобидным» явлениям, как надписи на стенах домов?!

Обидно, что фанаты забывают о том, что футбол — спортивное искусство, которое должно приносить радость не только им одним, но и всем людям.

В. Рогач, Минск.

Контакт между зрителем и футболистами во время игры необходим. Я имею в виду контакт доброжелательный, духовный. А фанаты, которые бьют удичные фонари, расквашивают автобусы, бросают бутылки... Поверьте нам, это элементарные хулиганы.

Светлана Акимова, Светлана Сайкина,
Светлана Басова,
Московская область.

Живу и учусь в Днепропетровске. Дело было в 1983 году, когда «Спартак» и «Днепр» играли у нас. В ходе матча и после него фанаты вели себя по отношению к игрокам «Спартака» оскорбительно. После игры устроили шествие, размахивали дюзингами с виршиками собственного сочинения, которые воспроизводят велью. Честное слово, обидно за наш спорт, за его почитателей, к которым причисляют себя и фанаты.

Яна Кириленко, Днепропетровск.

ОТ РЕДАКЦИИ. Из опубликованных писем, которые составляют лишь небольшую часть поступившей в редакцию почты, ясно, что читательский интерес к теме «фанаты» достаточно высок. Ясно и то, что многие наболевшие вопросы могут быть решены с созданием футбольных зрительских клубов, которые объединили бы болельщиков в их увлечении любимым видом спорта. Редакция намерена в одном из ближайших номеров рассказать о таком клубе и опыте его работы.

Так называемых фанатов можно организовать, тогда пройдет нездоровый азимотаж вокруг спортивных кумиров, истинные болельщики смогут гласно обсуждать волнующие их проблемы. И, наконец, «болезнь» избавится от уродливых, вызывающих справедливый гнев зрителей форм.

Несомненно одно — популярность футбола как зрелища, как вида спорта велика. В этом заслуга и отечественной футбольной школы. Однако ясно и другое: далеко не всегда любители спорта могут услышать «живой» голос своих кумиров, получить ответ на интересующие их вопросы, как говорится, из первых рук.

Наш клуб «Надежда» предлагает свою помощь многочисленным болельщикам. Мы намерены сделать его связующим звеном между вами, уважаемые читатели и любители спорта, и игроками, тренерами, специалистами. Пишите нам, что бы вы хотели узнать о клубах — лидерах советского футбола, прославленных игроках или их наставниках. Ваши вопросы будут незамедлительно переданы корреспондентами журнала адресатам.

Итак, ждем писем. На конверте не забудьте пометить: «Клуб «Надежда».

Фото Анатолия БОЧИНИНА

*Спор начинается с самопреодоления.
Целью в себе на войне, ты войдешь,
на что способен в жизни.*
Зимятов

Хотите помериться силами с «королем лыж» — четырехкратным олимпийским чемпионом Николаем Зимятовым? Приезжайте в первое воскресенье апреля в деревню Головино Истринского района Московской области. Здесь, в поросших лесом оврагах, где снег держится дольше, чем в иных местах, проходит весенняя «лыжня Зимятова». Стартуют все желающие. Обычно в этих соревнованиях участвует и сам Зимятов. А затем он же награждает победителей. Впервые состязания в Головино состоялись весной 1980 года — вскоре после того, как Николай вернулся из олимпийского Лейк-Плэсида. Там, у подножия горы Ван Ховенберг, он трижды поднимался на высокую ступеньку пьедестала, за что и был провозглашен «королем лыж». Прежде такого титула за выдающиеся успехи удостоивались финские гонщики Вейкко Хахкулинен и Эро Мянтюранта, швед Сикстен Ернберг и советский спортсмен Вячеслав Веденин. Но никому из них не удалось завоевать на одной Олимпиаде три золотые медали.

Кстати, именно пример Веденина и вдохновил в свое время Николая на штурм спортивных высот. В детстве он особыми физическими данными не выделялся. Правда, был повыносливее сверстников, но в силе им уступал. Жили Зимятов в поселке Румянцево, и в ДЮСШ в соседнем селе Новопетровском Коля записался только потому, что хотел чем-нибудь занять свободное время. О громких победах он тогда даже и не мечтал — считал, что олимпийские чемпионы вылеплены из другого теста.

Прочитанная в газете беседа с Вячеславом Ведениным перевернула его представления о своем месте в спорте. Николай только диву давался, как много между ними было общего. Оказалось, что и Веденин родом из среднерусской деревни. И его поставил на лыжи не какой-то знаменитый тренер, а школьный учитель физкультуры. До шестого класса будущий герой Олимпиады-72 тоже не отличался богатырским здоровьем. В разговоре с журналистом Веденин утверждал, что лыжный спорт особенно подходит для деревенских ребят, которые в большинстве своем уже с малых лет приучены к нелегкому физическому труду и неблизким пешим переходам. А коли так, подумал Коля, то почему бы и ему не попробовать сравняться со знаменитыми асами лыжи?

Первый тренер Николая Алексей Иванович Холостов вспоминает:

— Зимятов начал тренироваться поздновато — учась в девятом классе. Я нарочно выдал ему старенькие лыжи и ботинки — хотел посмотреть, зачем он пришел в ДЮСШ: трудиться или просто пофлорсить в «мастерской» амуниции? Мама Николая рассказывала, что он тогда целую ночь старательно приводил полученный инвентарь в порядок. А потом не раз показывал на тех лыжонках вполне приличные результаты.

На следующую зиму Зимятов обошел всех наших прежних лидеров. Силенок ему по-прежнему не доставало, зато тер-

пения, трудолюбия и упорства было предостаточно. Взвзвись за дело, он уже не отступал. Повез я его однажды запасным на областные соревнования в Звенигород. Там наш тогдашний первый номер Слава Полунин перед самым стартом сильно простудился. Пришлось выставлять Зимятова. Он сказал: «Не беспокойтесь, не подведу!» И показал третий результат — и это на первых в жизни серьезных состязаниях! Попал в сборную области, а через год стал чемпионом Российской Федерации среди молодых сельских лыжников. Так открылась его «золотая» лыжня.

Спорт начинается с самопреодоления. В этом Зимятов убеждался уже не раз. Раньше его мучили простуды. Порой они вынуждали пропускать очень важные старты. В 1978 году, выиграв серебряную медаль на чемпионате мира в Лахти и поняв, что после этого ему открывается путь в олимпийскую сборную, Николай решил: нужно по-настоящему браться за закалку. И начал каждый день купаться в речке с ранней весны до поздней осени, хотя и не был особенно охоч до плавания.

На Олимпиаде-80 Зимятов поразил соперников твердостью характера. Трасса в Лейк-Плэсиде была очень сложной: затяжные подъемы, коварные крутые спуски. Без конца капризничала погода. Но Николай любит именно такие тяжелые, изматывающие гонки, сполна проверяющие у спортсмена не только силу мышц, но и силу духа. В умении пересиливать себя он вряд ли кому-нибудь уступит. Поэтому, наверное, и спасовали перед этим по-юношески стройным, гибким парнем из Подмоскovie могучие скандинавские гонщики. Более трех минут выиграл тогда Зимятов в пятидесятикилометровом марафоне у двухметрового гиганта из Финляндии Юхи Мието. Случай, доселе небывалый в олимпийских лыжных гонках.

А потом для «короля лыж» начались трудные дни и месяцы. Два года после Олимпиады-80 он не мог по-настоящему тренироваться. Давала себя знать усталость — и физическая, и моральная. Зимой 1983-го Николай решил: нужно встряхнуться, взять себя в руки. На старте нового олимпийского сезона он выиграл подряд шесть крупных соревнований и был вновь включен в сборную. А в Сараево — единственный из наших лыжников — завоевал золотую медаль. Захватив лидерство уже на старте тридцатикилометровой дистанции, он, считавшийся в двадцать девять лет ветераном, так и не дал приблизиться к себе лучшему шведскому гонщику, будущему двукратному олимпийскому чемпиону Гунде Свану. Шагнув за финишную чер-

ту, швед, обессиленный, упал на снег, но показал только третье время. Вот какой была эта гонка.

Свой олимпийский стартовый номер Николай подарил ребятам из родной Новопетровской ДЮСШ. В свое село он приезжает каждую весну, чтобы провести «лыжню Зимятова» и побывать на традиционной встрече воспитанников Алексея Ивановича Холостова, который вот уже девятнадцать лет тренирует юных сельских лыжников. По дороге чемпион обязательно заворачивает на день-другой в Румянцево — помочь родителям по хозяйству.

Лыжня, проложенная от деревенской околицы, вывела Зимятова в четырехкратные олимпийские чемпионы. Но сам «король лыж» считает, что спорт — это всего лишь испытание сил в начале жизненного пути. Не так давно Николай окончил Московский областной институт физкультуры и теперь намерен заняться спортивной педагогикой. А взявшись за дело, он уже не отступает.

Сергей ШАЧИН

Фото Мстислава БОТАШЕВА

*Уважаемые читатели!
В очередном выпуске «Спортивного автографа» предлагаем вам познакомиться ближе с выдающимся советским лыжником Николаем Зимятовым. Об этом просили наши читатели Игорь Кудлай (Пермь), Олег Захаров (Новосибирск), Евгений Николаев (Киев), Галина Мелихова (г. Кузнецк), Кирилл Бондаренко (Запорожье), Реваз Татулашвили (Тбилиси), всего 63 письма.*

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820

Николай Зимятов